

# **Церковный собор в Москве 1682 года Н. Виноградский**

## Вступление

Малоизвестность церковного собора 1682 года в русской исторической литературе. – Григорий Воробьев, как специальный исследователь о соборе – Источники для изучения собора, – документы печатные и рукописные, относящиеся к этому собору.

Церковный собор, взятый предметом предлагаемого исследования, относится к числу наименее разобранных в русской печати исторических фактов, хотя немаловажное значение его в истории русской церкви несомненно и признается наиболее компетентными нашими историками, наприм. Костомаровым<sup>1</sup> Соловьевым<sup>2</sup> и другими. Не говоря уже об отсутствии сколько-нибудь обстоятельного разрешения вопросов: а) о происхождении и значении постановлений этого собора, б) о связи его деятельности с общим планом реформ в церковном и государственном отношении, задуманных в царствование Феодора Алексеевича, в) об изучении и разборе сохранившихся от него документов и т. п., исследователями русской истории до сего времени точно не установлено даже года, в котором происходили заседания этого собора. Так, одними историками (С. М. Соловьевым<sup>3</sup>, Н. И. Костомаровым<sup>4</sup>), митрополитом Макарием<sup>5</sup> постановления, выработанные на этом соборе, относятся к 1691 году, другими (проф. Николаевским<sup>6</sup>, Доброклонским<sup>7</sup>) к 1682 году и третьими, наконец, (архиепископом Филаретом<sup>8</sup>, профес. Знаменским<sup>9</sup>) в одном месте их исследований приурочиваются к 1681 году, а в другом – к 1682 году. При чем все означенные историки в своих исследованиях касаются этого факта только мимоходом.

До сего времени известна только одна попытка заняться изучением этого собора специально, это изданная в 1885 году в Петербурге Тузовым книжка Григория Воробьева под заглавием: «О Московском соборе 1681–1682 года», – «опыт исторического исследования», но этот несерьезный опыт не только не внес в существовавшее доселе представление о соборе сколько-нибудь полноты и ясности, но, можно сказать, прибавил только

путаницы. Так, например, по мнению автора этого опыта, «заседания означенного собора», на которых выработано, по его же, автора, собственному утверждению, (не вполне впрочем верному), всего лишь 16 постановлений, продолжались более 16 месяцев и время заседаний собора приурочено им уже не к одному какому-нибудь году, а к целым двум, если не трем: «Относительно времени, когда начались и долго ли продолжались заседания собора 1681–1682 гг.», пишет Воробьев<sup>10</sup>, «можно предположить, что предварительные совещания царя с патриархом начались в конце ноября 1681 года, а общие заседания собора открылись не ранее первых чисел сентября 1682 (?) года. Окончились соборные заседания – неизвестно когда, во всяком случае не позже половины апреля месяца 1682 года. Так что соборные деяния продолжались, считая, конечно, с перерывами и полагая год с сентября по сентябрь, месяцев шестнадцать с чем-нибудь»<sup>11</sup>. Впрочем, автор сам сознается, что он писал свой «опыт» не имея под руками достаточных данных о соборе, на основании одних лишь весьма немногих имеющихся в печати документов от этого собора. Поэтому он откровенно отказался хотя бы отчасти изложить в своем исследовании «внешнюю историю собора» и занялся исключительно ознакомлением читателей с царскими собору предложениями и постановлениями последнего в той их редакции, в какой они изложены в 5 томе *Актів Исторических* под № 75. Причем, вместо того, чтобы выяснить происхождение и значение соборных постановлений и указать связь царских предложений с общим планом реформ в церковном и государственном отношении, задуманных в царствование Феодора, автор в своем исследовании занят преимущественно историческими воспоминаниями по поводу тех предметов и вопросов, которые затронуты были в постановлениях собора и часто весьма отдаленными от них по времени, нисколько не объясняющими современное собору их положение. Не имея возможности познакомить читателя с документами, сохранившимися от собора в рукописном виде, по той простой причине, что автор сам их не видал, а знает об их существовании лишь по выпискам из них, «любезно

предложенным ему проф. Николаевским», он не предложил читателю разбора даже и тех немногих документов, которые имеются в печати.

Таким образом, в нашей исторической литературе, строго говоря, не имеется никаких подготовительных работ по изучению взятого для предлагаемого исследования предмета. Такая малоизвестность собора дает автору настоящей работы надежду, что его попытка – сделать на основании сохранившихся в архиве записей соборных деяний некоторые поправки к имеющимся в печати не вполне точным сведениям о данном соборе, по мере умения и сил восполнить довольно значительные пробелы в деле изучения постановлений его и познакомить читателя с сохранившимися от этого собора, доселе ненапечатанными, документами, – не будет признана совершенно излишней. Но, с другой стороны, отсутствие в русской исторической литературе подготовительных работ по взятому предмету налагает на автора довольно ответственную обязанность делать свои выводы и заключения об изучаемом соборе исключительно на основании лишь неразработанных и даже в большей их части еще неопубликованных архивных документов.

При такой постановке дела, прежде чем приступить к изложению самой истории собора и изучению его постановлений, вполне естественно сначала разобраться между всеми сохранившимися от него документами.

Из общего числа соборных актов в печати доселе известны лишь следующие три: а) в 5 томе *Актов Исторических* под № 75 помещено<sup>12</sup> «Соборное постановление по предложениям царя об учреждении новых епархий, о предании раскольников градскому суду, о церковном и монастырском благочинии, о исправлении Чиновной книги, о хранении Ризы Господней и святых мощей, о призрении нищих и воспреещении строить новые пустыни и продавать разные выписи из книг Божественного Писания и пр. – 1681 г. в ноябре», б) в 4-й части *Собрания Государственных Грамот и Договоров* под № 131 напечатан – «Доклад всероссийскому патриарху Иоакиму о прибавке, с соизволения государя, царя Феодора Алексеевича,

в Сибирскую епархию по ее пространству и во многие другие города архиереев. 1682 г. 6 февраля» и, наконец, в) в той же 4-й части *Собрания Государственных Грамот и Договоров* под № 128. – «Постановление, учиненное государем, царем Феодором Алексеевичем с совета всероссийского патриарха Иоакима: о именовании архиереев по степеням и о придаче патриарху и в каждую епархию подвластных епископов», этот же документ напечатан и во 2-м томе *Полного Собрания Законов* под № 898.

а) По мнению археографической комиссии, издавшей 5-й том *Актow Исторических*, помещенное под № 75 «Соборное постановление по предложениям царя» напечатано с «подлинника» деяний изучаемого собора. Окончательной редакцией соборных определений считает этот документ и профес. Николаевский<sup>13</sup>. С этим мнением есть достаточно оснований согласиться: во-первых, рукописная тетрадь<sup>14</sup>, с которой напечатано это постановление, написана четким старательным почерком с очень немногими поправками; все предложения царя и соборные постановления по ним приведены в ней во внешний порядок с надлежащей нумерацией и весь акт имеет вид вполне оформленной канцелярской работы, даже с краткою историческою справкою об обстоятельствах и ходе дела на соборе, а в конце предисловия к постановлениям оставлено даже место для рукоприкладств отцев, бывших на соборе; а во – вторых, и что самое главное, изложение царских предложений и соборных ответов на них в этой тетради весьма сходно с текстом чернового подлинника соборных деяний, если читать их по исправленной редакции. (Черновой подлинник хранится в числе других бумаг от этого собора в Главном Архиве Министерства Иностранных Дел в Москве, речь о нем ниже). Рассматриваемый документ<sup>15</sup> включает в себе, кроме предисловия и исторической справки об обстоятельствах и ходе дела на соборе, шестнадцать предложений от имени царя собору со столькими же на них соборными ответами. Предисловие, начинающееся словами: «Иоаким милостию Божию патриарх царствующего великого града Москвы»... и оканчивающееся: «присутствующий же архиерее ту и с нами

соответствующий сии»... , написано от имени патриарха особым, принятым в официальных бумагах того времени, языком. В нем объясняется, что «свиток с подлогами», на которые являются ответом нижеприведенные в документе постановления собора, прислан на собор от царя еще в ноябре 1690 года и что собор, получив его на рассмотрение, отнесся к заботам царя о благе церкви с особою признательностью, и, приступив немедленно к обсуждению, решил все заключающиеся в свитке вопросы «единомудренно при всех российских архиереях»... Историческая справка к соборным постановлениям, – начинающаяся словами: «нынешнего настоящего 1690 году по указу»... и идущая вплоть до 1-го предложения, представляет собою изложение более точных сведений, чем в предисловии, о ходе дела на соборе. В ней исторически верно<sup>16</sup> указано, что заседания собора 1682 года были открыты особым письмом царя, присланным им к патриарху, причем приведен почти сполна и самый текст письма. – Тождество этого письма с сохранившимся в бумагах собора черновым подлинником его, на котором имеется хронологическая дата, показывает, что это письмо было вручено патриарху лишь 6 февраля 1682 г. – Что местом заседаний собора была крестовая патриаршая палата и что только на этих заседаниях, последовавших вслед за присылкой от царя письма, а не ранее когда либо, были рассмотрены все нижеследующие в деянии 16 предложений. Что касается текста царских предложений и соборных на них ответов, то читатель ознакомится с ним ниже при изучении каждого соборного постановления отдельно<sup>17</sup>, сущность-же их сводится к следующему: 1-е предложение и ответ на него трактуют о переустройстве на Руси епархиального управления и увеличении количества епископских кафедр, 2-е, 13, 14, 15, и 16-е о мерах борьбы с расколом, 3 и 8-е о мероприятиях против монастырских нестроений и нетрезвости белого духовенства, 4-е о поддержании в порубежных пунктах православия, 5-е об исправлении текста Чиновной книги, 6 и 7-е о хранении Древа Животворящего Креста, Ризы Господней и частиц св. мощей, 9 и 10-е о призрении нищих, и, наконец, 11 и 12-е о поддержании должного отношения к святости храмов и кладбищ.

б) «Доклад всероссийскому патриарху Иоакиму о прибавке .. архиереев» есть ничто иное как сейчас упомянутое, помещенное в предисловии к соборному деянию, письменное предложение от имени Феодора Алексеевича патриарху и архиереям открыть соборные заседания для обсуждения его проекта о переустройстве на Руси епархиального управления и других церковных вопросов, на что указывает буквальное его сходство с отрывком этого письма, помещенным в предисловии к соборному деянию. Из пометы, сохранившейся на черновом подлиннике этого документа, видно, что это письмо «чтено святейшему патриарху и (всем) властям и поднесено 190 году Февраля в 6-й день». В этом письме от имени Феодора Алексеевича заявлялось собору, что еще 2 Сентября 7190 (1681) года был поставлен правительством на очередь вопрос о переустройстве епархиального управления на Руси и умножении числа архиерейских кафедр, но до сего времени (до 6 Февраля 1682 года) ничего, кроме учреждения степеней между архиереями, из тех предначертаний не исполнено, – и в виду этого предлагалось: «чтоб ныне те доброначатые с Богом дела исправляти». Полный текст этого документа, помимо 4-й ч. *Собрания Государственных Грамот и Договоров*, можно читать в приложении 6-м к настоящему исследованию.

в) Документ, помещенный под № 128 четвертой части «*Собрания Государственных Грамот и Договоров*», и в той же буквально редакции под № 898-м второго тома «*Полного Собрания Законов*», первую свою часть представляет бывший на рассмотрении у собора 1682 года, составленный еще в Ноябре 1681 года, царский проект о переустройстве епархиального управления и умножении на Руси архиерейских кафедр. Этот, именно, проект, как будет доказано в своем месте, разумеется, когда в предисловии к соборному деянию, напечатанному в 5 т. *Актов Исторических*, говорится: «написанный свиток нам принесся нынешнего 7190 лета месяца Ноемврия... дня» и далее на странице 110–5-го т. *Актов Исторических*: «а где быти в прибавку архиереем и то от Великого Государя... святейшему Иоакиму... предложено». По совету с патриархом Иоакимом Феодором Алексеевичем по

этому проекту предположено было учредить степени между архиереями и подчинить 12-ти митрополитам и патриарху открываемые вновь 34 архиерейских кафедры. Вторая часть документа, начинающаяся словами: «Святейшего Иоакима, патриарха Московского и всеа России во епархии написано было»... содержит в себе сравнение двух росписей предполагавшихся к открытию при Феодоре епископских кафедр: а) «прежней», по которой предназначено было открыть вновь на Руси 72 кафедры и б) позднейшей – «нынешней», которой назначено было учредить вновь всего лишь 25 епископских кафедр, «Прежняя» роспись представляет собою схему первоначальной редакции проекта Феодора Алексеевича по вопросу об умножении числа архиереев на Руси, еще до сокращения его, по совету патриарха в Ноябре 1681 года, о чем с доказательностью будет сказано ниже в главе 2-й исследования, «Нынешняя» же роспись должна быть рассматриваема, как одно из позднейших примерных сокращений этого проекта. Текст рассматриваемого документа всею полностью и почти без всяких разночтений с печатным приведен с чернового подлинника его в 5-м приложении к настоящему сочинению и первую свою половину во 2-й главе.

Гораздо больше документов, относящихся к изучаемому собору и служащих к выяснению этого факта, имеется в рукописном виде, – еще неопубликованных. Все известные доселе документы этого последнего рода хранятся в Главном Архиве Министерства Иностранных Дел в Москве в картонках седьмом и восьмом «Российских Дел Духовных». Всего их там десять тетрадей, по внешнему своему виду и форме похожих на сложенный вдоль пополам полулист нынешней писчей бумаги, только несколько длиннее, кажется, именно, такого вида тетради назывались тогда «столбцами». Тетради, в большинстве своем писанные скорописью, составлены из отдельных довольно ветхих листов и клочков, в большинстве своем умелой рукой подобранных и подклеенных друг к другу в порядке содержания. На оберточном листе каждой тетради позднейшей рукой, вероятно, при разборе архива, сделана



соответствующая предмету содержания надпись<sup>18</sup> и отметка о времени, к которому они относятся. Все эти тетради целиком напечатаны в приложениях к настоящему исследованию. Некоторые из них, наприм. помещенные в приложениях под № № 5, 6 и 10, опубликованы, как сейчас выше сказано, раньше, и напечатать их снова не лишне только потому, что на них частые ссылки в исследовании, а издания поместившие их у себя, малодоступны, главным же образом в виду некоторых разночтений, встречающихся между редакциями этих документов – в рукописях и в печати. Документы, приведенные в приложениях 5–10 имеют прямое – непосредственное отношение к изучаемому собору, будучи заготовлены или ко дню, или же во время самых его заседаний, документы же под № № 1–4 являются, так сказать, работой подготовительной к заседаниям собора, – написаны задолго до собора, – еще в 1681 году. Но эти документы, несомненно, были у собора под руками как, справочный материал, особенно при рассмотрении 1-го царского предложения, Вчитываясь в текст и современные их происхождению пометы на этих документах легко понять значение и исторический смысл каждого из них<sup>19</sup>.

а). Тетрадь, текст которой помещен в приложении первом, состоящая из 44 листов, в архиве помечена так: – «Росписание всех епархий и монастырей с показанием, сколько за которым монастырем дворов», – заглавие это вполне точно указывает на содержание тетради. Здесь действительно, сшито 13 отдельных росписей монастырей со дворами при них по 13 из числа 17-ти тогдашних епархий, нет росписей лишь по епархиям: Сибирской, Рязанской, Белгородской и Вятской. Сначала идет крайне изветшавшая роспись городов и монастырей в них и в их уездах по епархии патриарха, потом по епархиям: Новгородской, Казанской, Астраханской, Псковской, Тверской, Нижегородской, Коломенской, Вологодской, Ростовской, Смоленской и, наконец, Суздальской. Все росписи писаны разными руками и почти на каждой имеется «рукоприкладство» а иногда и скрепа по листам<sup>20</sup> архиерейских стряпчих, и подъячих. Например, на Коломенской: «к сей росписи Коломенской домовых дел стряпчей Ивашко Гринев руку приложил», на Ростовской: «к сей

росписи преосвященного Ионы, митрополита Ростовского и Ярославского, стряпчей Алешка Бобров руку приложил», на Смоленской: «а скаску писал митрополю Казенного приказу подъячей Родка Стефанов» и т. п. Сведения, заключающиеся в этих росписях, собирались из первых рук: или «с доклада» самих епархиальных архиереев, или же с показаний их стряпчих, что видно, кроме собственноручного рукоприкладства на этих росписях архиерейских чиновников, еще из такого рода помет, имеющих на некоторых росписях, например, на Смоленской: «190-го года октября в 28 день Преосвященного Симеона, митрополита Смоленского и Дорогобужского, Стряпчей Василий Истомин в приказе Большого Дворца боярину и дворецкому князю Василью Федоровичу Одоевскому, с товарищи сказал, что есть в пастве преосвященного митрополита монастырей»..., на Астраханской: «а сию роспись писал з доклада архиерейского судных и духовных дел подъячишко Ивашко Козлов». Хронологические даты, сохранившиеся на большинстве росписей, показывают, что материал, служащий их содержанием, собран в течение сентября и октября 1681 (7190) года; так Тверская роспись помечена: «190 году сентября в 25 день роспись, сколько в Тверской епархии городов и в них монастырей, Крутицкая: «190 году сентября в 22 день роспись, что в Крутицкой епархии городов и в них монастырей», Смоленская: «190 году октября в 28 день... стряпчей Василий Истомин в приказе Большого Дворца... сказал, что есть в пастве митрополита (Смоленского) монастырей», Ростовская: «В Устюжской чети октября 17»...<sup>21</sup> подобные же пометы имеются и на других росписях, все они относят составление росписей к числам сентября или октября 1631 года. Все эти росписи служили, как ниже будет доказано, справочным материалом при составлении проекта Феодора Алексеевича о переустройстве епархиального управления. Ввиду такого назначения росписей документ этот в своем целом получает особую ценность в деле определения времени составления первого царского предложения собору.

б). В приложении втором напечатан текст тетради, имеющей вполне исчерпывающее ее содержание заглавие: «Описание по

справкам, что расстояния от тех градов, где епископом быть до других городов, в которых владеть им придаточными монастыри». Это, несомненно, отрывок из целого ряда справок подобного же рода. Возможно, что справки эти наводились одновременно с теми, которые заключаются в разобранной сейчас выше тетради. Справки о расстоянии монастырей от назначавшихся для жительства новым архиереям городов были весьма необходимы при составлении царского проекта об умножении количества архиереев на Руси. Нужно это было в тех видах, чтобы при выборе в удел новым архиереям на их содержание монастырей назначить им в пользование только такие монастыри, которые были ближе к их месту жительства и наиболее удобны для сношения с ними. Этот документ наглядно свидетельствует о предусмотрительности и осторожности, какими руководствовались составители проекта об открытии новых епископских кафедр на Руси.

в). В приложении третьем помещен текст тетради из картона 7-го «Российских Дел Духовных» в подлиннике надписанной так: «Роспись городом и монастырем, в которых городех быти епископом, и в которых монастырех жити, и что за теми монастыри крестьянских и бобыльских дворов по переписным книгам 186 (1678) году». Здесь на 28 листках соединены два совершенно отдельных документа: а) сначала идет изложение проекта Феодора Алексеевича о разделении всей территории русской церкви на 12 митрополичьих и один патриарший округ, причем в округе каждого митрополита означены города, в которые предполагалось вновь назначить 70 епископов и в этих городах монастыри, в которых жить новым епископам. Как ниже будет доказано, есть вся вероятность полагать, что эта часть документа есть черновой вид или первичная редакция самого раннего проекта Феодора Алексеевича о переустройстве на Руси церковного управления. Кажется, именно, эту редакцию проекта имеет в виду современник царствования Феодора, автор «Созерцания Краткого лет 7190–91–92»<sup>22</sup>, когда говорит про Феодора Алексеевича, что «в начале восхотел было он, Великий Государь, в царстве своем на славу Божию и во опщую

народную пользу и святые церкви во утверждение учинити в великих градах, идеже прежде быша цари и идеже княжении бяху, двенадцать митрополитов, по иным же градом семьдесят епископов»... б). Вслед за этим проектом в той же тетради вшиты совершенно изветшалые пожелтевшие листы, писанные совсем другим почерком и чернилами, резко отличающимися от почерка и чернил проекта, а равно и последующих заключительных листов тетради. Начинаясь словами: «За Троицким Сергиевым монастырем во Владимирове – крестьянских и бобыльских дворов 525» и т. д., эти листы содержат в себе перечисление крестьянских и бобыльских дворов, в 24 разных городах. Можно думать, что эти сведения составляют отрывок из общей затерянной росписи монастырей и дворов за ними по епархии патриарха, – подобной тем росписям по епархиям прочих архиереев, какие идут далее в той же тетради вслед за этими листами. Заключительные (последние) листы этой тетради, начинающиеся словами: «За Тихвинским м. 565 дворов, за Вяземским 588 двор.»... и до конца тетради содержат перечисление монастырей и дворов при них преимущественно по тем городам митрополичьих округов (Псковского, Казанского, Астраханского, Сибирского, Ростовского, Коломенского, Тверского, Вятского, Нижегородского, Рязанского и Белгородского), в которые, по пришему здесь в начале проекта, предназначались вновь архиереи. Эти последние листы написаны одним почерком с проектом и, видимо, имеют к нему некоторое отношение, служа, может быть, справочным материалом при его составлении, а м. б. примерным черновым наброском самого проекта.

г). Тетрадь, напечатанная в приложении 4-м, лишь недавно, в 1893 году, – найдена в неразобранных столбцах архива С. Л. Белокуровым. На предмет содержания ее указывают слова, помещенные на оберточном листе, написанные, судя по почерку, одновременно с происхождением самого документа: «При Иоакиме патриархе, в которых градах быть епископом и о иных». Здесь, действительно, приводится начало росписи новых епископских кафедр, предположенных к открытию в царствование Феодора Алексеевича, обрывается она на

епархии Сибирской. Сравнивая перечисленные в ней новые кафедральные города с теми, которые названы «в прежней» росписи по документу, помещенному в *Полном Собрании Законов и Собрании Государственных Грамот и Договоров* (смотри выше под буквою «в»), можно, со всею основательностью, заключить, что эта тетрадь представляет отрывок, именно, этой «прежней росписи» с 72 новыми епископами, т. е, отрывок проекта Феодора Алексеевича о переустройстве епархиального управления в его первоначальном виде, в том виде, в котором он, как увидим ниже, был передан царем на рассмотрение патриарха в самый первый раз. Тетрадь написана крайне беглым и неразборчивым почерком со вставками и поправками, – несомненно, это один из черновых неоконченных набросков первоначальной редакции проекта.

д). В приложении пятом напечатан текст тетради, озаглавленной в архиве лицом, разбиравшим его, так: «Концепт определения, учиненного с общего согласия между государем, царем Феодором Алексеевичем и патриархом Иоакимом о бытии и именовании архиереев по степени и всякому архиерею иметь в своей епархии подвластных ему епископов, а также и патриарху иметь многих епископов же, с показанием имен городов и для содержания их довольствия монастырей». Это тот самый документ, который напечатан во 2-м томе *Полного Собрания Законов* и 4-м томе *Собрания Государственных Грамот и Договоров*, и который разобран нами выше в числе опубликованных уже документов собора – под буквою «в.» В упомянутых изданиях при напечатании этого документа соединены в одно целое, без всяких о том объяснений, два совершенно отдельных акта. Из тетради же усматривается, что напечатанное зауряд с проектом сравнение «прежней» и «нынешней» росписей вовсе не стоит в тесной связи с самым проектом, это сравнение сделано совсем на отдельных листах, только механически соединенных с проектом в одно целое, и притом – совершенно иным почерком и чернилами, очевидно, проект и сравнение писались не в одно и тоже время. С другой стороны, сравнивается с «нынешнею» росписью здесь не выше

пред сим изложенное росписание или проект новых кафедр, а совсем другое – «прежняя роспись». Нужно полагать, что соединение этих двух документов в одну тетрадь произошло случайно по личному усмотрению лица, разбиравшего эти бумаги в архиве. Сущность содержания каждой части этого документа и значение их объяснены нами при разборе печатной редакции его.

е). Документ, напечатанный в приложении шестом, есть черновой подлинник, с копии которого в 4 й части *Собрания Государственных Грамот и Договоров* под № 131 напечатан «Доклад Всероссийскому патриарху Иоакиму о прибавке, с изволения Государя, Царя Феодора Алексеевича, в Сибирскую страну, по ее пространству, и во многие другие города архиереев» и в 5 т, *Актow Исторических* под № 75 в предисловии к соборным постановлениям – отрывок «писания царского изволения». Содержание и смысл этого документа указаны сейчас выше под буквою «б». Это, как показывает помета на нем, есть то письмо Феодора Алексеевича, которое было прислано им патриарху и архиереям 6 февраля в патриаршие хоромы с предложением безотлагательно «ныне» – заняться обсуждением перечисленных в нем вопросов, так сказать, высочайший приказ об открытии заседаний собора. Этот рукописный документ имеет для нас особую цену, потому что на нем сохранилась точная хронологическая дата о времени открытия соборных заседаний.

ж). Далее, под № 7 в приложениях помещен текст тетради, содержащей в себе сшитыми вместе три письма митрополитам: Новгородскому, Казанскому, и Тверскому, написанные от имени царя. В письмах указаны причины, вызывавшие неотложное увеличение количества архиереев на Руси и обозначено, где в их епархиях предназначено быть вновь «подвластным» епископам. Такие письма, как видно из пометы на одном из них, были заготовлены в количестве 12-ти и частью розданы 3 февраля на соборе «коемуждо митрополиту по степени». Составлены они были на основании росписи, «какова дана святейшему патриарху в тетрадях февраля в 6-м числе». Текст всех трех писем буквально сходен, за исключением

перечисления новых в каждой епархии кафедральных городов, и потому в приложениях напечатано целиком только одно из них, а из других приведена лишь та часть их, где идет означенное перечисление. Формат этих писем совершенно иной, чем прочих тетрадей, он похож на тетради из нынешней писчей бумаги, сделанные в четверть листа, Письмо митрополиту Тверскому и большая часть письма митрополиту Казанскому писаны полууставом, а Новгородскому – скорописью. Назначением этих писем, как кажется, было служить наглядным для каждого митрополита пособием при обсуждении 1-го царского предложения.

з). Помещенный в приложении восьмом документ представляет собою, как гласит позднейшее надписание тетради, «челобитную Государю Царю, Феодору Алексеевичу «от всего духовного собора о устроении вновь в дальних городах епархий и о бытии им особыми, а не подвластными митрополитам». Несомненно, это – первоначальная редакция выработанного на заседании собора 8 февраля 1682 г. ответа на первое предложение Феодора о переустройстве епархиального управления и увеличения количества архиереев на Руси. Судя по этой редакции собором сначала предположено было вновь открыть 15 епархий. В значительно измененной редакции эта челобитная напечатана в 5 т. *Актow Исторических* под № 75-м в качестве окончательного соборного ответа на первое предложение «царского благоволения», Тетрадь писана на 6 листах четким полууставом и по внешнему своему виду похожа на письма митрополитам. Этот документ дает точное указание на время первого заседания изучаемого собора и с этой стороны представляет также большую ценность.

и). Документ под № 9, озаглавленный в архиве: «концепт письма от Государя Царя Феодора Алексеевича к Патриарху Иоакиму и ко всему духовному собору, состоящее в шести статьях, т. е. о раскольниках, монастырях, посвящении зарубежных попов, о чиновнике и проч. с учиненным от патриарха соборным на оное ответом представляет свою первую часть черновой список с письма собору, присланного от царя на заседание собора 8 февраля, в котором предложено

было обсудить соборно шесть вопросов, вошедших в окончательное соборное деяние в качестве 2, 3, 4 и 5-го предложений царского благоволения. Во второй же половине тетради содержится проект соборных ответов на все статьи письма. Редакция ответов, помещенная здесь, значительно разнится от окончательной, в которой они напечатаны в 5 томе *Актow Исторических*. Этот документ важен тем, что не только указывает на порядок и постепенность хода дела на соборе, но и дает знать, что на заседаниях собора 1682 года, кроме шестнадцати помещенных в окончательном деянии собора вопросов, были рассмотрены и некоторые другие. Феодор Алексеевич, как видно из этого документа, предложил собору обсудить, кроме перечисленных в окончательном деянии собора, еще вопросы: 1) о недержании «хмельного питья по монастырям» и 2) об отобрании у монастырей царской руги.

и). Наконец, десятая тетрадь, озаглавленная в архиве:– «концепты пятнадцати предложений, учиненных от Государя Царя Феодора Алексеевича патриарху Иоакиму и всему освященному собору о устройении в России вновь архиерейских епархий и исправлении дел, касающихся до церковного всякого благочиния с воспоследовавшими на оные соборными ответами», – несомненно, представляет собою черновую первоначальную редакцию полного соборного деяния. В исправленном виде вся эта тетрадь напечатана в 5 томе *Актow Исторических* под № 75, начиная словами: «Нынешнего настоящего 7190 году, по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича... прислано писание его царского изволения на собор».... и до конца пятнадцатого предложения. Четырнадцатое предложение и ответ на него сохранились в этой тетради только частью а ответа на 15-е предложение и предложения 16-го с ответом на него совсем не сохранилось. В виду встречающихся разночтений текста этой тетради от документа, помещённого в 5 т. *Актow Исторических*, я нашел нелишним поместить ее в приложении 10-м целиком параллельно с текстом последнего. Существенное отличие изложения соборного деяния в этой тетради от окончательной редакции его состоит между прочим в том, что здесь нет



предисловия к соборным постановлениям от имени патриарха, начинающегося в окончательной редакции деяния словами: «Иоаким, милостию Божиею патриарх царствующего великого града Москвы», и оканчивающегося словами: «писася сие от миротворения 7190 лета, индиктиона 5».

Вот все первоисточники, на основании которых автором предлагаемого исследования сделаны его выводы и суждения о церковном соборе 1682 года. О степени состоятельности этих выводов и суждений читателю судить тем легче, что все найденные доселе архивные материалы, относящиеся к собору, он имеет возможность прочитать здесь-же в дословном их изложении.

## **История церковного собора в Москве 1682 года**

## Глава I-я. История собора

Характер церковного собора 1682 года. – Время его заседаний. – Личный состав собора. – Место соборных заседаний. – Ход дела на заседаниях, – Какие вопросы решены на соборе. – Разделение соборных постановлений на группы.

При изучении деяний церковных соборов 17 века следует различать, какому собору они принадлежат. Дело в том, что название собора в то время употреблялось не всегда в одном и том же смысле. Говоря о церковном соборе у нас принято обыкновенно предполагать срочное созвание в определенный пункт для обсуждения церковных дел всех архипастырей одной или нескольких церквей на подобие того, как созывались соборы вселенские, поместные, или как, например, в недавнее время на Руси был созван собор в Казани. Присматриваясь же к письменным памятникам 17 века можно заметить, что название собора тогда было усвоено еще особой коллегии духовных сановников во главе с патриархом. Этот собор, называвшийся «освященным» носил характер постоянного учреждения на подобие нынешнего Святейшего Синода<sup>23</sup>. Входявшие в состав его архиереи, иногда в большем, иногда в самом ограниченном количестве, чередуясь, находились в Москве постоянно. Такое присутствие их, кроме нужд собственно церковных, вызывалось существовавшим тогда обычаем у русских государей приглашать освященный собор в Боярскую Думу давать свою мысль по довольно широкому кругу правительственных дел, а Боярская Дума была постоянным советом при государе. Русским архиереям было много дела в их обширных епархиях и потому бессменно им жить в Москве было невозможно, но чтобы и от них всегда иметь представителей в Думе, их вызывали в Москву по очереди, по особому каждый раз «царскому повелению»: «самовольством своим, без царского указа и без грамот к Москве они не ежжились»<sup>24</sup>. Постановления, дававшиеся от лица «освященного собора» и даже только в его присутствии Боярской Думой, также назывались соборными; так, например, названо постановление

об уничтожении местничества и другие. Очевидно, что постановления такого собора, как синодальные определения настоящего времени, могли исходить от лица собора в течение всего года.

Естественно, поэтому, спросить, не были ли делом такого же «освященного» собора и изучаемые соборные постановления по предложениям Феодора Алексеевича. Этот вопрос тем более уместен, что Феодор Алексеевич, как дают понять некоторые выражения соборных актов, имел намерение внести свои предложения на обсуждение, именно, освященного собора: «во 190 году сентября во 2 день Великий Государь... Феодор Алексеевич.... изволил.... патриарху..... и всему собору возвестить о делех, которые требуют исправления.... и потому его царскому возвещению святейший патриарх, вкупе со *освященным собором*, начало тому учинили»...<sup>25</sup> «Или, например, в предложении тринадцатом, указывая собору на беспорядки и нестроения производимые бродящими монахами, царь в обращении к собору говорит: «и чтоб Великий Господин Святейший Иоаким, Патриарх Московский и всеа Росии, со освященным собором пред таковым быти не попускали».

Хотя в приведенных выражениях прямого ответа на поставленный вопрос деяния изучаемого собора еще не дают, однако некоторые другие выражения документов, сохранившихся от собора, и ознакомление с обстоятельствами, при которых состоялись заседания собора, дают довольно твердое основание заключить, что изучаемые постановления по предложениям Феодора Алексеевича были делом именно освященного собора, но только не в обычном малочисленном его составе, а с участием большинства тогдашних русских архиереев. Это были, если так можно выразиться, чрезвычайные заседания освященного собора. Чрезвычайный характер этих заседаний выясняют следующие данные: Во 1-х, в предисловии к соборным постановлениям от лица председателя собора патриарха заявляется, что царские собору «подлоги» (предложения) «прочтошася пред нами при российских архиереех и соборне оные судивше ответованием нашим единомудренным общим церкви смыслом решихом»<sup>26</sup>.

Если выражение «при всех архиереях» принять за общее не точное, (что ниже<sup>27</sup> и будет доказано), все же здесь ясно дается понять, что заседания, на которых были обсуждаемы царские предложения, были не обычными очередными заседаниями освященного собора лишь из нескольких, – двух-трех, – архиереев во главе с патриархом, а таковыми, на которых присутствовали если не в буквальном смысле все, то большая часть русских архиереев. Во 2-х на письме, заготовленном в 12 экземплярах для передачи 8-го февраля «коемуждо митрополиту по степени» помета: «190 году февраля в 8 день, по указу Великого Государя отдано при святейшем патриархе в крестовой митрополитом письма о епископах, где им в их епархиях быть и чем удовольствоваться: Новгородскому, Ростовскому, Псковскому, Нижегородскому, Рязанскому»<sup>28</sup> – прямое указание на присутствие в Москве на этом соборе, кроме патриарха, 5 митрополитов. В челобитной, поданной от лица собора царю в ответ на первое его предложение в свою очередь также указывается, что, кроме митрополитов, на этом соборе были и архиепископы: «Великому Государю Царю и Великому князю Феодору Алексеевичу.. бьют челом митрополиты и архиепископы»<sup>29</sup>... В челобитной не сказано, что бьет челом патриарх с освященным собором, ясно, что митрополитов и архиепископов на соборе было такое количество, что они сознавали в себе силу и право даже помимо патриарха ходатайствовать пред царем от лица всех русских архиереев и за интересы всех епархий. Точно также в ответе на 6-ю статью царского письма о ругах заявление делается от лица «митрополитов, архиепископов и епископов».

Но что эти чрезвычайные заседания не были делом нарочито срочно созванного церковного собора, – кроме полного отсутствия каких-бы то ни было указаний о нарочитом вызове для этого дела архиереев в Москву, – ясно свидетельствует нижеследующее замечание, сохранившееся на письме царя собору с шестью статьями: «И чтоб о тех о всех вышеписанных делах Великий Господин Святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа Росии, с преосвященными митрополитами и архиепископами советовали, а что усоветуют, о том Великому

Государю объявили, чтоб тем всем делам определения учинить ныне преж архиерейского отпуску с Москвы<sup>30</sup>. Последние пять слов этого замечания ясно показывают, что находившиеся в Москве архиереи вызваны были туда с какою-то другою целью. Для привлечения их в заседания – церковного собора Феодор Алексеевич хотел их присутствием в Москве лишь воспользоваться. По-видимому, архиереи почти уже покончили с теми делами, для которых были вызваны и скоро могли быть отпущены из Москвы в свои епархии, но чтобы они приняли участие и в заседаниях церковного собора их здесь задерживают. И, действительно, сопоставляя дело собора с современными ему историческими обстоятельствами, мы узнаем, что в те дни, на которые следует, как увидим сейчас ниже, отнести его заседания, в Москве присутствовали почти все русские архиереи при решении некоторых выдающейся важности государственных дел: 12-го Января, например, в присутствии патриарха и властей, состоялось постановление об уничтожении местничества, под актом этого постановления имеются собственноручные подписи, кроме патриаршей, восьми архиереев. 12-го февраля архиереи с патриархом присутствовали при выборе царем Феодором себе невесты<sup>31</sup>. Несомненно, для такого рода государственных дел они и вызваны были в Москву. Заседания же церковного собора состоялись, видимо, только между прочим.

Само собой понятно, что чрезвычайные заседания освященного собора, т. е. в присутствии большинства архиереев, не могли иметь характера постоянных, продолжающихся в течение круглого года, как обычные его заседания; они должны быть приурочены к определенному по возможности непродолжительному времени года. К решению вопроса, когда открылись эти заседания и когда закончено было изучаемым собором обсуждение царских предложений, мы теперь и перейдем. Разнообразие ответов, какие сделаны на этот вопрос до настоящего времени, сообщают ему значительный интерес.

Прямой и бесспорный ответ на поставленный вопрос можно найти лишь в рукописных документах, сохранившихся от

изучаемого собора. Между этими последними есть, как мы видели, письмо Феодора Алексеевича, которое по его содержанию, с полной несомненностью, должно быть принято за письменное официальное предложение патриарху открыть заседания изучаемого собора. В этом письме в обращении к патриарху и архиереям от имени царя предлагалось: – «ныне исправляти доброначатые с Богом дела... чтоб для подобающей их архиерейской чести на умножение хвалы. Божия именоватися архиереом теми грады, которые в его царской державе имянити суть,... чтоб быти в прибавку архиереом в Сибирской стране для ее пространства и множественного народа Христа незнающего... и чтоб быти (вновь) архиереом и в иных градах, которые один от другого на дальних расстояниях... и где противники умножились, так наприим. в Путивле, в Севске, в Галиче, на Костроме и в иных местах».., – то есть (предложено было) решит те вопросы, которые представляли собою сущность первого царского предложения изучаемому собору. А предисловие к соборным постановлениям говорит, что только по получении этого «писания царского изволения» патр. Иоаким, «говоря на соборе с преосвященными митрополиты и архиепископы на все ниже явственны изображенные дела соборный ответ учинили». Следовательно, заседания изучаемого собора открылись никак не ранее дня получения патриархом этого письма. Между тем на этом документе сохранилась такая, современная его происхождению, помета: «таково письмо в тетради чтено святейшему патриарху и властем и поднесено 190 году февраля в шестой день». Только 6 февраля 1682 года был прислан на обсуждение собора и самый проект Феодора Алексеевича о переустройстве епархиального управления и умножении числа архиереев на Руси, т. е. первое его предложение собору. Это видно из пометы на письме митрополиту Новгородскому. Письма этого рода, как сказано во вступлении, представляют собою краткие выписи для каждого из митрополитов, бывших на соборе, сделанные на основании общей росписи новых кафедр, т. е. представляли собою краткие извлечения из общего проекта Феодора Алексеевича об увеличении числа епископов на Руси. Между

тем указанная помета гласит: «сих листов написано 12 коемуждо митрополиту по степени и где быть епископом и что дать удовольствия, из росписи, какова дана Святейшему Патриарху Февраля в шестой день». И в другом месте того же документа про эту роспись, т. е. общее росписание новых кафедр, замечено, что «роспись со удовольствием написана в полудестовую тетрадь и чтена святейшему патриарху и всем властен у святейшего патриарха в хоромех и... после прочтения поднесена ему, святейшему патриарху, сего-ж вышеписанного числа, – т. е. 6 февраля, в понедельник». Итак, заседания изучаемого собора открылись никак не ранее 6 февраля 1682 года. В это число в понедельник в общем собрании всех членов собора последовало, так сказать, формальное объявление об открытии заседаний церковного собора.

Из подобных же помет на других, сохранившихся от собора, рукописных документах с точностью, далее, видно, что обсуждение первого царского собору предложения происходило в заседании 8 февраля 1682 г. – в среду. В одной из сейчас приведенных помет мы уже прочитали, что для наглядности дела при обсуждении первого царского предложения были заготовлены для присутствовавших на соборе архиереев особые выписки из общей царской росписи новых епископских кафедр, и в ней же, далее, говорится, что «эти листы», т. е. письма для митрополитов, «писаны Февраля в 8-й день». Из другой пометы на том же документе мы узнаем об этих листах, что они «отданы» на обсуждение «при святейшем патриархе в крестовой митрополитам: Новгородскому, Ростовскому, Псковскому, Нижегородскому и Рязанскому.... 190 года февраля в 8-й день». А из даты, сохранившейся на челобитной, которая была заготовлена собором в ответ на первое царское предложение, видно, что обсуждение первого царского предложения в тот же день 8 февраля было и закончено: «Лета 7190 февруария в 8-й день Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексеевичу... бьют челом митрополиты и архиепископы».



В заседание этого же дня, т. е. 8 февраля, было прислано от царя и прочтено собору архипастырей письмо Феодора Алексеевича и с другими шестью предложениями: – о раскольниках, монастырском нестроении, о недержании хмельного питья в монастырях, о поставлении в порубежные города православных священников, об исправлении чиновной книги и об отобрании царской руги у монастырей, – т. е. с теми вопросами, которые в деянии изучаемого собора составляют второе, третье, четвертое, и пятое, наиболее важные, «предложения царского благоволения». На этом письме между прочим сохранились такие две пометы, подтверждающие высказанное положение: а) «таково письмо, (т. е. с 6-ю статьями) написано вдвое в тетради полудестовые Февраля в 8-й день и поднесено святейшему патриарху одна тетрадь и всем властен в крестовой сего ж вышеписанного числа»; б) «таковы шесть статей написаны в полдест и святейшему патриарху поднесены Февраля в 8-й день». Итак, вслед за формальным открытием 6 февраля 1862 г. чрезвычайных заседаний церковного собора, 8-го февраля – в среду – состоялось его первое деловое заседание; на нем, как с достоверностью известно, подверглось обсуждению и получило соборное определение первое царское предложение и поступили на рассмотрение 2, 3, 4 и 5-е предложения. Но обсуждение этих последних предложений было отложено собором до следующего заседания. Второе деловое заседание собора, как видно из даты, сохранившейся на том же письме с 6-ю статьями, состоялось 10-го февраля – в пятницу. Изложение своих постановлений по 6-ти статьям этого письма собор начинает таким вступлением: «Лета 7190 февруария в 10-й день. По указу Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа великие и малые и белые Росии Самодержца, прислано писание на собор ко святейшему Иоакиму, патриарху Московскому, и всеа Росии и преосвященным митрополитом ко архиепископом и епископом, а в том писании 6 статей положено и о тех статьях соборне ответ сотворить и Великому Государю о том объявить. Первая статья о раскольниках. И о том ответствуют соборне святейший

патриарх со архиереи. И прежний... (следуют шесть соборных ответов). Очевидно, в это заседание все шесть вопросов царского письма были и разрешены.

Что касается остальных царских предложений (6–16) из общего числа рассматривавшихся на этом соборе, то внесение их царем на обсуждение собора, по примеру письма с 6-ю статьями, можно предположить в заседание 10 февраля, чтобы отцы собора заранее знали о предмете следующего заседания, а самое заседание по ним нужно предполагать в какой-нибудь из следующих за десятым февраля дней, – и скорее всего можно отнести его на понедельник 13-го февраля, как и открытие заседаний состоялось тоже в понедельник. По предметам их содержания эти предложения, например, 8-е (о нестроениях в монастырской жизни) 13, 14, 15 и 16-е (о раскольниках) служат дополнением к вопросам по тем же предметам, представленным от царя на собор 8 февраля, – и в соборном деянии ответы на них поставлены после тех, которые даны по первым пяти предложениям, все это заставляет полагать, что обсуждение их состоялось позже, чем первых. А тот факт, что они соединены с первыми пятью вопросами в одно соборное деяние и под общей, нумерацией, свидетельствует, что обсуждение их состоялось в одну и ту же сессию собора. Но продолжение февральской сессии собора по церковным делам нет достаточных оснований откладывать далее 13–14 февраля. Долго тянуть заседания, во-первых, не было нужды, так как все вопросы, по заявлению<sup>32</sup> самого же председателя собора, были решены «единомудренно», т. е. без особенно продолжительных прений, и количество их было весьма незначительно; во-вторых, с 14 февраля в 1682 году наступило такое время, когда для патриарха и архиереев в продолжении долгого промежутка времени не представлялось большого удобства устроить соборные заседания по церковным делам. 11-го февраля в тот год была суббота, – день предпраздничный и неудобный для заседаний священно-церковнослужителей. 12-е февраля – воскресенье – день неприсутственный, и кроме того архиереи с патриархом должны были находиться при выборе царем невесты, так как «Февраля в 12 день изволил Велики Государь

выбрать себе в супруги девицу Марфу Матвеевну, дочь Матфея Васильевича Апраксина... Того-ж числа нарекли девицу Марфу Матвеевну в Царевы и Великия Княжны, а благословлял и нарекал светейши патриарх... Того-ж числа вишет ис комнаты в переднюю светейши патриарх сказывал бояром и окольничим и думным людем, что нарекли Цареву и Великую Княжну Марфу Матвеевну»... После 12-го свободными для заседаний собора днями остаются только понедельник и вторник 13 и 14-е февраля, а далее... «Февраля в 15-й день» – в среду (обычный, как и пятница, день для соборных заседаний) «была радость: изволил Великий Государь сочетатца браком», «в 16-й день указал Великий Государь ехать з сродостными грамоты стольником и ближним людем ка властям», «радость», вероятно, продолжалась и 17 февраля, 18-е родительская суббота – день поминовения усопших, «в 19-й день было действие страшного суда», а с 20-го по 26-е февраля включительно был праздник русской масленицы и, кроме того, «Февраля в 21 день (~~понедельник~~ вторник) были у руки государыни царицы и великия княгини Марфы Матвеевны в передней государевой светейши Иоаким, патриарх Московский и всеа Руси со властями и благословляли образами; 23 числа (~~среда~~ четверг) был стол у Великого Государя, а у стола были светейши патриарх со властями; 26 февраля праздновали ангел<sup>33</sup> государыни царевны и великия княжны Евдокеи Алексеевны»...<sup>34</sup>; Первая неделя великого поста, – с 27 февраля по 5 Марта – прошла, конечно, как обыкновенно, вся в богослужениях, при чем в тот год говел на этой неделе сам царь. А на второй неделе великого поста, – в начале марта, – определения собора, приводятся уже в исполнение и, значит, к этому времени не только окончились заседания собора, но получили уже окончательную формулировку и царское утверждение и выработанные на них постановления. 12 Марта – «Вятскую епископию», в силу 1-го соборного постановления, «велено учинить архиепископию,... по указу Великого Государя, учинен Иона, епискуп Вятcki и Великопермьски, архиепискупом, а степень ему учинена», 12-го же, 19 и 24 марта ставят во вновь открытые собором епархии новых архиереев: в Устюжскую 12

марта хиротонисан архимандрит Новгородского Духова монастыря Геласий, в Холмогорскую 19 марта – Афанасий из крестовых патриарших иеромонахов, в Тамбовскую 24 марта – Леонтий<sup>35</sup> и т. д.

Таким образом растягивать время соборных заседаний по предложениям царя Феодора Алексеевича на шестнадцать месяцев и приурочивать их к трем годам, как это сделал в своем исследовании Гр. Воробьев, не представляется никакой нужды и никаких оснований. С другой стороны, помеченное в 5 томе *Актow Исторических* ноябрем 1681 года соборное деяние, сохранившееся от заседаний этого собора, как их результат, правильнее было-бы пометить февралем 1682 года, так как записанные в нем постановления выработаны в числа 8-е, 10-е и не позже 14-го именно этого месяца, и не 1681-го, а 1682-го года. Названный документ при издании его в 5 т. *Актow Исторических* помечен, ноябрем 1681 года по недоразумению, а между тем именно эта помета и была, очевидно, главным основанием, почему некоторыми исследователями русской истории этот собор приурочен к 1681 году. Недоразумение у издателей 5 т. *Актow Исторических*, как кажется, произошло оттого, что самый текст этого документа, по-видимому, прямо относит время заседаний собора на числа ноября 1681 года: «Егда написанный свиток (в нем же разные подлоги суще, требующие соборного суждения)», говорится здесь от лица патриарха, «нам принесется нынешнего 7190 лета месяца Ноемврия ... дня, тогда мы приемше. ... и соборне оные судивше... на всякое вопросительное предложение сотворихом отвещание, иже суть написаны ниже сего особыми разделении»... Но что это указание документа не точно, показывает, прежде всего, тот, установленный сейчас, факт, что царские собору предложения, на которые ниже в соборном деянии написаны ответы, переданы были на соборное обсуждение лишь 6-го и 8-го февраля 1682 года и никак не ранее, а затем тоже предисловие к соборному деянию своим дальнейшим текстом, как мы уже видели, само выдает неточность этой своей хронологической даты, или по крайней мере, сообщает ей совсем другой смысл: – Рассказывая те

обстоятельства, при которых состоялись соборные постановления по предложениям Феодора Алексеевича, предисловие представляет дело так, что соборные постановления, записанные «ниже» его «особыми разделении», состоялись лишь после получения патриархом особого, приведенного здесь же, царского письма<sup>36</sup>. Сравнение же текста этого письма с (письмом) присланным на собор 6 февраля 1682 года, указывает на их совершенное тождество. Следовательно, само же предисловие ясно говорит, что записанные «ниже» его соборные постановления выработаны не ранее 6 февраля 1682 года. Под ноябрьским «свитком с подлогами» нужно, следовательно, разуместь нечто другое, а не письменное изложение всех царских предложений собору. А что такое представлял собою «ноябрьский свиток», дает отчасти понять история первого царского собору предложения, которую оно имело задолго до изучаемого собора еще в 1681 году и с которой мы подробнее ознакомимся в следующей главе. Из нее между прочим видно, что, «ноября в 27 день 1681 (7190) года от Великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии Самодержца, послан к Великому Господину Святейшему Иоакиму, патриарху Московскому и всеа Росии, лист» с указанием, где назначить вновь архиереев; т. е. в ноябре 1681 г, был представлен чрез патриарха на обсуждение освященного собора проект Феодора Алексеевича о переустройстве епархиального управления на Руси и увеличении количества архиереев, тот самый проект, который, не быв тогда одобрен, на изучаемом соборе является первым предложением царского благоволения. В этом проекте, как показывает его текст<sup>37</sup>, содержится несколько пунктов, предложенных на обсуждение освященного собора. Возможно, что эти пункты проекта и названы «подлогами свитка». Но так как освященным собором в 1681 году не было дано, как увидим ниже, полного ответа на все пункты представленного ему в ноябре проекта о церковном управлении, а выработан он был лишь в феврале 1682 года, то предисловие к соборному деянию и соединило в одно целое эти, пополняющие друг друга, разновременные факта: факт

поступления к патриарху в 1-й раз царского проекта и факт его окончательного обсуждения собором. Значит, упоминание означенного документа о принесении свитка с подлогами к патриарху в ноябре 1681 года должно понимать в смысле указания лишь того времени, когда в первый раз царь внес на соборное обсуждение первое свое предложение, а вовсе не в смысле точного указания времени заседаний собора, выработавших ответы по всем предложениям царя, записанным в этом документе.

На дальнейший вполне естественный вопрос, кто из русских архипастырей того времени принимал участие в заседаниях изучаемого собора, самый точный ответ могли бы дать собственноручные подписи архиереев под соборным деянием, которые предполагаются словами предисловия: «неотреченного же ради нашего соборного совещания ответы вси руками нашими подписяхом. Присутствующие же архиереи ту и с нами соответствовавшие сии»... Но, к сожалению, актов собора, подписанных архиереями, не сохранилось<sup>38</sup>, или же, если считать ту тетрадь, с которой они напечатаны в 5 т. *Актов Исторических* беловым соборным деянием, оно осталось почему-то неподписанным. Поэтому, о личном составе изучаемого собора приходится делать только более или менее вероятные предположения. Председатель собора патриарх Иоаким в предисловии к деянию уверяет, что «оние подлоги», (т. е. царские предложения собору), «прочтошася пред нами *при* всех российских архиереех, но это «при всех» несомненно, как и выше замечено, только общее выражение, указывающее лишь на характер заседаний освященного собора, (т. е. что они были чрезвычайными), отсутствие же некоторых архиереев во время соборных заседаний неоспоримо. Есть вся вероятность предполагать, что те же архиереи, которые 12 января присутствовали на торжественном заседании Боярской Думы об уничтожении местничества и собственноручно подписались под актом этого заседания, принимали участие и в заседаниях церковного собора. Под актом об уничтожении местничества подписались, кроме патриарха, митрополиты: Новгородский, Астраханский, Ростовский, Смоленский, Сарский,

Нижегородский и архиепископы: Суздальский и Вологодский<sup>39</sup>. По рукописным документам, сохранившимся от собора, из пометы на одной<sup>40</sup> из тетрадей видно, что на заседаниях собора, несомненно, еще присутствовали митрополиты Псковский и Рязанский, которым в числе других, там находившихся, вручены были в крестовой для рассмотрения выписки из царского проекта об увеличении числа епископов на Руси. От 5 февраля 1682 года сохранилась запись<sup>41</sup> о поставлении архиепископом в Тверь архимандрита Сергия. Из нее видно, что при этом поставлении, кроме сейчас перечисленных, были еще: архиепископ Коломенский и епископ Вятский. Поставление происходило накануне открытия заседаний церковного собора, следовательно, и эти архиереи, вместе с новопоставленным архиепископом, также могли быть на соборных заседаниях. Так что в соборных совещаниях 1682 года, под председательством патриарха Иоакима, нужно полагать, принимали участие восемь митрополитов: Корнилий Новгородский, Никифор Астраханский, Иона Ростовский, Маркелл Псковский, Симеон Смоленский, Варсонофий 2-й Чертков Сарский, Филарет Нижегородский и Павел Рязанский; четыре архиепископа: Иларион Суздальский, Симеон Вологодский, Никита Коломенский и Сергей Тверской и один епископ – Иона Вятский. Не было на заседаниях только Павла, митрополита Сибирского и Тобольского и митрополитов: Казанского и Белгородского<sup>42</sup>. Павел Тобольский опоздал приездом и явился в Москву только к 1 апреля: «апреля в 1-й день послал Велики Государь о спасении спрашивать Павла, митрополита Сибирского и Тобольского, столника и ближнева человека Михайла Васильевича Касаткина»<sup>43</sup>. Митрополиты – Казанский и Белгородский ни разу не упомянуты в бумагах собора, нет их подписей под деянием соборным об уничтожении местничества и ни одного из них не было при поставлении архиепископом в Тверь Сергия.

Утверждать присутствие на заседаниях собора 1682 года архимандритов, игуменов и протопопов нет достаточных оснований, хотя примеры других соборов и говорят, по-видимому, за их присутствие, например, на заседаниях Стоглавого собора были и «многие честные архимандриты и

игумены», на соборе 1667 года были те и другие, также и на заседаниях собора 1675 года<sup>44</sup>. Но в актах собора 1682 года ни разу не упоминается об архимандритах или игуменах, а только о митрополитах, архиепископах и епископах, и челобитная от лица собора царю по вопросу об умножении количества архиереев на Руси написана от имени лишь одних архиереев; равным образом и царь, посылая свои предложения на собор, предписывал, «чтоб о тех делех Великий Господин Святейший Иоаким, Патриарх Московский и всеа России, (только) с преосвященными митрополитами и архиепископами советовали...<sup>45</sup>, наконец, и соборное деяние заявляет, что «писание его царского изволения прислано на собор ко святейшему Иоакиму, Патриарху Московскому и всеа Росии, и преосвященным митрополитом, ко архиепископом и епископом»...

Местом, где происходили соборные заседания, по тогдашнему обыкновению, была Крестовая патриаршая палата<sup>46</sup>. Там, как видно из помет на документах собора, читалось пред патриархом и «властями» царское письмо собору с шестью статьями<sup>47</sup> и там же выработаны были, как прямо заявляет соборное деяние, и ответы на все предложения Феодора Алексеевича<sup>48</sup>.

Что касается внешнего хода всего дела на соборных заседаниях, то он отчасти выяснился уже при разрешении вопросов о времени, составе и месте соборных заседаний и без особого труда может быть в общем воспроизведен и дополнен на основании предисловия к соборному деянию и помет на рукописных документах. 6 февраля 1682 года – в понедельник – у святейшего патриарха Иоакима в хоромах собрались бывшие в то время в Москве, сейчас перечисленные, архиереи и здесь последовало торжественное объявление от имени царя об открытии чрезвычайных заседаний церковного собора. Сюда было прислано от царя и вслух всех присутствовавших прочтено (вероятно дьяком)<sup>49</sup> предложение Феодора Алексеевича «ныне исправляти доброначатаные с Богом (еще в 1681 году) дела», при чем предложен был и самый проект, требовавший соборного обсуждения, который здесь был и



прочитан. Собравшиеся архипастыри, «приемше царский свиток и созерцавше в нем ко славе Божии и расширению святыя православныя веры и к духовному и гражданскому благочинию приличествующия и зело потребнейшия дела, во-первых, всех добродетельств виновника и смыслов подателя Господа Бога возблагодарили, яко на сие лепотворное и достолепное во всем многонародном Российском царствии дело даровал Его Царского Величества благожеланному сердцу промышление стяжати и яко есть (по писанию) во мнозе совете спасение, с ними, ради лучшего изрядства и церковного согласия, благоволил ему Великому Государю, во общую пользу совещатися»... А затем решили, не откладывая дела, немедленно же собраться в Крестовой для обсуждения царских предложений и первое заседание назначили в среду 8 февраля.

Так как царский проект об умножении архиереев на Руси касался всех епархий и в общем представлялся для обсуждения довольно сложным, то для большей наглядности и отчетливости представления архиереями дела, по указу Государя, к 1-му заседанию собора были заготовлены для каждого из предполагаемых проектом 12 митрополитов выписки из общей росписи новых кафедральных городов с указанием какие, именно, из их епархий выделялись для новых «подвластных» им епископов города и монастыри. В среду 8 февраля заседание открылось раздачею архиереям этих выписок и обсуждением плана Феодора Алексеевича о переустройстве епархиального управления. Непродолжительные прения привели отцев собора «к единомудренному» постановленью – просить Государя отказаться от главной мысли проекта о соподчинении епископов митрополитам и от широты проекта по отношению к количеству новых кафедр. Здесь же в Крестовой во время первого заседания была заготовлена и самая челобитная царю от лица собора по этому вопросу. К первому заседанию собора царь приказал заготовить и другое письменное предложение собору, в котором рекомендовал теперь же – «прежь архиерейского отпуску с Москвы», соборно обсудить некоторые другие церковные вопросы, помимо переданного уже на собор 1-го

предложения. «Письмо, написанное вдвое в тетради полудестовыя» с 6-ю статьями передано было патриарху и всем «властем» в Крестовой того же 8 февраля. Заседание по этим вопросам было назначено и состоялось 10 февраля в пятницу. А о том, как было дело дальше, предисловие к соборному деянию говорит следующим образом: «промыслительные оные подлоги (т. е. все царские предложения) прочтошася пред нами, при всех Российских архиереех и, соборне оные судивше, ответованием нашим единомудренным, общим церкви смыслом, настоящего ныне лета 7190 индиктиона же 5 решихом, на всякое же вопросительное предложение сотворихом отвещание». Произошло это, как мы знаем, не позже 13–14-го февраля. По окончании обсуждения всех царских предложений, все они, равно как и постановления по ним, были соединены в общую одну запись – соборное деяние, в котором были расположены «особыми разделении» и, за надлежащею подписью о. о. собора, в таком виде были представлены на царское благовнимание: «их же да благоволит Его Царское Величество, яко истинный веры православные хранитель и во всем царствии своем всякого доброделия и во всем благолучества желатель преизряднейший, рассудя, вся во славу Божию и во честь приснопетые Владычицы наша Пресвятые Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых Божиих устроить, их же молитвы ему Великому Государю да помогут к содеянию, к сему же прирадети, должное нам, и мы есми готовы, неотреченного же ради нашего соборного совещания ответы вси руками нашими подписахом»...

Для полноты представления об изучаемом соборе и для сохранения единства и целостности впечатления от него при изучении в дальнейших главах исследования каждого из постановлений собора отдельно, заключим изложение внешней истории собора обзором в общих чертах всех тех вопросов, которые были предметом суждений на этом соборе. В соборном деянии, напечатанном в 5 т. *Актів Исторических* под № 75<sup>50</sup>, записано всего 16 царских предложений, и все дело собора, таким образом, сведено лишь к 16 постановлениям<sup>51</sup>, но в действительности, как показывают сохранившиеся от собора

черновые записи, ему на обсуждение было предложено 18 вопросов. Один из лишних против 16 вопросов и ответ соборный на него совершенно не вошел в окончательное деяние собора, – это вопрос об отобрании у монастырей царской руги, а другой, – вопрос о недержании в монастырях хмельного питья, – соединен в деянии собора в один с 3-м вопросом о монастырском благочинии и на оба их дан (составленный из двух) один общий ответ. Первым и главнейшим вопросом на соборе из всех 18-ти был проект Феодора Алексеевича о переустройстве епархиального управления на Руси и, совместно с сим, об увеличении количества архиереев, по которому вся территория русской церкви делилась на патриарший и двенадцать округов митрополичьих, митрополиты получали титулы от главнейших в государстве городов, бывших прежде столицами особых царств и княжеств, и каждому из митрополитов, как и патриарху, предполагалось подчинить «подвластных им епископов. Вторым по порядку и весьма по тому времени важным вопросом был поставлен на соборе вопрос о мерах борьбы с расколом, при чем в целом ряде предложений (2, 13–16) указаны собору практиковавшиеся тогда пути и способы пропаганды раскола. Затем, на рассмотрении изучаемого собора были весьма важные вопросы о поддержании благочиний в поведении русского черного и белого духовенства (предложения 3 и 8), о поддержании православия в пограничных пунктах с Польшей и Швецией (предлож. 4), об исправлении текста Чиновной книги (пр. 5), о мерах к поддержанию должного отношения к местам общественного богослужения (Предложение 12), – погребения умерших (пред. 11), – частицам мощей и другим реликвиям (предлож. 6 и 7), наконец, весьма важный общественный вопрос о призрении нищих и обуздании их назойливого попрошайничества (предлож. 9 и 10) и, сверх всего не вошедший в соборное деяние вышеупомянутый вопрос об отобрании царской руги у монастырей. На все эти вопросы собором выработаны подходящие для своего времени и более или менее целесообразные ответы. Каковы были эти ответы и почему они были такие, а не иные, будет видно при изучении

каждого из них отдельно, где будет приведен и текст всех царских собору предложений и соборных постановлений по ним.

Для удобства исследования все постановления собора по предмету их содержания подведены мною под три группы, сообразно с которыми и исследование о них само собой распадается на три части: Главы 2–4, составляющие первую часть исследования имеют своим предметом: А) постановления собора, направленные к охранению на Руси православной веры (по предложениям 1. 2, 4, 13, 14, 15 и 16); главы 5–8. входящие в состав второй части исследования, имеют своим предметом: Б) определения собора, направленные к поддержанию и поднятию церковной дисциплины (по предлож. 3, 8, 9, 10, 11, 12 и 17), и, наконец, главы 9–10. составляющие 3-ю часть исследования, имеют своим предметом: В) определения собора, по вопросам церковно-богослужебной практики (по предлож. 5, 6 и 7).

## **А. Соборные постановления, направленные к охранению православия**

## **Глава II-я. Постановление собора по 1-му предложению царя Феодора Алексеевича**

*Постановление собора по 1-му предложению царя Феодора Алексеевича о переустройстве епархиального управления.*

История проекта царя Феодора Алексеевича о переустройстве на Руси епархиального управления до собора 1682 года. – Сущность проекта, предложенного на обсуждение собора 1682 года. – Исторические условия, вызвавшие предложение царя. – Постановление собора по этому предложению. – Его происхождение и практическое значение.

Первым по порядку вопросом из разрешенных на церковном соборе 1682 года и, несомненно, самым важным был вопрос о переустройстве епархиального управления и, совместно с ним, об увеличении на Руси числа архиерейских кафедр. Что правительство царя Феодора, предлагая патриарху Иоакиму открыть в феврале 1682 г. заседания церковного собора, было озабочено разрешением главным образом этого вопроса видно, во-первых, из царского письма, открывшего эти заседания, в котором патриарху и архиереям предложено было обсудить о прибавлении вновь архиереев по градом *»во-первых«* и которое почти все посвящено выяснению важности исключительно одного этого вопроса; во-вторых, из того обстоятельства, что этот вопрос было предложено собору обсудить отдельно от других: – Он был прислан от государя на собор особо от прочих вопросов и гораздо прежде их, – еще 6 февраля, тогда как остальные вопросы, обсуждавшиеся на этом соборе, были присланы на соборные заседания лишь 8 февраля, как-бы кстати, и при том несколько их было соединено вместе в одно письмо от имени царя Феодора Алексеевича. Наконец, особенное внимание правительства царя Феодора к этому вопросу доказывает и та довольно длинная история, которую имел этот вопрос еще задолго до открытия заседаний изучаемого собора, – в 1681 г. Ознакомление с этой историей весьма существенно в деле выяснения этого предложения собору, а потому и самое изучение его, а равно и соборного

ответа на него естественно начать с воспроизведения этой истории.

В письме царя Феодора Алексеевича, открывшем 6 февраля 1682 года заседания изучаемого нами собора и предлагавшем обсудить вопрос о переустройстве епархиального управления и увеличении числа архиерейских кафедр на Руси, между прочим, заявлялось, что еще «190 (1681) года сентября во 2-й день Великий Государь, Царь и Великий Князь, Феодор Алексеевич, всеа великия и малыя и белыя Руси Самодержец, изволил о Святем Дусе отцу своему и богомольцу Великому Господину Святейшему Иоакиму, Патриарху Московскому и всеа Руси, и всему собору возвестить о делех, которые требуют исправления»... На основании этих слов с первого взгляда можно бы заключить, что 2 сентября 1681 г. царь передал на соборное обсуждение и самый проект по этому вопросу, который, таким образом, к этому времени должен был уже получить свою окончательную формулировку. Так и представляет это дело Гр. Воробьев, когда говорит, что «заседания нашего собора открылись в первых числах сентября 7190 года». Однако ближайшее знакомство с документами собора показывает, что заключение подобного рода по меньшей мере поспешно. Внимательное рассмотрение первоначальных «рописей» новых кафедральных городов, которые, как увидим сейчас ниже, и должно принять за первоначальную редакцию проекта царя Феодора Алексеевича по данному вопросу, – и сопоставление с ними хронологических дат, сохранившихся на других документах собора, имеющих с этими «рописями» тесную внутреннюю связь, дает веское основание утверждать, что первоначальный проект Феодора Алексеевича был составлен гораздо позже 2 сентября 1681 г. и именно никак не раньше конца октября и начала ноября этого года, т. е. спустя, по крайней мере, два месяца. Отсюда само собой понятно, что раз не был готов проект, не могло быть и соборного обсуждения его, а следовательно, до ноября не было и заседаний соборных по этому вопросу. Как заглавие, данное «рописям» новых кафедр их составителями, так и текст их показывают, что первоначальный проект царя Феодора

Алексеевича об открытия новых архиерейских кафедр был составлен не произвольно, не по личному лишь усмотрению царя или лиц, которым поручено было это дело, а на основании надлежащих справок о том, куда возможно и удобно было назначить вновь архиереев, – с приведением в должную известность не только количества городов и действительной обширности каждой из тогдашних епархий, но и достаточных к содержанию новых архиереев средств, а также и мест, где им жить. Так, одна из росписей, предназначавшая к открытию вновь 70 кафедр, озаглавлена: «ропись городом и монастырем, в которых градах быти епископом и в которых монастырех им жити и что за теми монастыри крестьянских и бобыльских дворов по переписным книгам 187 году»<sup>52</sup>. Другая, так называемая «прежняя» роспись, – с 72 новыми епископскими кафедрами, – надписывается: «о епископах, в которых градах быть и что в тех городех монастырей и за теми монастырями крестьянских и бобыльских дворов»<sup>53</sup>. В тексте той и другой росписи перечислены не только города, в которые вновь назначались епископы, но при каждой новой кафедре поименованы отчисленные на ее содержание монастыри, – иногда с угодьями и всегда с приписными к ним крестьянскими и бобыльскими дворами, – при чем количество дворов везде обозначено по переписным книгам 7186–7 г. (1678–9 г.). Несомненно, прежде чем выработать на основании таких сведений роспись новых архиерейских кафедр, составители росписи должны были все эти сведения собрать. Им нужно было навести справки не только о количестве монастырей в каждой наличной тогда епархии, но и о количестве приписных к этим монастырям крестьянских дворов; без этих же справок росписи новых кафедр никоим образом не могли быть составлены. И, действительно, из сохранившихся рукописных документов того времени видно, что справки этого рода собирались со всею тщательностью и как будто не из канцелярских ведомостей Московских приказов, а из первых источников с требованием сведений свежих, – по данным о состоянии епархий за последние годы. Особенно ясно об этом свидетельствует сохранившаяся между соборными документами



тетрадь, напечатанная в приложении 1-м к настоящему исследованию, которая представляет собою собрание, именно такого рода справок. В ней, как мы видели при ее разборе, соединены писанные разными руками росписи городов и монастырей, – с показанием, сколько за которым монастырем дворов, почти по всем тогдашним епархиям, начиная с епархии патриарха и кончая Суздальскою, при чем все сведения обозначены по данным переписных книг 7186–7 гг., и собирались эти сведения из первых рук: иногда с докладов самих архиереев, чаще же со слов и за собственноручною подписью архиерейских стряпчих и подъячих. Так как, прежде чем не были собраны эти сведения, не мог быть составлен и проект Феодора Алексеевича, то, несомненно, время составления этих росписей вполне определяет и тот момент, раньше которого проект не мог быть составлен. Между тем в росписях, содержащих означенные сведения, имеются, как известно, прямые указания, что время их составления относится на сентябрь и октябрь 1681 г., позднейшая из них означена 27 октября 1681 г. Таким образом, и первоначальный проект царя Феодора Алексеевича об умножении на Руси количества архиереев ни в каком случае не мог быть составлен ранее конца октября и начала ноября 1681 года. Особенно если при этом еще принять во внимание, что кроме указанных справок, тогда же, как есть основание думать, наводились и другого рода справки, а именно: – о расстоянии предназначавшихся для содержания новых архиереев монастырей от городов, в которых предположено было их местожительство. На факт собирания этих справок указывает отрывок таких сведений, сохранившийся среди черновых бумаг собора под заглавием: «Описание по справкам, что расстояние от тех градов, где епископом быть, до других городов, в которых владеть им придаточными монастыри»<sup>54</sup>. Это дело для своего осуществления также требовало известного промежутка времени. В виду всего вышесказанного должно думать, что, при «возвещении патриарху и всему собору о нужных делах», которые «требовали исправления», 2 сентября 1681 года, царь Феодор Алексеевич лишь в общих чертах указал на нужду

увеличить число архиерейских кафедр на Руси и внести некоторое видоизменение в сложившийся строй епархиального управления, выработанного же окончательного проекта по этому вопросу он тогда, видимо, еще не представил. Вернее всего, дело нужно представить так, что 2 сентября, в первый присутственный день тогдашнего нового 7190 года, царь в 1-м заседании Боярской Думы в присутствии освященного собора наметил, так сказать, лишь общую программу тех церковных вопросов, какие ему, как «православные веры хранителю», хотелось в наступавшем новом году разрешить.

Но в ноябре 1681 года, к 27-му числу этого месяца, царский проект не только был заготовлен, но его первая редакция была уже рассмотрена царем совместно с патриархом и, после этого рассмотрения, вновь переделана и значительно сокращена, так как 27 ноября проект уже несомненно был представлен в 1-й раз на рассмотрение освященного собора и не в первоначальном своем виде, а в переделке. Что это, действительно, было так, показывает следующее: На челобитной, по данной Царю Феодору Алексеевичу бывшими на соборе 1682 г. архиереями в ответ на его первое предложение, сохранилась помета: «а по листу, каков от Великого Государя, Царя и Великого Князя, Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии Самодержца, послан к Великому Господину Святейшему Иоакиму, Патриарху Московскому и всея Росии, ноября в 27 день, не назначено быти архиереем: на Костроме, на Туле, на Городце, на Олонце, в Белеве или Калуге, в Темникове, на Луках Великих, Ваге, в Симбирску, на Саратове, на Лене, на Угличе, в Торопце, в Брянску, в Вязьме, у Соли-Камской, на Кунгуре, на Алаторе, в Муроме»<sup>55</sup>. Эта помета, во-первых, прямо говорит, что проект Феодора Алексеевича об увеличении числа архиереев на Руси поступил от него на обсуждение собора лишь 27 Ноября 1681 года и, во 2-х, – при сопоставлении ее с текстом архиерейской соборной челобитной, – ясно показывает в каком виде он тогда поступил на соборное обсуждение. Города, удержанные в челобитной из листа, «каков послан 27 ноября Патриарху», вместе с сейчас перечисленными, в которые не назначено по челобитной вновь

быт архиереям, – совершенно тождественны с теми, которые, означены в «концепте определения, учиненного 27 ноября о бытии и именовании архиереев по степени»<sup>56</sup>. Несомненно, что это ноябрьское «определение» и представляет собою проект Феодора Алексеевича в том его виде, как он поступил в первый раз на обсуждение освященного собора. – Но в этом последнем документе, т. е. «в учиненном 27 Ноября определении» от имени царя заявляется собору, что царь представляет свой проект собору в данном виде уже после совещания с патриархом и по совету последнего: «Великий Государь, *советовав* о Святем Дусе со Отцем своим и богомольцем с Великим Господином, святейшим Иоакимом, Патриархом Московским и всеа Руси, изволил для украшения святыя церкви и для спасения и просвещения Христианом быти и именоватись архиереем по степени и коемуждо архиерею имети во своей епархии епископов подвластных им»..... Что этот последний документ не был соборным постановлением, а только царским проектом, доказывается сопоставлением его с царским письмом собору от 6 февраля 1682 г., из которого видно, что «свят. Патриарх вкупе со освященным собором» в 1681 году лишь «по степеням архиереям соизволили быти», а чтобы увеличить число новых кафедр и разделить территорию русской церкви на митрополичьи округа с «подвластными» архиереями; как предполагалось этим проектом, «того не учинено»...

Если же дело было так, если «концепт определения об учреждении новых кафедр» от 27 ноября 1681 г. представляет собою уже сокращенный вид царского проекта, то любопытно ответить на вопрос, какой же вид имел проект Феодора Алексеевича в первоначальной редакции, когда он еще не был сокращен патриархом и не был представлен освященному собору? На сущность его указывает, во 1-х, один современник царствования Феодора Алексеевича, автор «Созерцания краткого лет 7190–7191–7192», который упоминает<sup>57</sup>, что «в начале восхотел было он Великий Государь (т. е. Феодор) в царстве своем на славу Божию и во опщую народную пользу и святыя церкви во утверждение учинити в великих градах, идеже

прежде быша цари и идеже княжение бяху, двенадцать митрополитов, по иным же градом семьдесят епископов.... А еще подробнее и обстоятельнее с этим делом знакомят нас сохранившиеся среди рукописных бумаг собора 1682 года подлинные «рописи» новых кафедральных городов, в которых по первоначальному проекту Феодора Алексеевича предположено было «вновь быть епископом». Между ними, как сказано выше, имеются две редакции первоначальной росписи новых кафедральных городов. Одна, сохранившаяся в полном своем виде и напечатанная в приложении 3-м к настоящему исследованию, намечала к открытию вновь, согласно с известием автора «Созерцания краткого», именно 70 епископских кафедр, «подвластных» патриарху и 12 митрополитам, другая же неполная<sup>58</sup>, – сущность которой однакож вполне восстанавливается по сравнению с этой «прежней», как она называется в документе, «рописью» – «нынешней» (Смотр. прилож. 5-е и «Полное Собрание Законов», т. 2. № 898, а также «Собрание Государственных Грамот и Договоров», т. 4 № 128), – намечала к открытию вновь 72 архиерейских кафедры. По тексту той и другой редакции этих первоначальных росписей, в полном согласии с тем, как это заявлено в письме от 6 февраля и как сообщает автор «Созерцания краткого лет 7190»... (Феодором Алексеевичем) в начале было предположено всю территорию русской церкви разделить на патриарший и 12-митрополичьих округов, при чем митрополиты должны были именоваться по наиболее главным в государстве городам, где прежде были особые царства и княжества, а именно: Новгородским, Казанским, Астраханским, Сибирским, Ростовским, Псковским, Смоленским, Тверским, Вятским, Нижегородским, Рязанским и Белгородским. В область или округ каждого из них назначались «подвластные» митрополитам епископы. Города, в которые по этим росписям предназначено было вновь поставить архиереев, перечислены в них следующие:

а) Поб) По  
редакции редакции  
рописи с«прежней»

70-ю росписи с  
кафедрами:72

кафедрами:

|                             |               |                          |
|-----------------------------|---------------|--------------------------|
|                             | Кострома,     |                          |
|                             | Галич,        |                          |
|                             | Юрьевец-      | Володимер, Суздаль,      |
|                             | Повольский,   | Вологда, Кострома,       |
|                             | Арзамас,      | Галич, Звенигород,       |
|                             | Темников,     | Переяславль-Залесский,   |
| <i>В области патриарха:</i> | Звенигород,   | Белоозеро, Севск,        |
|                             | Севск,        | Путивль, Тула, Белев,    |
|                             | Путивль,      | Темников, Коломна,       |
|                             | Вязьма,       | Кошира, Калуга,          |
|                             | Белев,        | Серпухов, Можайск, Лух,  |
|                             | Кошира,       | Юрьевец-Повольский.      |
|                             | Ливны.        |                          |
|                             | Городец,      |                          |
|                             | Олонец,       | Луки Великие, Городец,   |
| <i>У митрополита</i>        | Холмогоры,    | Холмогоры, Каргополь,    |
| <i>Новгородского:</i>       | Каргополь,    | Кевроль, Мезень,         |
|                             | Ладога,       | Кольский Острог, Олонец, |
|                             | Кольский      | Вага, Чаронда.           |
|                             | Острог.       |                          |
|                             | Чебоксары,    |                          |
| <i>У митрополита</i>        | Симбирск,     | Чебоксары, Симбирск,     |
| <i>Казанского:</i>          | Свияжск, Уфа, | Свияжск, Уржум, Уфа.     |
|                             | Уржум,        |                          |
|                             | Обоянь.       |                          |
|                             | Терки,        |                          |
|                             | Саратов,      |                          |
| <i>У митрополита</i>        | Царицын,      | Терки, Самара, Царицын.  |
| <i>Астраханского:</i>       | Самара,       |                          |
|                             | Черный Яр,    |                          |
|                             | Красный Яр.   |                          |
| <i>У митрополита</i>        | Верхотурье,   | Томск, Лена, Енисейск,   |
| <i>Сибирского:</i>          | Тюмень,       | Верхотурье, Тюмень,      |
|                             | Томск,        | Дауры.                   |

|                      |                                                                              |                                                                     |  |
|----------------------|------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------|--|
|                      | Енисейск,<br>Лена, Дауры.<br>Углеч,<br>Романов,                              |                                                                     |  |
| У<br>Ростовского:    | митрополитаПошехонье,<br>Устюг, Соль-<br>Вычегодская,<br>Тотьма.<br>Торопец, | Углеч, Устюг, Ярославль,<br>Тотьма, Пошехонье,<br>Соль-Вычегодская. |  |
| У<br>Псковского:     | митрополитаОпочня,<br>Погост,<br>Порхов.<br>Трубчевск,                       | Торопец, Гдов.                                                      |  |
| У<br>Смоленского:    | митрополитаДорогобуж,<br>Белая,<br>Ярославец.<br>Старица,                    | Брянск, Дорогобуж,<br>Вязьма.                                       |  |
| У<br>Тверского:      | митрополитаЗубцов, Клин,<br>Ржев-<br>Володимеров.<br>Соль-Камская,           | Кашин, Старица, Ржев-<br>Володимеров.                               |  |
| У<br>Вятского:       | митрополитаЯренск,<br>Чаронда,<br>Вымь.<br>Гороховец,                        | Соль-Камская, Яренск,<br>Кай-Городок, Кунгура.                      |  |
| У<br>Нижегородского: | митрополитаБалахна,<br>Курмыш,<br>Арзамас.<br>Тамбов,                        | Арзамас, Балахна,<br>Алатырь, Курмыш.                               |  |
| У<br>Рязанского:     | митрополитаВоронеж,<br>Шацк, Рязск.<br>Курск, Сумы,                          | Тамбов, Воронеж, Шацк,<br>Рязск.                                    |  |
| У<br>Белгородского:  | митрополитаЯблонов,<br>Ахтырка.                                              | Курск, Ливны.                                                       |  |

Итого: 70. Итого: 72.

Некоторая разница в городах, обозначенных в той и другой росписях, показывает, что первоначальный проект Феодора

Алексеевича об открытии новых епископских кафедр, прежде чем появился в своей вполне обработанной редакции, имел, очевидно, несколько переделок. Окончательною его редакциею, в которой он поступил на предварительное рассмотрение патриарха, должно, как кажется, признать так называемую «прежнюю» роспись с 72 кафедрами. Это соображение подтверждает, с одной стороны, полное тожество с означенными в этой росписи городами всех тех городов, которые удержаны в сокращенной позднейшей росписи их от 27 ноября и, с другой стороны, то обстоятельство, что с этою, именно, «прежнюю росписью» в 72 кафедры имели дело составители позднейших сокращенных росписей<sup>59</sup>, как показывает, например, сравнение, произведенное в документе, помещенном в приложении 5-м, в «Полном Собрании Законов», под № 898 и в «Собрании Государственных Грамот и Договоров», ч. 4 № 128.

Какие последствия имел предварительный «совет» царя с патриархом по отношению к первоначальному виду проекта, показывает сравнение текста «концепта определения о имянов...» от 27 ноября с вышеназванными первоначальными росписями. Теперь, «советовав со отцем своим и богомольцем» Патриархом Иоакимом, – царь Феодор Алексеевич предложил освященному собору учредить вновь епископов уже не в 72 пунктах, как предложено было им сначала, а только в 34. *В епархии патриарха*, на Костроме, в Галиче, Звенигороде, Севаке, Туле, Белеве (или Калуге), Темникове, Белоозере, Арзамасе, на Ливнах «да в епархиях преосвященных митрополитов: у *Новгородского*: на Луках Великих, Городце, Колмогорах, Олонце, Ваге; у *Казанского*: в Симбирске, Уфе; у Астраханского: на Саратове; у *Сибирского*: в Томске, в Енисейске, на Лене; у *Ростовского*: на Угличе, на Устюге; у *Псковского*: в Торопце; у *Смоленского*; в Брянске, Вязьме; у *Тверского*: в Кашине (или Ржеве-Володимерове); у *Вятского*: у Соли-Камской, на Кунгуре; у Нижегородского: на Алаторе; у *Рязанского*: в Тамбове, Воронеже, Муроме; у *Белгородского*: в Курске. Очевидно, на предварительном совещании царя с патриархом последним были представлены царю вполне

основательные доводы о невозможности осуществить его первоначальный проект во всей его широте. Но других изменений в первоначальном проекте на этом совещании, как кажется, произведено не было: основная мысль первоначального проекта «о именовании архиереев теми грады», которые в царской державе были имениты», о соподчинении патриарху и митрополитам «подвластных» епископов и об учреждении между архиереями «степеней» удержана и в редакции проекта от 27 ноября: «Советовав о Святем Дусе с патриархом», царь и теперь «изволил быти и именоватись архиереям по степени и коемуждо архиерею имети в своей епархии епископов подвластных им, а святейшему патриарху, отцем отцу, имети многих епископов, яко главе и пастырю», и митрополиты перечислены здесь те же 12, какие были намечены в первоначальном проекте.

Как отнесся освященный собор к представленному ему 27 ноября на обсуждение проекту, показывает вышеприведенное письмо Царя собору от 6 февраля 1682 г. Из него видно, что по рассмотрении царского проекта «по тому его возвещению» святейший патриарх со освященным собором лишь «начало учинили» и «преосвященным митрополитам и архиепископом по степеням быти так, как в его царском возвещении написано, соизволили. А чтоб для подобающей их архиерейской чести, на умножение хвалы Божия, имяноватися архиереем теми грады, которые в его царской державе имяниты суть, того не исполнено. Также и о Сибирской стране, чтоб для ее пространства и множественного народа, Христа незнающего, быти (ради дальнего расстояния) в прибавку архиереем, того не учинено-ж. Да и в иных, (которые один от другого на дальних расстояниях), градех потому-ж для дальнего расстояния быти архиереем для исправления и спасения людей, пребывающих в тех градех, того в совершение не приведено-ж». «Соизволение» освященного собора в ноябре 1681 года быть архиереем по степеням подтверждает и автор «Созерцания краткого лет 7190–91–92», когда пишет:<sup>60</sup> «чин председательства в то время учинен бысть всем архиерейским престолом сице: Великий Господин, Святейший Иоаким, патриарх Московский и всея



Росии, Митрополиты же сии: Корнилий, Новгородский и Великолуцкий, Иоасаф, митрополит Казанский и Свияжский, Никифор, митрополит Астраханский и Терский, Павел, митрополит Сибирский и Тобольский, Иона, митрополит Ростовский и Ярославский, Маркелл, митрополит Псковский и Изборский, – преведен из архиепископии Суздальской в новоучиненную митрополию Псковскую, – Симеон, митрополит Смоленский. – Вновь, прежде там бе архиепископом. – Варсанофий, митрополит Сарский и Подонский, Филарет, митрополит Нижегородский и Алаторский, Павел, митрополит Рязанский и Муромский, Мисаил, митрополит Белгородский и Осоянский, Иларион митрополит Суздальский и Юрьевский. – Тамо он прежде бе архиепископом, митрополия же вновь – Архиепископии же сии: Симеон, архиепископ Вологоцкий и Белозерский, Сергей, архиепископ Тверский и Кашинский, Никита, архиепископ Коломинский и Каширский, Иона, архиепископ Вяцкий и Великопермский.

Таково было отношение освященного собора к проекту царя Феодора, когда он вынес его на обсуждение в 1-й раз в Ноябре 1681 г. Но царь так был уверен в одобрении собором своего проекта и так был проникнут сознанием неотложности проведения его в жизнь, что ограничившись, видимо, лишь согласием патриарха, приступил было к проведению его в жизнь еще до рассмотрения его освященным собором. По крайней мере так можно думать на основании следующего известия: Автор того же «Созерцания Краткого лет 7190–91–92» говорит, что в 7190 (1681) г. было на самом деле приступлено к разделению области русской церкви на 12 митрополий и наименованию митрополитов по главнейшим городам в государстве, для чего некоторые самостоятельные доселе епархии закрывались, другие, бывшие доселе только архиепископиями или епископиями, возводились на степень митрополий. «В лето 7190 г. митрополия Сарская и Подонская», пишет он, «отставлена была и Варсанофий, митрополит Сарский переведен в новоучиненную митрополию, что прежде архиепископия была Тверская..... также и Коломенская архиепископия отставлена была и архиепископ Павел

переведен бысть с Коломны в Суждаль»... «того же лета его государевым повелением учинишася из архиепископий митрополии; Псковская, Смоленская»<sup>61</sup>.... Вернее всего, что во исполнение того же царского предназначения в конце 1681 г. была вновь открыта и кафедра Звенигородская, – одна из 34, намеченных в ноябрьском проекте царя, куда 6 Ноября 1681 года поставлен епископом Кирилло-Белозерский архимандрит Никита. Но начинание царя Феодора, по выражению того же автора, «в совершенное действо за некими препятти не произведется». Никита Звенигородский уже 24 Декабря того же 1681 года был переведен в Коломну и Звенигородская епархия «упразднися», «митрополии Сарской и Подонской паки повелено быти».... «в Тверь паки поставиша архиепископа», восстановлена митрополия Суздальская<sup>62</sup>. и т. д. Легко понять откуда шли эти «препяттия»: Несомненно, главнейшим из этих «препяттий» был отказ освященного собора в Ноябре 1681 года дать проекту свое одобрение. Весьма возможно, что освященный собор в заседании 27 Ноября 1681 г отказался одобрить проект царя Феодора во всей его полноте потому, что по малочисленности своего состава не признавал в себе достаточно полномочий, чтобы судить о возможности и беспрепятственности открыть во всех епархиях намеченные проектом новые архиерейские кафедры. Думать так заставляет факт вторичного выноса Феодором своего проекта на соборное обсуждение в феврале 1682 года. Если бы освященный собор в 1681 году совершенно отклонил мысль проекта, то царю не зачем было бы чрез какие-нибудь 2 месяца делать вторичной попытки провести свой проект. Отцы освященного собора, может быть, и сами подсказали Феодору, что его проект удобнее обсудить всем русским архиереям сообща. Ждать выражения решительного ответа на свой проект от представителей всей русской церкви Феодору Алексеевичу пришлось, как известно, не долго. В Январе 1682 г., в виду выдвинутых тогда на очередь величайшей государственной важности вопросов: а) об уничтожении местничества, в) вторичной женитьбе царя и др., русские архиереи в качестве членов Боярской Думы вызваны были и съехались в Москву почти все. Этим случаем царь

Феодор Алексеевич и воспользовался, чтобы вынести еще раз свой церковный проект на обсуждение архиереев, а вместе с тем предложить им учинить определения и по всем другим церковным делам, стоявшим на очереди. Вот каким образом вопрос о переустройстве епархиального управления и увеличении количества епископских кафедр в Русской церкви, поставленный на очередь еще в (7190) 1681 году 2-го Сентября, является первым и самым важным «предложением царского благоволения» на церковном соборе 1682 года.

Так как из всех пунктов ноябрьского проекта царя Феодора Алексеевича освященным собором в 1681 году был принят и одобрен только один, – об учреждении степеней между архиереями, то естественно ожидать, что собору 1682 года проект будет представлен в том же виде, в каком он был внесен 27 ноября на обсуждение освященного собора, за исключением лишь пункта об учреждении степеней. Письмо от 6 февраля, открывавшее заседания изучаемого собора, дает понять, что это, действительно, так и было. Перечислив все пункты ноябрьского плана царя и указав, что лишь один из них освященным собором принят и одобрен, а что из остальных пунктов одно «не учинено», другое «в совершение не приведено», третье «не исполнено» и т. д., письмо заключается предложением собору: «Чтоб ныне все те (недоконченные) доброначатые дела исправляти». Как известно вместе с этим письмом на собор была прислана и самая роспись предположенных Феодором Алексеевичем к открытию новых архиерейских кафедр. Что это была, именно, ноябрьская роспись, которую царь внес чрез патриарха на освященный собор 27 ноября 1681 г., показывает, во-первых, уже известная нам помета<sup>63</sup> на черновом подлиннике поданной 8 февраля царю архиерейской челобитной, ясно дающая знать, что при составлении челобитной у архиереев на рассмотрении, была именно ноябрьская роспись кафедр. Во-вторых, на то же указывают сохранившиеся в черновых рукописных актах собора выписки, сделанные из присланной 6 февраля общей росписи для каждого архиерея и «поднесенные» каждому из них на рассмотрение 8 февраля. Означенные в этих выписках новые

кафедральные города были совершенно тождественны с городами, перечисленными в царском письме от 27 ноября. На этот раз роспись новых кафедр отличалась от ноябрьской лишь тем, что в ней из числа новых кафедральных городов был вычеркнут Звенигород<sup>64</sup>. Говоря о заготовке из общей росписи особых выписей для архиереев, секретарь делает такую помету на одной из них: «таковы тетради написаны принял Ларион Иванов Февреля того ж числа, только Звенигорода в них не написано по ево ж приказу»<sup>65</sup>. Причиной такого видоизменения росписи был, вероятно, неудачный опыт назначения в Звенигород в Ноябре 1681 г. епископом Никиты. Таким образом, первое царское предложение изучаемому собору, приведенное в окончательном соборном деянии в кратком<sup>66</sup> и неясном изложении, должно представить в следующих чертах: Территория всей русской церкви разделялась (по нему) на патриарший и 12 митрополичьих округов, при чем митрополиты получали свой титул от городов, которые прежде были столицами отдельных царств или княжеств: Новгородского, Казанского, Астраханского, Сибирского, Ростовского, Псковского, Смоленского, Тверского, Вятского, Нижегородского, Рязанского и Белгородского. На положение митрополий возводились бывшие доселе архиепископиями епархии: Тверская, Смоленская, Псковская и епископия Вятская, уничтожалась существовавшая доселе митрополия Сарская и низводились в положение «подвластных», доселе бывшие самостоятельными архиепископами: Вологодский, Суздальский и Коломенский. В округе каждого из 12 митрополитов, так же, как и в округе патриарха, учреждались вновь «подвластные» митрополитам епископские кафедры, каковых предполагалось всего 33. Так что вместе с патриархом и митрополитами на Руси по проекту Феодора Алексеевича имело быть 46 архиереев, тогда как до сего времени их существовало лишь 17. Между архиерейскими кафедрами учреждались степени. – На учреждение степеней Патриарх и освященный собор дали свое согласие еще раньше в 1681 г.; но существовали-ли эти степени ко времени февральских заседаний освященного собора на самом деле, сказать утвердительно нельзя. Автор «Созерцания

Краткого» говоря об учинении «чина председательства архиерейским престолом», перечисляет (стр. 48 исследов.) епархии в том виде, как они существовали после заседаний собора 1682 г., так как Вятская епархия у него названа уже архиепископию, а она сделана таковою только по постановлению изучаемого собора. Верней всего, что и по степеням архиереи стали именоваться только уже после того, как это нововведение было одобрено на чрезвычайных заседаниях собора в 1682 году. По проекту Феодора Алексеевича 1-я степень присвоена была кафедре патриарха, 2-я кафедре м-та Новгородского, 3-я – Казанского, 4-я – Астраханского, 5-я – Сибирского, 6-я – Ростовского, 7-я – Псковского, 8-я – Смоленского, 9-я – Тверского, 10-я – Вятского, 11-я – Нижегородского, 12-я – Рязанского, 13-я – Белгородского «архиепископом быти в прежних степенях»<sup>67</sup>. В ноябрьской росписи и выписках из нее для митрополитов обозначены и средства содержания для вновь учреждаемых кафедр: для епископов *Саратовского*<sup>68</sup>, *Томского*, *Енисейского*, и *Ленского* предполагалось казенное содержание – «от государевой казны», для остальных же средствами к содержанию должны были служить причисленные к их кафедрам монастыри с приписными к ним крестьянскими и бобыльскими дворами<sup>69</sup>. *Костромскому* епископу «в удоволствование» предположено было дать монастыри: Воздвиженский, Шеренский и Ширтольский всего с 229 дворами; *Галичскому*: – Троицкую Варнавину пустынь, Спасский, Ризположенский монастыри, Богородицкую Верхнюю пустынь, Фроловский, что у Галицкого озера, Николаевский, что на посаде, и два Благовещенских, м. м., что на Укороже да в пустыне, всего с 268 дворами; *Севскому*: Спасский, Рогодитцкий, Столепский, да в Рыльском уезде: Николаевский и Дмитровский – с 221 двором; *Тульскому*: – Предтечев монастырь, да в Новосильском уезде Духов монастырь – всего с 200 дворами; *Калужскому* (или *Белевскому*): – Рождественский и Преображенский монастыри с 259 дворами; *Темниковскому*: – Пурдышевский – 270 дворов; *Белоозерскому*: – Троицкий и Никитский с 320 дворами; *Арзамасскому*: – Спасский монастырь с 323 дворами;

*Ливенскому*: – Сергиевский монастырь, да Чернеев из Шацкого – 344 двора; *Великолуцкому*: – Исаеву пустынь, Настыцкий, Спасский в Старой Русе и Северский – 157 дворов; *Городецкому*: – Николаевский-Антоновский – 639 дворов; *Холмогорскому*: – Николаевский-Корельский монастырь, да Чухченемский и Архангельский у города Архангельского – 127 двор.; *Олонецкому*: – Муромский-Палеостровский, Вышеостровский, да Новгородского уезда Вежицкий монастырь, всего 267 дворов; *Важскому*: – Богословский, Узринский, Клопов, Сестрицкий, да Агапитов монастыри, да Сидомскую пустынь, всего 182 двора; *Симбирскому*: – из Богородицкого монастыря (ему) дати 200 дворов; *Уфимскому*: – Успенский со 132 дворами; *Углечскому*: – Алексеевский с 559 дворами; *Устюжскому*: – Архангельской монастырь с 330 дворами; *Торопецкому*: – Кудин, Небин, да из Пусторжевского уезда Плеский монастырь, всего с 161 дв.; *Брянскому*: – два Спасских, Петровский и Андреянов, всего с 165 дворами; *Вяземскому*: – Ивановский м. и Тихонову пустынь, всего с 218 дворами; *Кашинскому* (или Ржево-Володимерскому): – Дмитровский, Клобуков, Изосимин из Клину и Успенский, всего с 183 дворами; *Солекамскому*: – Преображенский и Вознесенский монастыри с 344 дворами; *Кунгурскому*: – Тахтаровскую, да Воздвиженскую пустыни с 82 дворами; *Алаторскому*: – Рождественский на Курмыше монастырь с 132 дворами, *Тамбовскому*: – Троицкий и Мамонтов монастыри с 130 дворами; *Воронежскому*: – Боров-Успенский и Алексеевский м. м. с 210 дворами; *Муромскому*: – из вотчин Николаевского Шартомского монастыря, что в Шуге, 200 дворов и, наконец, *Курскому*: – Знаменский монастырь с 169 дворами.

Надписи<sup>70</sup> на черновой росписи новых архиерейских кафедр и письме царя собору от 6 февраля объясняют, что значит «подвластный» епископ, они довольно ясно свидетельствуют, что новые «подвластные» епископы имели представлять собою архиереев с определению для каждого из них епархиальною областью, входившею в состав одной из 12 митрополий: – «пребывательства имети им», поясняет первоначальная редакция царского проекта, «в градах при соборных церквах, а

во удовольствие ему и домовым ево дати монастыри с вотчины, чем ему себя и дом свой епископль доволствовать, а десятины збирать на святейшего патриарха (и на епископов, в чьей сущей епархии) м все сущее чинить за ево святительским благословением и без воли ево ничтоже может соорудити, но воном должен повиноваться отцу своему и пастырю».... «И чтоб епархия владения своего больше двусот верст не имела»... Просьба архиерейской челобитной от 8 февраля, бывшей ответом на проект царя, – «чтобы Великий Государь милостивно ко архиерейскому чину рассмотрение положил и вновь где, в пристойных местех.... архиереев устроить, архиепископов или епископов, *»особыми их епархии, а не под митрополитами быт подвластным»*<sup>71</sup>, также подтверждает<sup>72</sup>, что новые епископы должны были иметь свои епархии, только епархии эти были соподчинены митрополитам, а не «особые» т. е. не независимые.

Строй церковного управления, вводимый на Руси проектом царя Феодора Алексеевича, был очень близок к каноническому. По правилам церковным во главе церкви стоит патриарх с соподчиненными ему митрополитами. Отношения его к митрополитам по 15 правилу Двукратного собора должны быть точно такие-ж, какие правила (Апостольск. 34, Антиохийского собора 9-е и др.) устанавливают в отношениях митрополитов к епископам. В ведении каждого митрополита имеются со своими епархиями или без оных (титულрные) епископы. Епископы ничего важного не могли делать без воли и согласия митрополитов, а эти последние ничего такого не могли делать без ведома и согласия собора подчиненных им епископов, почему в таких случаях открывалась нужда в частых областных соборах, которые по правилам 6 вселенского собора (8 пр.) предписывалось устроить по крайней мере раз в год. Митрополит имел высший надзор над епископами, обладая правом и обязанный подвергать их суду и наказаниям в случае той или другой их неисправности, ему принадлежало право апелляции на суд подвластных ему епископов. Все дела сего последнего рода, подобно тому, как и творить суд над самими епископами, митрополиты должны обсуждать не иначе, как соборно, т. е.

совместно с епископами своей области. Совершенно такое же отношение должно было быть и у патриарха к митрополитам. (Двукратный собор, пр. 16). По проекту Феодора Алексеевича во главе русской церкви точно также стоит патриарх, ему соподчинены 12 митрополитов, у каждого митрополита в его округе предназначались «подвластные» ему епископы. Такой план переустройства управления в русской церкви не был совершенной новостью на Руси, выдуманною в первый раз правительством царя Феодора. Восточные патриархи, приезжавшие на Русь при отце Феодора Алексеевича и удивлявшиеся малочисленности на Руси епархий и их необычайной обширности, указывали и на слабое развитие соборного начала в русской церкви. Для усиления последнего они тогда же предложили вместе с увеличением количества епархий на Руси разделить всю территорию русской церкви на округа, каждый округ из нескольких епископий подчинить особому митрополиту, епископы каждого округа должны под председательством митрополита составлять свои окружные съезды, – на этих съездах разбирать свои местные дела и составлять определения, патриарху же, как высшему архиерею, предоставить право высшего контроля над постановлениями окружных соборов и высшего управления делами русской церкви при посредстве созываемых им всероссийских соборов<sup>73</sup>. Все заявления и предложения восточных патриархов были приняты царем Алексеем Михайловичем и отцами собора 1667 года и вошли в соборные определения последнего<sup>74</sup>, которыми между прочим повелевалось: «коемуждо митрополиту имети под собою епископа, по святым правилам, ради конечного исполнения церковного и спасения душ человеческих... а жити тем епископом коемуждо под своим архиереем в своих епархиях, в определенных им городех, в монастырех и владети того монастыря вотчинами и творити вся по благословию и по повелению своих митрополитов, а без воли их ниче соже творити, кроме священнодействия и хиротонии и прочих, яже повелевают им святыя правила»... Таким образом, в задуманном Феодором Алексеевичем переустройстве церковного управления, в желании его



приблизить строй русской церкви к каноническому или скорее к современному ему греческому, можно видеть до некоторой степени выполнение задачи, унаследованной им от отца, задачи, которую тот поставил на очередь по внушению восточных патриархов.

Но, кроме выполнения означенной задачи, – обстоятельства, которое в данном случае не должно только отрицать, – пункт проекта царя Феодора Алексеевича, о разделении территории Русской церкви на митрополичьи округа и об «имяновании» митрополитов «теми грады, кои в его державе имянити суть», т. е. о титуловании их по тем городам государства «идеже прежде быша цари и идеже княжения бяху», следует поставить в тесную связь с современным ему гражданским проектом о переустройстве областного управления: «В тое-же 90-е лето и время», рассказывает Икона<sup>75</sup>, «советоваху государю царю Феодору Алексиевичю палатстии бояре, чтобы в его царской державе по подчиненным единой власти государствам и царствам в Великом Новеграде, в Казани, в Астрахани, в Сибири и инде быти царским наместником великородным боляром вечно и титлы им тех царств, кто где будет, имети и писатися во всяких писмах: болярин и наместник князь, имя рек, всего царства Казанского, или всего царства Сибирского, такожде и митрополитом: митрополит Новгородский и всего Помория, митрополит Казанский и всего Казанского царства и прочая<sup>76</sup>. Проектированные наместничества, очевидно, так же, как и соответствовавшие им территориально митрополии, были целые исторические области, вошедшие в состав Московского государства, и составлявшие прежде самостоятельные царства и княжества. Царским предложением собору, в котором митрополиты предположены были по прежним самостоятельным царствам и княжествам, видимо, предполагалось достигнуть полного соответствия в устройстве церковного и государственного управления. Как в государстве под высшей властью царя Московского и всея Руси управляют в особых, входящих в его состав, областях наместники (Сибирский, Казанский, Новгородский и др.), а под ними

воеводы городов, входящих в область наместничества, так под высшей властью патриарха Московского и всея Руси управляют соответствующими наместничествам – церковными областями митрополиты (Сибирский, Рязанский, Новгородский и т. д.), а под ними «подвластные» им епископы<sup>77</sup>.

Точно также в параллели с государственным планом того времени должен быть поставлен и пункт проекта Феодора Алексеевича об учреждении между архиереями степеней, на что, по заявлению царского письма собору от 6 февраля, «св. патриарх вкупе со освященным собором соизволили». От времени Феодора Алексеевича сохранился проект устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей по 34 степеням (содержание его смотр. в примечании к последней главе настоящего исследования), который можно признать переделкой неудавшегося проекта о разделении территории Русского государства на действительные наместничества с несменяемыми наместниками. Оставшиеся в нем наместнические титулы, усвоенные теперь «*honoris causa*» членам думы, по степеням идут именно в том порядке, в каком перечислены в проекте Феодора Алексеевича архиерейские митрополии, а именно, высшая степень усвоена после Владимирского наместнику Новгородскому, затем, идут наместники: Казанский, Астраханский, Сибирский, Псковский, Смоленский, Тверской, Вятский, Нижегородский, Рязанский, Ростовский, Суздальский, Вологодский, Коломенский, Устюжский и т. д., всего 60 наместников. Учрежденный на самом деле «чин председательства архиерейским престолом» о чем свидетельствует, как мы видели, автор «Созерцания Краткого», был действительно почти в полном соответствии с этой гражданской лестницей степеней. С ней справлялись, несомненно, всякий раз и после когда «учиняли степень» вновь открываемым кафедрам. Напр., рассказывая про поставление в первые архиепископы в Холмогоры Афанасия современник замечает. «А учинен степенью више Архиепископа Устюжского»: Или – про возведение епископа Вятского в архиепископа: «а степень ему учинена»...

Пункт царского проекта, касавшийся собственно увеличения количества епископов на Руси, вынуждался самой необходимостью, что ясно высказано: а) в письме Феодора Алексеевича собору и, с неоспоримою очевидностью, вытекает б) из самого беглого обзора религиозно-нравственного состояния тогдашней русской церкви.

а) Говоря о необходимости увеличить число епископов в Русской церкви письмо царя Феодора замечает: «а то архиерейское вновь прибавление потребно и нужно для того, что Сибирская страна пространна и в ней множество народа, Христа незнающего, такожде и иные грады от архиерейского пребывания имеют дальнее расстояние, а именно в Сибирской стране от столичного града той епархии до Даурских и Нерчинским и Албазинского острогов и до иных тем-же подобных многих стран во едино лето и в полтора и в два едва преходят а в тех дальних местах христианская вера не расширяется развратники же святые церкви там умножаются, да не токмо в такой дальней и пространной стране, но и в иных многих градах, а именно в Путивле и в Севске, в Галиче, на Костроме и в иных многих местах противники умножились, зане не имеют себе возбранения за расстоянием дальним, понеже во епархиях град от града и место от места имеют расстояние не малая»<sup>78</sup>. В письмах, заготовленных по тому же вопросу для митрополитов, которые им были поднесены 8 февраля, потребность в увеличении числа архиереев объясняется еще следующим: «вниде в его царская слуха от многих градов, что многие неразумные человецы, оставльше святую церковь, учинили в домех своих мольбища и собрався чинят чуже христианству, а на святую церковь износят страшные хулы, что потонку и исписати невозможно, а то чинится для того, что не имеют себе возбранения и учения архиерейского за расстоянием дальним, понеже во епархиях град от града и место от места имеют великое расстояние и чтоб для ближайшего учения быти в прибавку архиереем на исправление и спасение людей прибывающих в тех градах»...<sup>79</sup>.

В епархиальном управлении русской церкви XVII столетия малочисленность епископских кафедр, действительно,

обращает на себя особое внимание. Восточные греческие иерархи, приезжавшие в Россию в этом веке, всегда поражались тем, что такое обширное и цветущее православное Московское царство сравнительно с восточными патриархатами имеет весьма незначительное число епархий, что самая бедная из русских епархий по своему пространству, числу церквей и доходов превосходила не только епархии греческие, но и некоторые патриархии восточные. На Московском соборе 1667 года патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский открыто заявили, что в России «жатва многа, делателей же мало», и умоляли Государя и собор «да изведет делателей на жатву, еже есть да умножит в державе своей архиереи, да изберет и поставит митрополиты и архиепископы и епископы, во еже бы стаду Христову не без довольных пастырей быти, да управляется и расширяется православием в род и род богохранимое российское царство»<sup>80</sup>. Недостатком епархий и епископов, слабостью и отсутствием во многих местах святительского надзора и назидания они объясняли многие печальные явления в тогдашней религиозной русской жизни: массу непросвещенных христианскою верою инородцев, остатки язычества в коренном русском населении, а особенно появление и быстрое распространение смущавшего всех раскола. И, действительно, если в наше время, – когда на Руси кроме Кавказа числится 103 архиерея (считая и викарных)<sup>81</sup>, – чувствуется все-таки недостаток в непосредственном влиянии их на пасомых и Г. Обер-Прокурор Святейшего Синода справедливо в одном из своих отчетов жалуется<sup>82</sup> на широту епархий, то можно судить, как был ощутителен этот недостаток в конце 17-го века, когда на Руси вместе с патриархом было всего 17 архиереев<sup>83</sup>. Ко времени 1682 года в состав нашего государства входило больше двух третей нынешней европейской России и почти вся Сибирь, как же обширны были при такой территории тогдашние 17-ть епархий. Сибирская, например, занимала пространство всех наших азиатских владений. Московская епархия – патриаршая – заключала в себе полные и частями владения нынешних 22 епархий. Новгородская – обнимала без малого епархии: Петербургскую,

Олонецкую, Архангельскую, частью Витебскую, Смоленскую, Вологодскую и некоторые другие северо-восточные епархии. Рязанская: Рязанскую, часть Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Симбирской и западную часть Саратовской. Немногим меньше были территории и других тогдашних епархий<sup>84</sup>. К обширности епархий присоединялось еще то неудобство, что пределы их были перемешаны: области и города одной епархии часто входили в границы другой. Нужно взять еще во внимание состояние тогдашних путей сообщения и дикость страны, и станет вполне понятным, как были несоразмерны территории епархий с силами заведовавших ими архиереев и как трудно и почти невозможно было епархиальному архипастырю самому непосредственно следить за вверенной ему паствой. Один из архиереев того времени откровенно сознается, что «патриарх и преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы всея Великия Росии градов своей паствы по правилам не проходили дального ради расстояния»<sup>85</sup>. Донесения архиерею из епархии и распоряжения владыки могли в иных епархиях доходить до места своего назначения только чрез долгие месяцы, а то и целые годы, как, например, в Сибири, где «от столичного града той епархии до Даурских и Нерченских и Албазинских острогов и до иных тем же подобных мест во едино лето и в полтора и в два едва преходят»<sup>86</sup>.

б) Вполне было естественным, что религиозно-нравственная жизнь паствы, оставаясь почти без всякого наблюдения и влияния архипастырей, не могла успешно развиваться. Не только в Сибири, но и внутри России религиозно-нравственная жизнь в 17 веке по своему низкому уровню почти нисколько не уступала первому столетию христианства на Руси, когда христианство государственною властью здесь еще только вводилось и распространялось. Суеверии, языческие поверья, обряды и обычаи жили тогда еще во всей силе, в подтверждение чего достаточно сослаться на грамоты<sup>87</sup> правительства, осуждавшие и запрещавшие эти суеверия и обряды, и на указы, преследовавшие колдунов и чародеев<sup>88</sup>. В соответствии с религиозным состоянием было и

нравственное. В русском обществе, начиная с высшего и кончая низшим, царили самые грубые пороки, свойственные только язычникам: пьянство<sup>89</sup>, распутство<sup>90</sup>, сквернословие<sup>91</sup>, чиновничье «людодержство»<sup>92</sup>, разбои, грабежи и воровство<sup>93</sup>, обманы, обмериванье и обвешиванье<sup>94</sup>, деспотизм и грубость в семейных отношениях<sup>95</sup> и многое другое. На ряду со всем этим шло и усиление противников церковных–раскольников, пропаганда которых велась на столько успешно, что к последней четверти столетия раскол раскинул свои ветви и в Сибири, и на Дону, и в Поморье и во многих других местах, не говоря уже о Москве<sup>96</sup>.

Само собой понятно, с какою необходимостью вытекает из всего сказанного потребность умножения на Руси числа архиерейских кафедр. Чтобы изменить хоть несколько к лучшему существовавший в русской церкви порядок вещей, необходимо было дать ближайших и просвещенных, борцов против его отрицательных сторон. Архиереи, как люди сравнительно просвещеннейшие в то время и наделенные правами над духовенством и авторитетом по делам веры и нравоучения в глазах пасомых, могли быть по преимуществу таковыми деятелями.

Потребность в умножении числа архиереев на Руси давно уже сознавалась русским правительством, и оно еще до времени царя Феодора Алексеевича несколько раз делало попытку в этом направлении. Так в 1589 году по уложенной грамоте об учреждении патриаршества в России определено: «на утверждение православные веры и в почесть превеликого престола патриаршего царствующего града Москвы» увеличить число епархий на 8 против существовавших до того времени одиннадцати<sup>97</sup>. В 1657 году в октябре был созван собор специально по вопросу об устройении «по местом властей», т. е. об открытии новых епархий на окраинах России: в Белгороде митрополию, в Смоленске архиепископию и в Вятке епископию, так как города эти «многочеловечны с окрестными их грады и веси требуют своего православного архиерея»<sup>98</sup>. Наконец, в 1667 году было снова постановлено: 1) выполнить решение собора 1589 г. чрез открытие указанных на нем кафедр, 2)

открыть, согласно постановлению собора 1657 года, кафедру в Белгороде и 3) сверх этих открыть еще 10 совершенно новых кафедр: в Перми, Каргополе, Городце или Устюжне, на Уфе, в Угличе, в Ливнах, Воронеже, Тамбове, Томске и на Лене. На сколько неуспешны были все эти попытки показывает то обстоятельство, что к одиннадцати, существовавшим в 1589 г., епархиям к 1682 году, в течение почти столетия, прибавилось только шесть. Проект царя Феодора Алексеевича об умножении, количества епископских кафедр не был, таким образом, совершенною новостью на Руси, а только возобновлением давнишних стремлений государственной власти; попытка Феодора отличалась от предшествовавших только небывалою доселе широтою замысла.

Как же отнеслись русские архипастыри к плану царя в свои февральские заседания 1682 года? Нельзя сказать, чтобы отцы собора и сами до некоторой степени не сознавали высказанных в царском предложении нужд, особенно по вопросу об увеличении на Руси количества архиереев, не напрасно же устами патриарха дела царского «свитка» названы «зело потребнейшими», и все же ответ их на 1-е предложение царя был согласен далеко не со всеми пунктами царского плана и далеко не соответствовал широте вложенного в проект замысла. В своей челобитной, поданной 8 февраля 1682 г. в ответ на первое царское предложение, архиереи писали:<sup>99</sup>. «Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержцу, быют челом митрополиты и архиепископы, чтобы Великий Государь милостивно ко архиерейскому чину рассмотрение положил и вновь где, в пристойных местех и в дальних городех и многонародных, архиереев устроить, архиепископов или епископов, особыми их епархии, а не под митрополитами быть подвластным, для того, чтоб во архиерейском чине не было какого церковного разгласия и меж себя распри и выности и в том несогласии и нестроении святой церкви преобидения и от народа молвы и укоризны, и сего ради, применяясь ко изволению Великого Государя, общим советом и согласием великого господина святейшего Иоакима, Патриарха

Московского и всея России, и преосвященных митрополитов и архиепископов и епископов на соборе приговорили быти вновь архиереем: *святейшего Патриарха из епархии* во градах: в Галиче епископу, в Арзамасе епископу, в Севске архиепископу, а к Севску городов: Брянск, Трубчевск, Путивль, Рылск. *Новгородского митрополита* из епархии во градах: на Колмогорах и на Ваге с пригороды архиепископу: Архангельской город, Мезень, Кевроль, Пустое озеро, Пинега. Казанского митрополита из епархии во граде на Уфе с пригороды епископу. *Сибирского митрополита* из епархии в Енисейску с города, с пригороды и с острожки архиепископу. А в дальние грады: на Лену, в Дауры из той же епархии посылать от духовного чину архимандритов и игуменов, или священников добрых и учительных для учения христианского закона и просвещения неверных, а епископом в тех дальних городех ныне быть неудобно, малолюдства ради христианского народа. *Ростовского митрополита* из епархии во градах: на Устюге Великом и на Тотме и у Соли Вычегодцкой архиепископу. *Рязанского митрополита* из епархии во градах: в Тамбове с города Козловым, Доброе городище епископу; на Воронеже с городами: Елец, Романов, Орлов, Костянеск, Коротьяк, Усмонь, Соколовой острожек—епископу. *Крутицкого митрополита* из епархии во граде Болхове с городами: Мценск, Новосиль, Карачев, Кромы, Орел епископу. *Белгородского митрополита* из епархии во граде Курску с городами быть епископу. Вятскую епископию учинить архиепископию. А из каких доходов тех новоучиненных архиереев соборные церкви, и их архиерейские дома, и архиерейские одежды, также и причетников церковные одежды, и всякая церковная утварь вновь построить, как Великий Государь укажет; а из приписных монастырей, которые им будут даны, не возможно вскоре того управить и всякого доволства архиерейского чина исполнить. А монастырями владеть и доволство свое тем архиереем и домовным их людям иметь, по благоволению Великого Государя: *Галицкому* — Троецкою Варнавиною пустынею, Спасским монастырем, Богородицкою Верхнею пустынею, Ризположенским монастырем, Фроловским, что у озера, Николаевским, что на



посаде, 2 монастыри Благовещенскими, что на Укоруже да в Пустыне со крестьяны, а за ними 268 дворов *Арзамасскому*: из Спасского монастыря уделить половина вотчин, крестьян и всяких угодей особо, а за ним 323 двора. *Севскому*: в Рыльском уезде – Николаевским монастырем со крестьяны и со всеми угоды. *Колмогорскому*: Чюхченемским монастырем, да Чюхченемскою волостию чтоб Великий Государь пожаловал. *Уфимскому*: Успенским монастырем со крестьяны, а за ним 132 двора. *Енисейскому*: пожалует Великий Государь из своей государевой казны. *Устюжскому*: Архангельского монастыря вотчин со крестьяны и со всякими угодии уделить половина, а за ним 330 дворов. *Тамбовскому*: Мамонтовым монастырем со крестьяны и со всякими угоды. *Воронежскому*: Борщовым, да Успенским, да Алексеевским монастыри, а за ними 210 дворов. *Болховскому*: Воскресенской Карачевской монастырь со крестьяны и со всякими угоды. *Курскому*: Знаменского монастыря уделить вотчинных крестьян со всякими угоды, а за ним 169 дворов. Таким образом, отцы собора 1632 г., во 1-х, совершенно отклонили мысль о соподчинении епископов митрополитам, признавая необходимым, чтобы новые архиереи обязательно были выделены в особые самостоятельные епархии, а не жили в епархиях митрополитов и, следовательно, во 2-х, тем самым отклонили предположение о разделении территории русской церкви на патриарший и двенадцать митрополичьих округов, и в 3-х, новых епархий нашли возможным открыть вместо 33 лишь одиннадцать, а именно: – Галицкую, Арзамасскую, Севскую, Холмогорскую, Уфимскую, Енисейскую, Устюжскую, Тамбовскую, Воронежскую, Волховскую и Курскую<sup>100</sup>,

Нежелание свое согласиться с планом паря о соподчинении митрополитам имевших быть вновь поставленными в их округах епископов, отцы собора мотивировали опасением, «чтобы в архиерейском чин не было какого разгласия и меж себя распри и высоты и в том несогласии и в нестроении святой церкви преобидения и от народа молвы и укоризны». Нужно полагать, что под «распрями меж себя» и – «высостью» собор подразумевал возможность властолюбивых притязаний со

стороны «подвластных» епископов к своим митрополитам, что они потребуют от митрополитов отношения к себе сообразно с преувеличенным представлением о величии своего сана и не окажут им беспрекословного повиновения. Иной «распри» и «высости» не могло быть: а) к «высости» между собою «подвластные» епископы, все одинаково подчиненные митрополитам, не имели поводов, б) митрополитам же между собой не из за чего было вести распри, так как их округа были совершенно друг от друга обособлены и между их престолами учреждены были раз навсегда степени. А чтобы понять, на сколько основательно было опасение собора 1682 года «распрей» и «высости» в отношениях «подвластных епископов к митрополитам, нужно припомнить, на сколько вводимый проектом Феодора Алексеевича порядок взаимоотношений между русскими архиереями противоречил и шел в разрез с исторически сложившимся на Руси порядком церковного управления, столь близким и привычным отцам изучаемого собора, и на сколько тип вводимого проектом «подвластного» архиерея был несходен с тогдашним типом русского епархиального архиерея.

Слишком малое количество и слишком большая обширность епархий, бывшие с самого начала на Руси христианства отличительной характеристической чертой администрации Русской церкви, неизбежно должны были иметь значительное влияние на дух и характер наших архиереев и на их отношение сначала к митрополиту, а потом к патриарху всея Руси. С принятием от греков христианства Русская церковь должна была получить от них и строй своего управления, каковой, действительно, ей и был дан учреждением на Руси особого митрополичьего округа под ведением Константинопольского патриарха. Стоявшему во главе этого округа митрополиту Киевскому, а потом Московскому, должны были соподчиняться все русские архиереи. Митрополит имел быть начальником всех русских архиереев, высшею судебною инстанцией по принятию апелляций на суд архиереев в их епархиях, должен был если не два раза, то хоть раз в год собирать их на областные соборы для рассуждения о церковных

делах и нуждах своей митрополичьей области. Но, имевшие находиться по каноническим правилам в таковом отношении к своему митрополиту, русские архиереи рано отступили от точного исполнения этих правил. Вследствие исключительной обширности своей митрополии русский митрополит не имел возможности часто видеть подвластных ему епископов и влиять на них непосредственно. Областные соборы не только очередные (по правилу 6 вселен. собора), но и экстренные, по большой отдаленности кафедральных епископских городов от митрополичьего, также не могли быть часты. Епископы же, видевшие в дальности епархий от митрополичьей резиденции основательный предлог уклоняться от сих соборов, уклонялись<sup>101</sup> от соборов не только ежегодных и срочных, но даже и от таких, которые созывались митрополитами по требованию нужд. И, таким образом, они рано привыкли сознавать себя в своих епархиях совершенно самостоятельными не только в делах собственно епархиальных, но и общецерковных, рано стали чувствовать себя независимыми от митрополита. Это отсутствие видимого влияния власти митрополита естественно со временем перешло в убеждение, что так должно и быть. Будучи в своих епархиях ни от кого на деле независимыми и рано сознав себя поэтому полновластными господами своей епархии, русские архиереи и в государстве привыкли считать себя людьми высокопоставленными с исключительным значением. У нас епархиальный архиерей не равнялся как в Греции, например, в гражданском чинопочинении какому-нибудь незначительному уездному или окружному чиновнику, но по обширности своей епархии совсем не имел себе равного между гражданскими администраторами, превосходя обширностью своей области иногда даже и удельных князей. Единственный епископ на все княжество, архиерей был советником удельного князя, и в силу этого – сильным человеком не только в церковном, но и в гражданском правительственном отношении. С другой стороны, отношения архиерея к духовенству и пасомым, а равно и сих последних к нему, в силу той же обширности епархий и невозможности для архиерея быть пастырем их в собственном

смысле слова, рано должны были сделаться лишь официальными, делавшими архиерея великим и грозным начальником, а духовенство и пасомых – питавшими к нему страх и благоговение подчиненными и людьми далекими и чуждыми для него. Весьма редко видевшие своего архипастыря русское духовенство и пасомые рано окружили его ореолом особого величия и власти, что, конечно, не замедлило отозваться на самосознании и самих архиереев. Сознание своего значения и власти выразилось у наших архиереев в пышности их выходов на глаза паствы, в богатстве обстановки, в совершенно подобном господскому к рабам отношению к подчиненному духовенству и в особом способе управления епархиями чрез светских чиновников. «Назираете священников по царскому чину» укоряет современных ему архиереев поп Григорий Скрипица<sup>102</sup>, «земного царя боляры и дворецкими, надельщиками, тиуны и доводчики своих дея прибытков, а не по достоянию святительскому»... «Вам бы, господие нашей, достоит пасти церковь священники богобоязливými, а не мирским воинством»...

Учреждение патриаршества на Руси не было введением нового строя во взаимоотношения русских архиереев друг к другу и к патриарху. Сделавшись патриархом, Московский митрополит лишь заменил один титул другим, а патриархата в строго каноническом смысле на Руси не получилось, так как при патриархе на Руси не было особых соподчиненных ему митрополичьих округов, митрополиты при нем были лишь титулярные, совсем не имевшие в своих округах подчиненных им епископских кафедр. Таким образом, на патриарха перешли прежние отношения русских архиереев к митрополиту всея Руси, т. е. они признавали себя в своих епархиях и при патриархе совершенно независимыми от него. Они твердо отстаивали пред ним свои исторически добытые права. Известен их смелый доклад собору 1667 года о несправедливом отобрании Никоном под свою власть монастырей и вотчин из чужих епархий<sup>103</sup>. Известно, как они восстали в письмах к царю против Никона за протнвоканоническое проклятие митрополита Крутицкого Питирима – «епископ всем собором судится», писали они<sup>104</sup>.

Они долго не хотели титуловать Никона «великим государем» несмотря на всю его исключительную в государстве власть. «Первый епископ не начальник епископов, ни крайний святитель», писал обличитель Никона, «но епископ первого седалища наречется, рекше, царствующего многонародного града: святительский бо сан един есть и тожде на всех. Не наречется сей убо совершен или не совершен святитель, но вси равны святители, вси епископы и область Св. Духа равно приемлше... Патриарха избрати благоволи (обращение к царю)... во еже обрезать своя ему воля крепко обучившася»<sup>105</sup>... Ко времени собора 1682 года ореол власти и величия, которым, благодаря историческим обстоятельствам, окружили себя русские архиереи, не только не померк но стал еще ярче. На созданное веками независимое положение и епархиальную власть архиерея не было никаких серьезных посягательств; а обстоятельства, укреплявшие и усиливавшие сознание их власти и значения прибавились. К этому времени умножились до огромного количества в епархиях русских архиереев монастыри с их богатыми вотчинами, отделявшие большую часть своих доходов для поддержания пышности архиерейских кафедр, с другой стороны, благочестивые русские государи жертвовали вотчины с тысячами душ крестьян, а равно разные угодья и статьи доходов архиерейским кафедрам и непосредственно<sup>106</sup>, чрез что делали архиереев владыками и господами в полном смысле слова. Войны 17 в., изнурявшие русских крестьян непосильными налогами, обеднили и без того небогатое приходское духовенство, питавшееся от крестьян, бедный же человек еще более чувствует свою зависимость от начальника, – это новое обстоятельство, усиливавшее сознание своего значения и власти у русских архиереев. Наконец, привязанность русского народа к внешности и обрядности в религии, дошедшая в 17 в. до своего крайнего выражения, возвела русского архиерея, всегда величаво и пышно выступавшего пред народом при торжественном и полном обрядности богослужении, при религиозных процессиях и при своих редких проездах по епархии, до звания «владыки» и «великого господина». В своих грамотах архиереи обычно

теперь называют себя «великий господин»: «и мы великий господин, слушав их челобитья, пожаловали, благословили, велели»<sup>107</sup>. «Власти», жалуется подьяк Федор Трофимов, «пишутца и называютца великими государями и свободными архиереями: мы де суду царскому не подлежим»... Он же (Фетка) укоряет современных архиереев в пышности и величавости: «как пойдет Корнилей (митр. Тобольский) из кельи в церковь и из церкви в келью к вечерни и к заутрени и ко обедни, и покамест он идет в церковь, или келью, и в то время звонят, а перед ним идут со свечами с выходными с большими, с подсвечники, а подьяки идут пред ним в стихарях и поют органным согласиям теререки,... а звонов к выходам у прежних пастырей не бывало, только звоны бывают царева ради прихода и схода»... «Он же Корнилей сделал себе карету повапленную и где ему ехать пять верст и ради колесницы ездит околнею дорогою двадцать верст»<sup>108</sup>... Духовный Регламент царя Петра называет величие современного архиерея «вельми жестокою славою» и считал нужным «укротити оную», указывая на то, что «честь пастыря умеренная есть, а лишняя и почитай ровно царская да не будет»<sup>109</sup>... К подведомственному им духовенству архиереи относились положительно как к крепостным крестьянам помещики: «бей гораздо, мертвые наши» приговаривал Коломенский архиепископ Иосиф, беспощадно наказывая плетью священников<sup>110</sup>... Любопытен факт, что к концу 17 века у нас почти все архиереи имели титулы митрополитов и архиепископов, между ними ко времени изучаемого собора был только один просто – епископ. При таком взгляде на права архиерея в епархии и на величие его сана, сложившемся исторически и ставшем убеждением русских архиереев, конечно, им было весьма затруднительно согласиться с мыслью царя о подчинении архиереев митрополитам. Они настолько сжились с понятием об архиерее, как о неограниченном начальнике, полновластном правителе в известной церковной области (епархии), что не могли и представить себе, чтобы архиереи, ставшие «подвластными» митрополиту, удержались «от распрей» и «высости». Опасение, – высказанное в

челобитной по вопросу о соподчинении епископов митрополитам, – с тогдашней точки зрения на архиерейский сан, является, таким образом, вполне основательным; немудрено, что и царь Феодор разделил его и уступил просьбе собора.

Своим несогласием на соподчинение предложенных к открытию архиерейских кафедр митрополитам о. о. собора вместе с тем отвергли и пункт царского проекта о разделении территории русской церкви на патриарший и 12 митрополичьих округов. Настаивать на введении этого подразделения Феодор Алексеевич не имел теперь особых побуждений уже в силу того обстоятельства, что и гражданский проект его о подразделении территории Русского государства на наместничества, в связи и соответствии с которым стоял этот церковный план, ко времени собора 1682 года потерпел полное крушение. Вот что рассказывает «Икона» (или изображение дел патриаршего престола)<sup>111</sup> о судьбе этого замечательного проекта: «На сие дело» (т. е. на план разделения территорий Русского государства на наместничества) «он, Великий Государь, изволил и тому всему, где кому быти и творити что, написанная тетрадь за пометою думного диака к святейшему патриарху прислана, чтобы он на оное дело дал благословение и в состояние того помогал. И святейший Иоаким патриарх, аще и многую трудность име от хотящих тому быти палатских подустителей, но никакоже попусти и возбрани всеконечно сие творити для того, чтобы учиненные вечные наместники великородные люди, по неколицех летех обогатясь и возгордев, Московских царей самодержавством не отступили и единовластия, многими леты в Российском государстве содержанного, не разорили и себе во особность не разделили, ибо, по евангельскому словеси, разделшееся царство не станет, от чесого и в древняя лета, когда были в Российской земли разная княжения, несказанные беды, войны и нестроения и погубления людем бысть, яко о том во историях и летописных книгах обретається всюду»... Нет ничего невероятного, если предположить, что и по отношению к церковному проекту Феодора Алексеевича о ответственном разделении территории русской церкви на митрополичьи округа с соподчиненными каждому митрополиту епископами у

патриарха Иоакима зародилось такое же подозрительное отношение, как и к гражданскому плану; возможно и даже весьма вероятно, что он тоже опасался, как-бы и митрополиты с своими округами, вслед и совместно с наместниками, «по не многим времени обогатясь и разгордев, не отступили от единовластия патриарха Московского и всея Руси, «не разорили единства церкви и себе во особность не разделили». Это опасение тем более было уместно, что в то время носились уже слухи об учреждении на Руси нескольких патриархов: «царь Феодор, по представлению учителя его Симеона Полоцкого», пишет Татищев<sup>112</sup>, «умыслил учинить четырех патриархов, где прежде митрополиты, то архиепископов и епископов, в папы призвать сверженного Никона, Иоакима патриархом и Новгород». Возможно, что, именно, такое опасение патриарха Иоакима скрыто выражено и в словах архиерейской челобитной; «чтоб в архиерейском чине не было какого церковного разгласия и меж себя распри и высоты и в том несогласии и в нестроении святой церкви преобидения»...

Но если неудобно было умножить количество «подвластных» епископов на Руси, почему бы отцам собора не согласиться открыть вместо «подвластных» архиерейских кафедр 33 самостоятельные епархии, против каковых они, видимо, ничего не имели, между тем они нашли возможным открыть лишь 11? В соборной челобитной эти причины можно подметить в следующих ее выражениях: «Митрополиты и архиепископы бьют челом, чтобы Великий Государь милостивно ко архиерейскому чину рассмотрение положил и вновь архиереов (благоволил) устроить в пристойных местах и в дальних городех и многогородных»... «У Митрополитов из епархии Астраханского, Псковского, Смоленского, Нижегородского, у архиепископов: у Суздальского, у Тверского из их епархий – не из чего быть вновь архиереом: епархии малоградны и расстоянием не дальные»... «В Вятскую епископию прибавить архиерея не из чего, потому что во градех церквей и монастырей мало» <sup>113</sup>... «В дальные грады: на Лену, в Дауры из тех же епархий посылать от духовного чину архимандритов и игуменов, или священников добрых и учительных»... «а



епископом в тех градах ныне быть неудобно, малолюдства ради христианского народа»<sup>114</sup>.... Объяснение причин несогласия собора с царским проектом везде как будто однообразное, но всмотревшись внимательнее в эти слова челобитной легко подметить в них три совершенно отдельных причины, по которым собор не мог согласиться с проектом царя во всей его широте.

Во-первых, нельзя не видеть здесь указания собора на недостаток в средствах к содержанию архиерейских кафедр в случае открытия епархий более того, чем найдено возможным собором: «Не из чего прибавить архиерея, понеже во градах церквей и монастырей мало», говорит челобитная, указывая тем прямо на недостаток средств к содержанию новых епископов. Монастыри и церкви в то время, как известно, были одною из главнейших статей архиерейских доходов; новым архиереям, по проекту царя Феодора, на содержание преимущественно отчислялись монастыри; если же их, по словам челобитной, «мало», то значит, действительно, не на что было содержать новых архиереев. Затруднение отцов собора с этой стороны становится тем более понятным, что они имели в виду? учредить не викарные только кафедры, а самостоятельные епархии, а для самостоятельных архиереев расходов на содержание их кафедр, конечно, требовалось гораздо больше, чем для викарных. Высокопреосвященный архиепископ Филарет<sup>115</sup>, Щапов<sup>116</sup>, а за ними Воробьев<sup>117</sup> на основании этого находят, что ограничение собором царского проекта и неисполнение на деле из него даже и того, что предположено было исполнить на соборе, зависело не только главным образом, но исключительно «от затруднения в содержании новых кафедр». Однако такой взгляд нельзя не признать односторонним: – причина несогласия архиереев открыть вновь 33 епархии заключалась не в одном только этом обстоятельстве. Скудость средств к содержанию новых епископов признается в челобитной причиной сокращения числа новых кафедр только для некоторых епархий.

Совсем другая причина слышится в словах челобитной: «а в дальние города на Лену и Дауры посылать от духовного чина

архимандритов и игуменов или священников добрых и учительных для учения христианского закона и просвещения неверных, а епископом в тех дальних градах быть неудобно малолюдства ради христианского народа», или еще: «подобает вновь архиереев устроить в пристойных местах в городах многонародных»... «Неудобно», т. е. не совсем уместно, непристойно. Мысль, очевидно, выражена та, что по величию сана архиерею непристойно управлять ничтожным, захолустным, малонаселенным уездом. С саном архиерея на Руси так привыкли соединять мысль об управлении обширною епархией с многочисленными городами и монастырями, что видеть архиерея управляющим одним, двумя уездами и довольствующимся доходами с двух трех монастырей считалось «непристойным» для сана, «неудобным». И самые города малонаселенные считались «местами непристойными» для назначения на жительство в них архиерея. Причина уже особая и с тогдашней точки зрения на сан архиерея вполне понятная и уважительная.

Наконец, в словах челобитной, объясняющих невозможность выделить епархии для новых архиереев из епархиальных областей: Астраханской, Псковской, Смоленской, Нижегородской, Суздальской и Тверской: – «не из чего быть вновь архиереом: епархии малоградные и расстоянием недалёные» – нельзя не уловить и еще третью причину, едва ли даже не самую существенную в данном случае. Эта третья причина заключалась, видимо, в нежелании современных собору архиереев урезывать пределы своих епархий в пользу новых епископов. И без того «епархии малоградны и расстоянием не дальные», как бы так говорят отцы собора, где же из них еще выделять города и уезды для образования новых епархий. Что причину эту нельзя отрицать в деле крайнего ограничения проекта Феодора Алексеевича на соборе 1682 года, кроме приведенных слов челобитной, показывает весь ход дела открытия на Руси новых епархий. Еще в 1137 г. Смоленский князь Ростислав Мстиславич, открывший, чрез отделение Переяславской, Смоленскую епархию, в своей грамоте учрежденной епископии вынужден был написать: «аще

епископ», который начнет несытством, хотя ити в Переяславль, и сию епископию приложити к Переяславлю, да буди ему клятва»<sup>118</sup>. Были, значит, к тому причины, если князь решился на такую крайнюю угрозу. Патриарх Константинопольский Лука Хризверг уверял Андрея Боголюбского, будто «правила святых апостол и божественных отец кажда митрополия и епископия цело и непорушно своя держати оправдания повелели»<sup>119</sup>. Это мнимо апостольское и мнимо-отеческое указание горячо защищалось нашими архиереями. До конца 17-го века новые епархии открывались или во вновь присоединенных к России областях, или в таких местах на окраинах России, которые находились вне пределов патриаршей области и митрополичьих владений. Когда же издавались соборные определения об открытии новых епархий в пределах самой патриаршей области, или в пределах существовавших епархий, то эти определения обыкновенно не выполнялись на деле, как показывают не прошедшие в жизнь постановления соборов 1589, 1654, 1657 и 1667 гг., или же, если иногда и приводились в исполнение, то это делалось в период между-патриаршества и между архиерейства, когда еще не был избран новый патриарх или архиерей, которые бы могли помешать открытию новых епархий в их областях, или же, наконец, открывались новые епархии на особых, вносимых в соборные определения, условиях, – чтоб главные доходные статьи во вновь открываемой из патриаршей и митрополичьей области епархии по прежнему оставались в ведении патриарха и митрополита и шли в их пользу. Так, например, при открытии Белгородской епархии в 1667 г. окладные дани с церковей, отошедших от патриаршей области, соборною грамотою определено платить в казну не местного Белгородского архиерея, а патриарха<sup>120</sup>. В 1672 г. скончался патриарх Иоасаф, сряду после его смерти, пока еще не был избран ему преемник, царь Алексей Михайлович созвал архиереев на собор и заявил им, что в Нижнем Новгороде нужно быть особому архиерею. Члены собора 1672 года единодушно согласились с царским предложением, потому что новая епархия открывалась не в пределах их епархий, а из патриаршей области, но и в этой новой епархии два богатых

тогда монастыря, – Благовещенский в Нижнем Новгороде и Амвросиев Дудин в Горбатовском уезде, – оставлены по прежнему в ведении патриарха<sup>121</sup>. Так и в данном случае первоначальный проект царя Феодора об открытии новых кафедр первое противодействие встретил со стороны патриарха, по совету которого царь сократил своей проект еще до обсуждения его на освященном соборе более чем на половину – с 72 до 34 кафедр, а в феврале 1682 года «согласием святейшего патриарха преосвященные митрополиты и архиепископы приговорили быть вновь архиереям» всего в одиннадцати пунктах. И что при этом особенно придает сделанному предположению основательности так это-то обстоятельство, что открытие этих немногих епархий в свою очередь также обставлено было разного рода условиями, клонившимися к ограждению интересов тех архиереев, из епархий которых выделялись новые. Прежде всего, соборным постановлением было назначено на содержание новым архиереям гораздо меньше монастырей, чем предполагалось по царской росписи. Так Арзамасскому епископу предположено дать только половину вотчин из Спасского монастыря вместо всех, назначенных ноябрьскою царскою росписью, у Севского урезаны монастыри: Спасский, Рогодицкий и Столепский, у Холмогорского урезаны монастыри: Николаевский – Корельский и Архангельский, у Тамбовского – Троицкий и оставлен ему один только Мамонтов<sup>122</sup> и т. д. Затем, вновь архиереев собор назначил беспрекословно или туда, где по проекту царя содержание их предполагалось принять на счет государственной казны, как напр., в Енисейск, или же в такие, города, которые были на дальних окраинах тогдашних епархий, каковы Уфа из епархии митрополита Казанского, Устюг Великий из епархии митрополита Ростовского, или же, наконец, в такие пункты, которые, будучи под властью патриарха, находились в пределах чужих епархий, как напр. Арзамас и Севск из епархии патриарха, которые по географическому положению были в пределах епархий Нижегородской и Рязанской<sup>123</sup>.

Потому ли, что доводы архиерейской челобитной признаны были убедительными или потому, что царь Феодор чувствовал

себя не в силах преодолеть горячую защиту русскими архиереями их взглядов на дело, наконец, может быть, самое время было особенно располагавшее царя к уступкам<sup>124</sup>, но только челобитная собора была им уважена и вошла в деяние собора как окончательное постановление его по первому царскому предложению.

Пока был жив царь, официальный начинатель дела, соборное постановление, хоть и незначительное по результатам, не могло оставаться только на бумаге. Правительство царя Феодора при жизни его спешило воспользоваться хоть тем немногим, на что последовало согласие собора. Немедленно же, по окончании соборных заседаний и других государственных важнейших дел, было приступлено к избранию и посвящению во вновь открытые епархии епископов. В течение марта и по 27 апреля 1632 г., – день смерти Феодора Алексеевича, – успели поставить четырех новых архиереев. «1682 году марта в 12 день, по указу Великого Государя, поставили во власти первым архиепископом Велики Устюг и на Тотму архимандрита Таласия (Геласий) из Великого Новгорода Футина монастыря, а степень ему учинена. А ставил его Светейши Патриарх со властью.... Того ж году Марта в 19 день поставили во власти первым архиепископом на Колмогоры и на Вагу крестового священника Святейшего Патриарха Афонасия, а ставил его Светейши Иоаким, Патриарх Московский и всея Росии со властью... А учинен степень више архиепископа Устюжского и Тотемского. Того-ж году марта в 24 день, по указу Великого Государя, ставили во власти в Тамбов в епискупы игумна из Галича Леонтия Аврамия Городецкова монастыря ... Того-ж году Апреля в 2 день было поставление в соборной церкви в первыи епискупы в Воронеж, а ставили игумна Митрофана из Галича с Унжи Макарьевъского монастыря»<sup>125</sup>... Этими четырьмя новыми архиереями все дело об умножении числа архиереев на Руси и ограничилось<sup>126</sup>. Как только царя Феодора не стало и план его об увеличении количества архиерейских кафедр на Руси был забыт. Ближайшей причиной, способствовавшей этому, послужили, вероятно, последовавшие вскоре за смертью его

государственные тревожные события, во время которых не до того было гражданской и церковной власти, чтобы заботиться о благоуукрашении церкви, в пору было охранять и ограждать ее от грозившей ей со стороны «мятежников» серьезной опасности.

Само собою понятно, что так исполненное соборное постановление об умножении архиерейских кафедр на Руси не могло иметь большого значения в жизни русской церкви. Четыре новооткрытые епархии, в сравнении с потребностью Русской церкви в руководителях и добрых архипастырях, была каплей в море. Если бы и все одиннадцать, намеченных собором, епархий были тогда открыты и то сравнительно не много было бы сделано для поднятия на Руси уровня религиозно-нравственного состояния общества и подавления раскола. В то время требовалось ближайшее руководство архипастыря не только в епархиальном центре, но в каждом городе и селении, везде была нужда в его ближайшем наблюдении и учении. 72 проектированных Феодором Алексеевичем «подвластных епископа», вместе с 12 митрополитами и патриархом, и те не вполне были бы в состоянии удовлетворить насущным потребностям тогдашней Русской церкви.

### Глава III-я. Постановления собора о мерах борьбы с расколом (предлож. 2, 13–16)

*Постановления собора по (2, 13–16) предложениям царя Феодора Алексеевича о мерах борьбы с расколом.*

Содержание предложений царя Феодора о раскольниках. – Исторические условия, вызвавшие предложения. – Постановления собора. – Объяснение их происхождения. – Значение их в деле борьбы с расколом.

Распространение и усиление раскола, как злоба дня для 2-й половины 17 столетия, естественно, должно было обратить на себя особое внимание правительства Феодора Алексеевича. И, действительно, вопросу о мерах борьбы с расколом посвящена большая часть царских предложений. На умножение раскольников и необходимость борьбы с ними Феодор Алексеевич указывал еще в первом своем предложении<sup>127</sup>, где успех распространения раскола ставил главной причиной, вызывавшею увеличение количества епископов на Руси, в письме от 8 февраля с 6-ю статьями он обратил особенное внимание собора на этот вопрос тем, что поставил его на первом месте в ряду этих шести статей, наконец, этому же вопросу посвящены и предложения царя 13-е, 14, 15 и 16-е.

В предложениях собору о раскольниках заявлялось: «Вниде в его царская слуха от многих градов, что многие неразумные человецы, оставльше святую церковь, учинили в домех своих молбища и собрався чинят чуже христианству, а на святую церковь износят страшные хулы, чего потонку и исписати невозможно». (2-е предложение). «Многие монахи мужеска полу и женска, не хотя быть у наставников своих под послушанием, отходят из монастырей и начинают жити в лесах и помалу прибирают к себе таких же не послушников и устрояют часовни, и служат молебны, а потом бьют челом о грамотах святейшего патриарха и у архиереов о строении на тех местех церквей, и имянуют их пустынями, и в тех новопостроенных пустынях церковное пение отправляют не по исправным книгам, и для того приходят к ним многие люди и селятся близко их, и имеют

их за страдальцов, и от того уростает на святую церковь противление: и чтоб великий господин святейший Иоаким, Патриарх Московский и всеа Росии, со освященным собором впредь таковым быти не попускали» (13 предложение) «На Москве всяких чинов люди пишут в тетратех, и на листах, и в столпцах выписки, имянуя из книг Божественного Писания, и продают у Спаских врат и в иных местех, и в тех письмах на преданные святей церкви книги является многая ложь, а простолюдины, не ведая истинного писания, приемлют себе за истину и в том согрешают, паче же вырастает из того на святую церковь противление: и чтоб святейший Иоаким, Патриарх Московский и всеа Росии, изволил того приказать остерегать и свидетельствовать с Печатного Двора, (14 предложение). «Которые книги прежних печатей учнут всяких чинов люди продавать, и у тех бы людей те книги иметь на Печатной Двор, а вместо того давать исправленные книги, чтоб в том во святых церквах несогласия, а меж людьми сумнения, не было» (15 предложение). «На Москве во многих местех учинены полатки и деревянные амбарцы и в них поставлены из монастырей святые иконы, и называют часовнями, и держат в тех часовнях священников, и служат молебны: и во дни господских и богородичных праздников и в воскресные дни собирается у тех часовен многой народ и, оставя святую церковь и в ней совершаемую божественную тайну, слушают тех молебнов, и чтоб отныне в тех часовнях священником не быть, разве не во многих и определенных пристойных особых местех и то с повелением Великого Государя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержца, и за благословением великого господина святейшего Иоакима, Патриарха Московского и всеа Росии». (16 предложение)<sup>128</sup>.

Предложения эти были лишь слабым изображением всей успешности в деле распространения и усиления в то время раскола. Прошло со времени открытого признания церковью факта раскола 14–15 лет (со времени собора 1666–67 года) и около 30 лет со времени первых противлений нововведениям Никона (1653 года)<sup>129</sup>, а раскол разлился уже по пространству



почти всего тогдашнего русского государства. Успехи его к 1676 году попу Лазарю уже дали право утверждать, будто в «Великой России» насчитывалось до ста тысяч готовых умереть за раскол только скрытных «страха ради властелинска»<sup>130</sup>. Главным средоточием раскола была Москва, а оттуда он разнесен был представителями и проповедниками раскола во все концы России. Помимо успешной пропаганды раскола со стороны выходцев из Москвы, раскол обнаруживался повсеместно и как более или менее сильное сопротивление нововведениям п. Никона, в одних местах оно выразилось, как открытое противодействие мероприятиям гражданской и церковной власти по вопросам богослужебной обрядности, в других – как только робкое, молчаливое, скрывающееся вдали от власти, нежелание подчиниться нововведениям. Так, Соловецкий монастырь непосредственно за собором 1667 г проявил себя «мятежным непокорником», а вынужденный смириться разослал по обширному поморью учителей древнего благочестия, которые в качестве «отцов и страдальцев соловецких», привлекли к себе множество последователей и засеяли край раскольничьими монастырями и пустынями. Мятеж Стеньки Разина по Волге оказался в тесной связи с защитой древнего благочестия<sup>131</sup>. На западе в Новгородских и Псковских пределах «непокоряющиеся суетно-льстивые челоуецы, крамольники церкви святыя и раздорники» вынуждают Новгородского и Псковского архипастырей издавать строгие указы архимандритам и старостам попонским, чтобы те читали тетради в церквах против увлечения раскольническими учениями и отправляли богослужение по новоисправленным книгам<sup>132</sup>. Нижегородской епархии в Чернораменских лесах Юрьевского и Балахнинского округов к началу восемнадцатого столетия считалось одних записных раскольников до сорока тысяч<sup>133</sup>. К юго-востоку на речке Иргизе, а также по притоком Дона<sup>134</sup>, в пределах Астраханских, Саратовских, в Елизаветградском и Бахмутском уездах ими были заселены целые слободы. К 1682 году раскол появился в пределах нынешних губерний: Калужской, Орловской, Костромской и других<sup>135</sup>. Не удержал стремительного и быстрого разлива его и

Уральский хребет. Многие места западной и восточной Сибири: Екатеринбург, Тюмень, Тобольск. Томск, Енисейск и т. п. были местом деятельности расколоучителей и успешной их проповеди<sup>136</sup>. В народе повсюду обращались раскольнические сочинения. Ревность о «старой вере» простиралась до того, что в день крещения в 1681 году некто Герасим шапочник разбрасывал с Ивановской колокольни «прелестные листы» в народ<sup>137</sup>. «Не точию в селех и во градах», говорит патриарх Иоаким, «но и в самом царствующем граде чрез их (расколоучителей) ложная и прелестная словеса и писания простой и их прелести не могущий познать мног народ прельщали яко словесы, тако и злолукавными и лестными писании»<sup>138</sup>. Здесь же в Москве готовилось со стороны раскольников открытое требование правительству восстановить «древнюю веру». Одним словом, раскол к 1682 году так успешно распространялся и усиливался, что обратить на него надлежащее внимание для правительства было настоятельно необходимо. Так как раскол создавался на почве церковной, то вопрос о противодействии ему правительству вполне естественно было предложить на обсуждение церковного собора.

Отцы собора 1682 года не отвергли от себя долг участия в борьбе с этим церковно-общественным злом и предложили царю посильные для своего времени меры борьбы с расколом. В своих постановлениях они писали: на 2-е предложение: («Святейший Патриарх со архиереи»)<sup>139</sup> и прежний соборы святейших Патриархов со всеми архиереи блаженные памяти отцу его Государеву соборне доносили о тех развратниках и отступниках святые церкви и обругателях святых Христовых тайн, о самочинных их ересех, по наказанию церковному и по многому архиерейскому учению и прошению которые отступники и развратники упорно стояли во своем упрямстве, святой церкви не покорялись и во истинное покаяние не приходили: и блаженные памяти Великий Государь, Царь и Великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержец, ревнуя по Господе Боже и обороняючи мать свою святую церковь, указал тех врагов, святые церкви

противников, отсылать ко градскому суду и по своему Государеву рассмотрению, кто чево достоин, указ чинить. И ныне, потому же, просим и молим соборне Великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца: которые развратники и отступники, по многом церковном учении и наказании и по нашем архиерейском прошении к их обращению истинного покаяния, явятся противны, святой церкви непокорны, и таких противников указан бы Великий Государь, Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержец, отсылать ко градскому же суду и по своему Государеву рассмотрению, кто чево достоин, указ чинить. И о том воеводам и приказным людям, в города и в села, которые ныне есть на воеводствах, послать грамоты, а впредь всем воеводам и приказным писать в наказы, чтоб то дело было под ево Государевым страхом в твердости, а вотчинникам, и помещикам, и их прикащикам, у кого такие противники есть и будут, потому же объявлять в городех архиереом и воеводам, а которые раскольники где объявятся и по посылкам архиерейским учинятся силны, и им воеводам и приказным по тех раскольников посылать служилых людей, а во вся епархии ко всем архиереом послать о том грамоты».... (2-й ответ). На 13 предложение: – «О сем Великому Государю бьют челом митрополиты, чтоб Великий Государь милостивно ко архиерейскому чину рассмотрение положил и своих Государевых грамот о строении вновь пустынь отпускать не указал, а они те пустыни, при которых близко поселение мирских людей, переведут в монастыри, а в тех местах устроят приходские церкви. И сие предложение соборне утверждаем, да будет тако». (13-й ответ). На 14-е: – «Но сему предложению указал бы Великий Государь приставить особого человека, а он Святейший Патриарх особого человека из духовных изберет же, чтоб они вкупе того постерегали: и которые объявятся с такими лживыми писмами и тех имая приводить в его Патриарш Приказ и чинить смирение, смотря по вине и имати пени по рассмотрению, а для вспоможения тем выборным людям давать с караулов стрелцов, когда понадобится, на

непослушников». (14 ответ). На 15-е:– «Кто каких ни есть чинов учнет книги приносить прежних печатей, и тем людям новоисправленные книги даны будут без цены» (15 ответ). И, наконец, на 16-е предложение о часовнях постановили: «Чтоб в часовнях святым иконам быть, которые близко караулов, а старцом при тех часовнях не жить и поселения никакого не иметь». (Отв. 16)<sup>140</sup>. Таким образом, отцы собора одобрили и частью рекомендовали, с одной стороны, предупредительные меры против распространения раскола. – Постановив: а) уничтожить существовавшие и прекратить дальнейшее распространение раскольничьих скитов и монастырей, учреждаемых под видом православных, б) упразднить священников при часовнях, они тем самым уничтожали лучшие рассадники раскола. Пресекая распространение в народе раскольнической литературы и старопечатных книг и положив бесплатно выдавать, взамен старых, новой печати книги, они сокращали наиболее успешные способы распространения раскола. – Затем, с другой стороны, они приняли на себя обязанность заботиться об обращении на путь истинный и тех, которые уже совратились в раскол, указан в ряду мер борьбы с расколом на видном месте «многое церковное учение и наказание и архиерейское прошение к обращению истинного покаяния». Но не возлагая большой надежды на успех борьбы с расколом от одних этих мероприятий, отцы собора нашли необходимым прибегнуть к помощи мероприятий гражданской власти и просили содействия архиереям в борьбе с «мятежниками» со стороны воевод, приказных людей и вотчинников. Упорное же пребывание в расколе определили считать преступлением, подлежащим гражданскому суду, и рекомендовали употреблять при случае против непокорных раскольников даже военную силу.

На естественный вопрос, почему отцы собора 1682 г. не предложили других, более целесообразных мер борьбы с расколом, например, употребляемых теперь: – миссионерства, школьного обучения и т. п., и почему возлагали большую надежду на успех борьбы с расколом при употреблении внешних ограничительных мер и главным образом содействия

гражданской власти, должно ответить тем, что предложить меры, употребляемые в наше время, было для отцев собора, во 1-х. делом неосуществимым для того времени и превосходившим имевшиеся в их распоряжении средства и силы, а во 2-х, делом и не соответствовавшим тогдашним взглядам на раскольников. Ответ собора на царские предложения о расколе был естественным выражением взгляда того времени на раскол и его проповедников, а указанные им меры единственно возможными при умственном и религиозно-нравственном уровне тогдашних пастырей.

Теперь признано, что раскол есть явление исторически сложившееся и при известных, предшествовавших ему условиях, неизбежное. Не Аввакум, Лазарь, Федор, Никита и им подобные расколоучители создали раскол, а исторические обстоятельства, без которых никакие личности не могли бы создать раскола и наоборот, при содействии которых, простой мужик увлекал за собою тысячный ряд последователей. Принять исправленный при Никоне текст богослужебных книг и изменения в обрядах часть русского общества 17 века, как известно, не могла, прежде всего, по народно-психологическим причинам: – по преувеличенному значению для нее усвоенных уже ею текстов и обрядности, значению, которое обуславливалось тогдашним крайне низким уровнем религиозно-нравственного развития русского народа; принять же в частности за образец для себя современную им греческую обрядность и тексты богослужебных книг, которые п. Никон при исправлении взял коррективом, многие русские люди не могли еще по другого рода причинам, так сказать, по национально-политическим: по укоренившейся в них к тому времени религиозной самоуверенности и – недоверию к чистоте греческого православия, каковые воспитаны были в древне-русском обществе политическими успехами Московского государства с одной стороны и политическими несчастьями православного востока с другой<sup>141</sup>. Совсем иначе смотрели на раскол современники его первого обнаружения. Они видели в нем главным образом личный элемент, вовсе не допуская мысли, что эти личности– порождение почвы с исторически

привившимися к ней корнями, что сколько ни вырубай стволы и ветви, корни на той же благодатной почве дадут новые ростки, с которыми опять таки придется иметь дело. Современникам прежде всего бросались в глаза представители и проповедники раскола. Когда собор 1666–67 г. призвал выдающихся из этих личностей на суд и, после долгого увещания, нашел их упорно держащимися за свои верования, он не думал, что их упорство есть выражение искреннего убеждения в истинности «старой веры», а видел в них только закоренелых «мятежников непокорение»... <sup>142</sup>. За «упорство» он постановил предавать их гражданскому суду, например, диакона Феодора. При чем от лица собора писалось: «кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святей восточной церкви и всему освященному собору, или начнет прекословити и противлятися нам и мы такового противника данною нам властью от Всесвятого и Животворящего Духа, аще будет от священного чина, извергаем и обнажаем его всякого священнодействия и благодати и проклятию предаем, аще же от мирского чина, отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святого Духа и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника... аще-ли кто пребудет в упрямстве своем до скончания своего, да будет и по смерти отлучен и не прощен». Такой взгляд на раскольников у современных началу раскола поборников православия был укрепляем самими расколоучителями и их последователями; их противодействие церковным постановлениям и враждебные отношения к церкви и правительству были часто очень дерзки. Аввакум, например, «писа хулы на святого символа исправление..., оклевета священники московския, аки неверующия во Христа вочеловечшася... От священного собора стяжан бяше и не покорися клеветник и мятежник, паче же злобу злобе прилагая укори в лице весь освященный собор»<sup>143</sup>. Никита Суздальский в своей челобитной «отрыгает хулы и клеветания на Никона патриарха... От Никона обрати свою трость еже хулити и прочия святейших четыре патриарха гречестии и иные от них поставленные архиереи же и иереи.... Начата ему архиереи отверзати умная очеса и являти его невежества, ... он же окаянный уподобися аспиду, затыкающему

ушеса своя на глас обавающего, не хоте и слушати архиерейских увещаний, но, гордостию диавольскою напыщен быв, глагола единого себе искуснейша быти божественных писаний, неже вси архиереи»...<sup>144</sup>. Феодор, диакон Благовещенского собора, «диавольским навождением в толикое прииде безумие и неистовство,... изbleва яд змиин из уст своих и отрыгнул слово злословное и ложное на начальнейшия правители святыя восточныя церкви на святейшия патриархи греческия... Начата его архиереи увещати с любовию..... Он же от князя тмы помрачен сый во уме своем, ничесомуже внимаше, но в своем упорстве укрепляшеся» <sup>145</sup>. Точно также вел себя поп Лазарь и ему подобные. Для поборников православия видны были только эти дерзость и упрямство расколоучителей, историческая же и психологическая подкладка этого поведения была для них непонятна. А раскольники в обнаружении упорства и вражды пошли еще дальше. С 1666 года они подняли свой мятежный голос открыто даже против царя: «От лет по числу 1666-му», писали они, – «конец прияша пророчества: егда, по тысящи лет развязан бысть сатана от темницы своея, нападе на великую монархию Римскую, и поколеба и разруши оныя седмистолпныя утверждения, и паки на второй Рим прииде в 1600 году, а в 66 лето и Русия тому же падению поревновала и тако исполнися число зверя 1666 лет: царь Алексей Михайлович с Никоном отступили от св. православныя веры и всю церковь Божию от всего благолепия обнажи и бысть вместо владыки мучитель»<sup>146</sup>. Царь дважды увещевал соловецких иноков принять новоисправленные книги и покориться церкви<sup>147</sup> «и ему, Государю, они упорно отказали», заявив себя открытыми «мятежниками». Иногда приверженцы старообрядства даже разбойничали: нападали на храмы, прогоняли из них православных священников, вновь переосвящали захваченные храмы по своему обряду и отправляли в них по своим книгам службы<sup>148</sup>. В самой Москве они открыто распространяли тетради с хулами на церковь и правительство. Все это, естественно, заставляло архиереев 17-го века смотреть на раскольников не как на заблуждающихся чад церкви, которых нужно мирно обращать на правый путь, а

как на «мятежников и противников», которых нужно силою подавить. Отцы собора 1682 г., как видно из 2-го постановления его, не хотят дать им другого имени, кроме «развратников, отступников св. церкви, врагов, противников, упрямых непокорников». Такой взгляд и является главным обстоятельством, объясняющим внешний полицейский характер предложенных собором 1682 г. мер против раскола. Но если бы иерархи, бывшие на соборе, и признали, что наиболее целесообразными мерами против раскола могли служить миссионерство, просвещение народа посредством школ и другие употребляемые в наше время меры и способы борьбы с расколом, едва-ли было-бы уместно для того времени предлагать им эти способы и меры. Чтобы просветить русское общество посредством школ, нужно было завести их, а где было взять для них средств и учителей, когда по словам<sup>149</sup> митрополита Новгородского, даже в рассадниках просвещения на Руси – монастырях, «добрые старцы перевелись и грамоте не умеют». Чтобы переделать религиозные убеждения, нужно было устроить правильное миссионерство и проповедничество, но где взять было миссионеров когда «поп по псалтыри едва бредет»<sup>150</sup>, когда было большинство таких пресвитеров, что не то «чтобы кого от невежества привести, но и того не знают, что то есть речение вера»<sup>151</sup>, и по словам Димитрия Ростовского, «игумены спрашивали: когда жил Илия пророк: по рождестве ли Христовом или до Рождества». При том же воспитательные меры хотя и целесообразны, но, чтобы оказать свое действие, требуют продолжительного времени, а Феодору Алексеевичу желательно было тогда-же подавить тревожившее его усиление раскола. Отцам собора 1682 года нужно ставить в заслугу уже то, что они все-же отозвались на нужды времени и пытались изыскать меры, какие умели и можно было, приняв на себя обязанность даже непосредственного увещания «мятежников» и противодействия их проповеди по епархиям. Требовать больше того, что сделано, или, по крайней мере, предположено было сделать собором для ослабления раскола, значит отрешиться от исторической почвы и заключить прошлое в несоответствующие ему рамки настоящего.



Но что указанные собором меры для достижения преследуемой ими цели были все же не вполне достаточны, выясняется, кроме указанного несоответствия их с причинами происхождения раскола, главным образом дальнейшей историей его успехов вслед за собором. Всматриваясь в последующую за собором жизнь, когда проводились на деле указанные им, или подобные таковым, меры и способы борьбы с расколом, из самых фактов можно видеть, как мало были в состоянии помочь делу мероприятия в духе соборных определений. Правда, за время от собора 1682 года и до особых мероприятий, предпринятых после раскольнического бунта 1682 года, известна, как прямое проведение в жизнь его постановлений, только грамота Двинскому воеводе князю Никите Урусову об оказании архиепископу Афанасию в нужных случаях содействия против церковных ослушников<sup>152</sup>, а затем, становится уже затруднительным отделить меры, предпринятые против раскола во исполнение постановлений собора 1682 года от тех, которые вышли от гражданской и духовной власти по поводу позднейших волнений раскола, – но важно в этом случае то обстоятельство, что все мероприятия после 1682 года в 17 веке были в одинаковом духе с соборными, все они сводились к строгим внешним ограничением и к обращению духовенства в борьбе с расколом за содействием к гражданской власти. После стрелецкого бунта 1682 года последовали строжайшие из целого ряда<sup>153</sup> подобных мероприятий во главе со знаменитым указом 1685 года царевны Софьи<sup>154</sup>. И что же было вслед за проведением в жизнь этих и им подобных мероприятий? Раскольники, не желая жертвовать своими убеждениями, толпами устремляются в леса, на пустынные окраины России и за границу. Число их в то же время возрастает с замечательной быстротой. К началу 18-го века бежавшие из Москвы и других центров раскольники во многих пунктах, в глухих местах и на окраинах государства, – уже завели множество скитов и монастырей, окруженных многолюдными слободами осевших семейных раскольников и дали им соответствующее духу учения устройство. Наиболее замечательными общежитиями были: – 1) в Поморье –

Выговская пустынь с женским на реке Лексе монастырем, 2) в Черниговской губернии – Стародубье и Ветковские слободы, 3) в Нижегородской губернии Керженские скиты. К этим главным центрам раскола примкнули разбросанные по разным местам раскольники: Донские, Брынские, Сибирские и другие, число которых теперь можно было считать уже не тысячами человек, а десятками и сотнями тысяч. Очевидно, внешние стеснительные меры могли принести мало пользы в деле обращения раскольников на правый путь. Ничего не мог поделать с расколом подобными мерами даже и Великий, ни пред чем не останавливавшийся, Петр. Что же касается архиерейских увещаний, то они едва-ли могли в то время иметь особо благотворные результаты, во-первых, в силу уже того обстоятельства, что за малочисленностью на Руси в то время архиереев они по необходимости были крайне редки, во-вторых, оттого, что дело увещаний в этих случаях ставилось часто строго официально на формальную почву и потому стесняло искренность со стороны увещаемого, наконец, и не всегда увещания эти имели характер мирного убеждения, иногда они были только грозным требованием от раскольников отказаться от их заблуждений. Образчик не соответствовавшего своему назначению архиерейского увещания того времени описывает нам старец Авраамий, бывший на увещании у митрополита Крутицкого: «мое рассуждение Павлу митрополиту зело полюбилось: не усидел на месте своем, и восстав прииде ко мне, и любезно мя (ми) от своего смирения почал подавать благословение, взял мя левою своею рукою за бороду и нача браду мою крепко держати, паче же и терзати. И сие творя святитель болезнуя обо мне исповедал брады моея, крепка ли есть, чтобы было за что держати, егда станет десницею своею благословлять, ведая свое крепкое благословенье, сего ради держа мя, чтобы не пошатился от сего благословения и о помост полатный не ушибся. Егда исповедал браду мою, начал десницею своею по ланитам моим довольно мя благословляти да и по носу довольно мя благословил. А приговаривал, благословляя: за крещение свое я стану, я крестился крещением, что Никон патриарх на соборе со архиереи

исправил. И зело распалялся на меня яростию, и сбил со главы моя кlobук и камилавку на пол, простовласа вода по полате за бороду, говорил сице: скажи, что разньство в старом и новом крещении<sup>155</sup>». (Вопрос. и ответ. старц. Авраам. стр. 391–2. «Материалы для истории раскола», т. 7 изд. братства Св. Петра).

Но если мероприятиям в духе определений собора 1682 года нельзя приписать решительного значения и полной целесообразности в деле борьбы с пропагандой раскола, все же доля пользы их для тогдашней жизни была бесспорна. В общем они, несомненно, должны были достигнуть того, что в церкви и государстве значительно могли сократиться описанные в предложениях царя Федора Алексеевича неурядицы, производимые раскольниками на глазах у власти даже в Москве. В самом деле, архиереи и приходское духовенство в предложениях царя собору о мерах борьбы с расколом должны были видеть особую заботливость высшей гражданской власти о благе церкви. В утвержденных Государем постановлениях собора по этому предмету, естественно, почерпали для себя новую энергию и силу для борьбы с расколом, а в обязательном содействии духовенству в деле борьбы с расколом со стороны воевод<sup>156</sup> и прочих местных властей получали не только нравственное ободрение, но и действительную поддержку в своей деятельности в данном направлении, и потому в своих распоряжениях и действиях против раскольников должны были стать теперь гораздо увереннее. Раскольники же, видя поставленными себя вне защиты государственного закона, признанные даже преступниками его, естественно, должны были смириться и сократить размеры и смелость своей пропаганды, а менее закоренелые из них, лишь сбитые с правого пути расколоучителями, могли придти и в раздумье, действительно-ли правое-то дело, которое защищают их руководители, если не только духовенство, а и царь, «истинной веры хранитель», не одобряет их отпадения от господствующей церкви?! В этом-же смысле, т. е. как удерживающее средство от увлечения раскольническими лжеучениями, должны были воздействовать постановления собора 1682 года и на

православных, которые склонны были примкнуть к расколоучителям, или были уговариваемы последними оставить православную церковь.

## Глава IV-я. О поддержании православия в пограничных пунктах (предлож. 4)

*Постановление собора по 4-му предложению царя Феодора Алексеевича о поддержании православия в пограничных пунктах.*

Предложение царя Феодора собору 1682 г о поддержании православия в пограничных пунктах. – История православия в намеченных царем пограничных пунктах. – Выяснение происхождения царского собору предложения национально-политическими задачами царствования Феодора Алексеевича. – Постановление собора по предложению царя. – Его осторожность. – Значение его в истории пограничного православия.

Озабоченный поддержанием православия среди заграничных соплеменников в прежних русских владениях царь Феодор сделал такое предложение собору: «При отчинах его Великого Государя: при Великом Новеграде, при Пскове, при Смоленске имеются вблизи границы Короля Полского и Короля Свейского, а по давным свободам еще есть в тех местах благочестивые церкви и христианское жительство: и аще тому и гонения великого нет, однакож скудости ради иереов, не токмо приходят к расширению, но и достальные искореняются, а которые-б благочестивые и полетели имети при себе священников, и им того получить не возможно, для того что тех градов архиереи в те зарубежные места иереов не поставляют и от того и достальные христиане, будучие за рубежом, совершенно искореняются» (предложение 4-е, «Акты Исторические», 5 т. № 75).

При Феодоре Алексеевиче граница наша с Польшей по Андрусовскому договору 1667 года 30 января<sup>157</sup> у Смоленска и Пскова шла по черте от юго-востока к северо-западу около Андрусова, Красного, Велижа, Белой, Невли, Себежа, Лючицы и Режицы. Вблизи этого рубежа отошли от России и находились теперь под польским владычеством города с уездами: Могилев, Орша, Витебск, Полоцк, Лютцин, Режица, Моргенауз и другие, а

по договору 1678 года (в Июле) еще Невль, Себеж и Велиж<sup>158</sup>. Граница с Швецией по Кардисскому договору 1661 г. 21 июня, подтвердившему в главнейших статьях Столбовский договор 1617 года 27 февраля, у Пскова и Новгорода шла по черте с Юга от Кокенауза (Кокенгузен) на север к Пейпусу по северо-западному берегу последнего и от истока реки Наровы к Ладогe. Под Шведским владычеством теперь были пограничные города Вотской пятины: Ивангород, Ямбург, Копорье, Орешек, Кексгольм, Нарва, Юрьев-Ливонский, Мариенбург, Адзель, Новгородок, Серенск, Кокенауз – с их уездами и другие. В тех и других (т. е. польских и шведских) зарубежных городах и в их уездах жили христиане греко-восточного исповедания. В польских по третьей статье Андрусовского договора, «всякого чина русским людям, которые в сторону его Королевского Величества в местах чрез сии договоры уступлены оставают, вольное имеет быть употребление веры греческой без всякого в отправлении службы Божией затруднения». В Шведских по Столбовскому еще договору<sup>159</sup> – «все уездные попы, пашенные люди в уступленных Королю городах и уездах должны остаться и жить под Свейскою короной в своей вере, равно те дворяне, дети боярские и посадские люди, которые не выйдет в продолжение двух недель». Об этих то христианах греческой веры, прежде бывших под русской короной, а теперь отошедших в чужие руки, царь Феодор и предлагает собору приложить свое попечение.

Настоятельность возбуждения со стороны царя вопроса о поддержке пограничных единоверцев выясняется, во 1-х, из истории православия в перечисленных местностях, и во 2-х, из национально-политических задач русского государства,

I.

а) Названные Польские пограничные города с их округами находятся в области древних Кривичей, Новгородских славян и отчасти Северян, в древности составлявших одно целое Русское княжество Киевское. Жители этих местностей были, следовательно, крещены еще при св. Владимире и ближайших его преемниках в греко-восточную христианскую веру. Потом, когда усобицы князей, плохое экономическое положение южной

Руси и набеги кочевых народов заставили южную Русь отлить из населенных ею областей<sup>160</sup>, сюда прилила часть Киевской приднепровской Руси, также православной. – Известно, что одна струя из потока киевских переселенцев направила свое течение на северо-запад, именно в Польшу и Литву, в область верхнего Буга и Днепра. – Население «зарубежных» польских городов, таким образом, было искони чисто русское и православное. Прилившая сюда русская православная народность в слиянии с таковой же Литовской пользовались преобладающим влиянием и легко могла бы обрусить весь край, если бы в конце 14 века дело не изменилось случайно в худшую сторону. В 1386 году по политической сделке Литва и Польша объединились под одной короной. Тогда польские паны и духовенство, чтобы упрочить династические связи, предприняли среди православной литовской Руси усиленную пропаганду католицизма и начали стеснять православных подданных. Часть православных, увлекаемая привилегиями католиков во внутренней политической жизни, данными им на Городельском сейме 1413 года, почти невольно перешла в католичество; но в общем распространение католичества было пока еще довольно медленно: к концу 16 века в Литве и юго-западной Руси считалось всего шестьсот костелов на 11.000 православных церквей. Совсем иначе пошло дело с конца 16 столетия. В половине этого века в Польшу и Литву был занесен протестантизм. Он заметно ослабил пропаганду католицизма среди православия и даже явился победителем над ним, в 700 католических приходах в Литве уцелела едва тысячная часть католиков. Тогда на помощь католицизму из Польши были призваны в Вильну иезуиты, которые и повели дело католической пропаганды с особенным успехом. Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна Вазы, преемник Стефана Батория на польском престоле, как воспитанник иезуитов, принял орден поде свое непосредственное покровительство. Действуя со свойственным им умением и уверенностью, при поддержке правительства, иезуиты скоро успели внести расстройство в православную иерархию. На иерархические богатые должности православной церкви по их стараниям назначались дворяне,

совсем непригодные к церковному делу, которые соблазняли паству своим зазорным поведением и полным богословским невежеством. Унизив иерархию в глазах православной паствы, иезуиты вызвали устройство православных братств из мирян, которые полагали себе задачей исправлять недостатки в православной церкви и беспорядки в духовной иерархии и тем подбавили только раздору и неурядиц в жизнь православия. Православные не знали, что им делать для улучшения церковного порядка. Тогда иезуиты подсказали ревнителям православия старую, начавшую было забываться, мысль о церковной унии. Сочинение ректора Виленской иезуитской академии Петра Скарги «о единстве церкви Божией под единым пастырем и о греческом от одного единства, отступлении» – уяснило православным мысль об унии и благие плоды ее для православной церкви, так что в 1516 году в Бресте-Литовском состоялся униатский собор. Правда, собор тотчас же распался на два враждебных лагеря: – православный и униатский и оба лагеря взаимно проклинали друг друга, тем не менее раскол юго-западной православной церкви стал фактом. Униаты нашли себе поддержку в польском правительстве и иезуитах и чрез то скоро приобрели в государстве преимущественное положение. Благодаря, с одной стороны, преимуществам, даруемым униатам, – (а) уния давала доступ в превосходно устроенные школы иезуитов, б) польское правительство осыпало почестями литовских магнатов, переходивших в унию, – а с другой, – стеснениям православию, уния быстро разлилась по всей Юго-западной Руси до границ Московского государства, особенно среди дворянства. Вместо православных епископов и священников повсюду ставили униатов, эти разрушали или захватывали в свои руки православные храмы и изгоняли православное духовенство. Таким образом, в Юго-западной России и в частности, Белоруссии началась вековая неравная борьба бесправного православия с покровительствуемым униатством. После Брестского собора униаты удержали за собой епархию митрополичью (с кафедрой в Вильне) и пять епископских кафедр: – Полоцкую, Пинскую, Владимиро-Брестскую, Луцкую и Холмскую, по смерти епископа Михаила



они завладели и Перемышльской епархией, так что у православных оставался один только Львовский епископ. В то же время люди, твердо стоявшие за православие, подвергались всякого рода притеснениям. Сигизмунд и латинское духовенство, – фанатики папизма, магнаты, пьяные и жадные до корысти, – ввели все меры насилия в пользу унии. «Отягощения и насилия», писала литовская конфедерация 1599 года, «умножаются более и более, особенно со стороны духовенства и некоторых светских лиц римского исповедания. Часто бывает, что ни в одном углу целого государства ни один из нас, какого бы звания ни был, не бывает в безопасности. Наши церкви, монастыри, соборы большею частью уже захвачены, разорены и опустошены, притом с грабежом и мучительством, с ругательствами над живыми и мертвыми. Духовные лица наши за твердость в исповедании терпят разные преследования, на них нападают в собственных домах их, грабят, позорят, ссылают, лишают собственности»<sup>161</sup>. В 1620 году депутат Древинский на Варшавском сейме так рисует<sup>162</sup>, положение православия: «Двадцать лет как на каждом сейме и главном съезде горькими слезами вымаливаем мы и не можем выпросить, дабы оставили нас при наших правах и вольностях. Кто-ж, о Боже живой, ясно не видит того, какие притеснения, какие невыносимые скорби терпит древний русский народ за свое благочестие. Начну с Кракова... уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях, вместо людей, запирают скот, в Могилеве и Орше церкви запечатаны, священники разогнаны, в Пинске тоже самое... Дети умирают без крещения, возрастны и старцы без исповеди, народ живет без браков в нечистоте... Что делается во Львове? Кто не склоняется на унию, остается в греческом законе, тому нет места в городе, тот не имеет права ни на торговлю, ни на продажу вина, того не принимают ни в один цех. Умер он? Его нельзя открыто отпевать, точно так, как нельзя было к больному принести святых тайн. А в Вильне не вопиющее ли гонение?... Даже и воды брать не имеют свободы, монахов, непреклонных на унию, ловят и бьют, хватают на дорогах и бросают в темницы»... Точно тоже, только еще в

большем размере, было и до 1632 года. Об этом говорит просьба, поданная в 1632 году Владиславу. Печальные дополнения к прежнему можно найти здесь следующие: «в Луцке храмы Божии обращены в питейные дома... в Вильне церкви стали кабаками и гостиницами. Невинных людей выгоняли из магистратов и цехов и сажали в подземелья... В Минске церковную землю отдали на построение мечети. В Полоцке нудили к унии кандалами и несогласных принять унию выгоняли из города. В Турове насильем отобрали храмы с утварью и выгнали православного епископа. В Орше, Могилеве, Мстиславле даже в шалашах запрещено было молиться. В Бельске составлено было определение: «если кто из мещан не пойдет за крестным ходом в костел, казнить смертью»<sup>163</sup>. Правда, в 1620 году патриархом Феофаном были посвящены для православных митрополит и 9-ть епископов, но, кроме митрополита и Львовского епископа, никто из них не мог водвориться в своей епархии. При Владиславе 4-м (1632–1648) высшая православная иерархия получила законное право на существование. По примирительным статьям ноябрьского сейма 1632 г. положено: 1) быть православному митрополиту, 2) православному епископу в Могилеве для Полоцкой епархии, 3) православным епископам в епархиях Перемышльской и Львовской, 4) Луцкую епископию уступить православным, 5) «благочестивым» (православным) свободно относиться по нуждам религии к священникам и епископам, хотя бы и другой епархии, возратить им несколько монастырей и храмов, отнятых униатами<sup>164</sup>. Но магнаты, мало помышлявшие о воле короля и в других случаях, по наставлению латинского и униатского духовенства, употребляли всякие насилия и происки, чтобы остановить исполнение определений короля и сеймов. Благодаря этим проискам к 1640 году уния опять приобретает силу и уже в 1635 году тот же Владислав пожаловал грамоту униатам, в которой удостоверял, что в Полоцке и Витебске не «униты» никогда не будут иметь ни одной церкви. А в 1636 году запретил ездить в эти города Могилевскому епископу. По Зборовскому трактату 1649 г., достигнутому успехами Хмельницкого, восставшего, «за благочестивые догматы» опять

было восстановились вольности православия и даже передана была православным (1650 г.) Холмская епархия, но все это не на долго. Польские паны так мало желали сохранить трактат, что осыпали за него короля пасквилями, не стали соблюдать статей договора и скоро снова начали кровожадные жестокости.

Но и при всей забитости православия под польскою короною оно все-таки жило там и имело множество последователей, даже принимавшие унию в сущности тяготели в большинстве к православию. Это доказали события 1654–1667 годов. Когда царь Алексей Михайлович в 1654 году выступил в поход против Польни и пред этим разослал воззвание к сынам восточной церкви, жившим в Польше, отделиться от Поляков и добровольно предаться ему, города: Дорогобуж, Невель, Белая, Полоцк, Велиж, Гомель, Могилев, Усвят, Шклов, Дубровка сдались ему добровольно, а некоторые: – Рославль, Мстиславль, Дисна, Друя, Орша, Чегеренск, Новый Быхов, Пропойск, Витебск – только после слабого сопротивления. Во все это время, пока русское оружие имело перевес над польским, православие там отдыхало. Восстановлены были православные епископии: Могилевская, Смоленская и Полоцкая, православным жителям и поставленным епископам велено было по всем важным делам обращаться в Москву. Униаты отовсюду изгонялись или обращались в православие<sup>165</sup> и «хлопская вера» так за это время преуспела, что сама Вильна объявила, что она готова разорвать связь с Римом, – лишь бы Русский царь защитил ее от гонений<sup>166</sup>. К сожалению, Андрусовский договор прекратил такое влияние Москвы на польское православие и там снова начались гонения. Полоцкий архиепископ униат Киприан Жоховский поднес королю на сейме книгу о мерах истребить православие в Литве и Польше. Напрасно царь Алексей не раз требовал прекратить гонения, – оскорблявшие и веру и человечность<sup>167</sup>, в Польше не обращали на это внимания. От православных снова отошли образованные было три епархии, так как их владыки (Львовский – Иосиф Шумлянский, Перемышльский – Иннокентий Виницкий, Луцкий – Афанасий Шумлянский) приняли унию, и в руках православных осталась

только одна Могилевская епархия, но с 1678 года и эта епархия теряет епископа: в 1680 году православные было избрали на нее кандидата, но король не утвердил его.... К тому же перемирие, заключенное в Москве в 1678 г., передавало полякам еще города: Невель, Себеж и Велиж<sup>168</sup> и показывало бессилие Руси более настойчиво поддержать права православия. Так что ко времени 1682 года положение православия за польской границей было особенно плачевно, и Феодор Алексеевич верно заметил, что и «достальные» (православные) «искореняются», только он прибавил: «аще и гонения великого нет», но гонения были великие, ему же иначе казалось только потому, что по условиям договоров с Польшей их не должно было быть; но поляки, как мы видели, мало обращали внимания на договоры своих королей с соседями. Тяпкин, наш «резидент» (посланник) при царе Феодоре в Польше, писал оттуда: «Поляки приснобытные ненавистники церкви Божией, больницы жидовские они почитают, жидов братьями они считают и обходятся с ними *в сотеро лучше*, чем с православным Русином, духовные их сильно гонят и ненавидят церковь Божию. Лютеранских и Кальвинских костелов не смеют так разорять, как разоряют и пустошат восточные церкви»<sup>169</sup>... После всего изложенного вполне было естественно, что православные ближайших к нашей границе мест обращались с просьбами к Смоленскому и Новгородскому архиереям о даровании им антиминсов в их храмы – «шалаша», мира и о посылке к ним священников для отправления треб. Так известно<sup>170</sup>, что к Корнилию, митрополиту Новгородскому, обращались с просьбой о поставлении священника к храму Живоначальные Троицы воеводы города Невля и старец Благовещенского монастыря Макарий. А из того, что сам царь Феодор Алексеевич обратил на эти просьбы внимание, видно, что они были довольно часты.

б) В порубежных, уступленных Швеции, городах и уездах христианство было распространено также очень рано и также греко-восточного исповедания, потому что этот край, под именем Водьской пятины и Ижорской земли, еще со времени основания Русского государства входил в состав Новгородской

области и потому почти во всем разделял ее историческую судьбу. Когда крещена была Новгородская область, христианство было занесено и сюда, как в край, лежавший на пути торговых сношений Новгорода с западной Европой. Христианство проникло даже в Финскую Корелию, лежавшую на правом берегу Невы, до нынешнего Кексгольма (Корелы). Победами Александра Невского над Шведами при устье Ижоры и над Немецким орденом при Копорьи и основанием крепости Орешка (нынешнего Шлиссельбурга) при истоке Невы из Ладожского озера власть Новгорода над этим краем была упрочена и в 1323 году признана самой Швецией до Корелы. Со времени покорения Новгорода в 1478 году Иоанном III-м вся Водьская пятина, вместе с Новгородскою областью, перешла под власть Московских государей, которые раздачей земель дворянам, переселявшимся туда из внутренней России, и другими мерами не мало содействовали тому, что исстари-финские страны Води, Ижоры и восточной Корелии более и более русели. Новгородские архиепископы со своей стороны старались возможными для них мерами распространять и поддерживать православие среди населения этого края. Так в 1534 г. от 25-го Марта была послана в Водьскую пятину грамота архиепископа Макария с священником Илиею и двумя боярскими детьми Васюком Палицыным и Ивашкой Отманаевым, в которой жители ее увещевались хранить чистоту христианской жизни, – бросить «арбуев» и идолопоклонство, крестить детей у православных священников, ходить в церковь исповедываться, жить не блудно, соблюдать посты (Петровский, среду и пятницу) и проч. Почти дословно с такою же грамотою и такими же целями истребления языческих мольбищ и других предметов суеверия был посылаем в Водьскую пятину Софийского собора священник Никифор с двумя детьми боярскими – Федчей Прокофьевым и Сенкой Мартьяновым – архиепископом Новгородским Феодосием в 1548 году 8 июня. Тот же Феодосий в 1543 г. 15 Января посылал к тамошним игуменам и попам грамоту об отправлении в установленное время молебнов и крестных ходов<sup>171</sup>. Царь Иван 4-й потерял было Балтийское побережье, но в 1591 году часть Корелии

отнята у Шведов и восстановлено православие: города Ямь, Копорье и Иван-город «очищались от еллинских богомерских гнусов». Через четыре года, когда была отнята остальная часть Корелии, сюда были посланы из Москвы бояре, которые по повелению царя «разоряли языческие капища, сокрушали идолы, воздвигали святые церкви и пречистые великия обители устроили». Для больших успехов православия в 1598 г. при Борисе Годунове была учреждена даже особая Корельская архиерейская кафедра<sup>172</sup>. Но при появлении самозванцев этому краю пришлось не только потерпеть сильный ущерб благосостоянию, но и на долго быть отторгнутым от России (Корельская кафедра закрылась 1611). Царь Михаил Феодорович по Столбовскому договору 1617 года был вынужден уступить Швеции большую часть Водьской пятины с крепостями: Ивангородом, Ямбургом, Копорьем, Орешком и Кексгольмом. Относительно туземных христиан тогда было постановлено, как уже упомянуто выше, чтобы священники и пашенные люди остались на своих местах; а в дальнейших переговорах Шведское правительство соглашалось чрез посольство (Густава Стенбука с товарищами), «чтобы Михаил Феодорович, всея Руси Самодержец, велел поволити из городов, которые преж того были Российского царствия, а ныне для христианского покою поступлены в вельможного государя Свейского сторону из Иван-города, и из Корелы, и из Орешка, и из Копорья, и из Ямы-города, и тех городов из уездов православные веры греческого закона игуменом, и попом, и дьяконом для поставленья и благословенья приезжати к Новгородскому митрополиту, а митрополиту их приимати и благословляти и разрешати в духовных делах по прежнему»...<sup>173</sup>. Эта просьба, по вступлении на патриарший престол Филарета, была разрешена положительно, когда о нужде зарубежных христиан в покровительстве Русской церкви напомнил патриарху Новгородский митрополит Макарий. При своем назначении, проездом чрез Москву 1619 г. в Июле, Макарий сначала словесно спрашивал чрез патриарха, как ему относиться к зарубежным шведским христианам. На это была ему послана с Ильей Наумовым от царя грамота, которую Макарий должен

был списав разослать за своей печатью «попом, игуменом и дьяконом» в «посту пленные» города для вручения им «явно», а полученный от них ответ прислать патриарху<sup>174</sup>. В «образцовой грамоте», посланной Макарием в Корелу и, конечно, в другие города, тамошние христиане увещевались хранить у себя православную веру и призывались с церковными нуждами приходить к нему, Макарию, в Новгород: «поставления и освящения игуменского, и священнического, и диаконского и прочих церковных преданий, яже церкви Божия прият, не отречаю вас приходить ко мне и по превосходящему нашему чину благословение и прошение во всяких духовных делах от нас приимати, и антимины и вся, яже церквам Божиим в лепоту, подавать вам хотим, а с повеления великого государя... в Великий Новгород приезд и отъезд ваш в духовных делах будет волной, и обид, и задержания, и укоризненных слов ни от кого ни в чем вам не будет и сумнения о сем никому имети не достоин... А против бы естесея наша грамоты ведомо нам учинили вскоре, в какове мере лам вас впредь имети»...<sup>175</sup>. Потом, когда на эту грамоту зарубежные христиане скоро откликнулись, Макарий письменно заявлял правительству, что «приходят же в Великий Новгород из городов, которые отошли в Свейскую сторону из Иваня-города, и из Копорья, и из Ямы, и из Орешка, и из Корелы и тех городов из уездов многие люди и бьют челом о церковных делах, – которые храмы сожжены и разорены от немецких людей, и ему бы благословляти им те ветхие храмы постраивать, а которые сожжены, и им благословляти на тех местах ставити новые церкви и освящати и для освящения б давати антимины»<sup>176</sup> и просил от патриарха повеления и благословения по этому делу. Патриарх вскоре прислал свое благословение, а царь писал воеводе Новгородскому князю Мезецкому, чтобы он немедленно заявил правителям Шведским поименованных городов о согласии русского правительства на сношения христиан поступленных городов с Новгородским митрополитом, что отъезд и приезд им по церковным делам стеснен не будет, и просил бы «маршалков» тем Христианом приезжать в Новгород «поволити»<sup>177</sup>. Такое свободное положение зарубежных

христиан было подтверждено и Кардисским договором, утвердившим Столбовский и прочие договоры.

На деле же положение их было несколько иное. Вместо выселившихся по некоторым статьям договоров в Россию дворян и вольных людей Шведское правительство призвало для заселения пустующих завоеванных у русских земель немецких колонистов, которых впрочем прибыло немного, но зато из Финляндии был большой прилив крестьян, особенно после Кардисского мира 1661 года. В этих колонистах, также в шведских помещиках и чиновниках, в немецких и шведских мещанах, переселявшихся в эти города, (особенно в основанный на Охте Ниэн), Водьская пятина получила значительное количество протестантов, которых прежде здесь совсем почти не было. Одинаковых прав для всех исповеданий, конечно, не могло быть тогда по духу времени, и естественно со стороны господствовавшего в государстве исповедания начались для православных стеснения. Уже в 1624 году царь Михаил заявил чрез воеводу, чтобы шведы, «нашим людям в вере тесноты не чинили и не гонили, а учнут в вере теснить и гонение чинить, поневоле будет им бегать<sup>178</sup> (т. е. из Швеции в Россию). Вследствие стеснений оставшиеся там русские дворяне мало по малу переходили в лютеранство и в шведскую службу, так что в 1684 году из русского дворянства лишь несколько старух оказались православными. Некоторый успех протестантизма был, кажется, и в других сословиях, потому что русское правительство считало не совсем чистыми зарубежных христиан, позволяя их впускать в новгородские церкви на случай, если они приедут в Новгородскую землю, только после предварительного «горазного разведывания: не пошатнулись ли которые в вере и не пристали-ль к люторской вере», а в «соборную церковь Софеи Премудрости Божии» пускать их совсем не велено<sup>179</sup>. Тем не менее в православном духовенстве и в его прихожанах, – пашенных людях, протестантизм находил себе мало прозелитов. Адам Олеарий пишет, что «в Нарве, Генрих Стааль, супер-интендант Ижории и Аллентикена, несколько лет ревностно трудился обучать живущих там русских с целью обратить их в протестантскую



веру, но дело это доставляет ему более тяжелого труда, чем счастливого успеха»<sup>180</sup>.

От православных шведских зарубежников часто поступали к Московским царям и патриархам жалобы на притеснения и «слезные» просьбы о церковных нуждах. Русскому правительству как единоверному естественно было вслушиваться в такие жалобы и стараться оказывать посильную поддержку тамошнему православию. При Феодоре Алексеевиче это внимание к шведским пограничным братьям было тем более уместно, что отношения наши к Швеции были тогда мирные и старые договоры – «давние свободы» – считались пока ненарушенными.

## II.

То обстоятельство, что на нужды зарубежных христиан, – частный по-видимому вопрос церковной власти, – обращает внимание сам царь и предлагает его на соборное решение, как замечено выше, объясняется национально-политическими задачами Русского государства, разрешать которые ходом исторических судеб выпало в ряде других царей и на долю Феодора Алексеевича. Еще династия Рюриковичей в лице Московских государей, – «хозяев русской земли», старалась собрать во едино рассыпанные части Руси и с этой целью вела целый ряд наступательных войн. Великий князь Иван Васильевич III-й, подчинивший Москве в 1478 г. самостоятельный доселе Новгород, и окончательно княжества: Тверское, Ярославское, Ростовское и часть Рязанского, в борьбе с польским королем Александром заявил, что объединенная Великороссия до тех пор не положит оружия, пока не воротит всех остальных частей Русской земли, оторванных соседями, пока не соберет всей народности. Он сам и его сын Василий возвратили землю Северскую (при Иоанне передались княжества: Белевское, Одоевское, Воротынское и др.) и Смоленскую (1514 г.), добившись, таким образом, до Днепра. Иван Васильевич 4-й задумал распространить территорию Русского государства до естественных географических границ русской равнины, завладел средним и нижним течением Волги, расширил восточные границы государства до Каспийского моря

и Уральского хребта и хотел отодвинуть их на запад до Балтийского моря, но в последнем предприятии потерпел неудачу, потеряв даже и то, что раньше принадлежало Москве, – финское и невское побережья. Феодор Иванович, после новой войны со Шведами в 1590–95 годах, возвратил потерю отца. Смутное время снова отбросило Московское государство с западных позиций, занятых им в 16-м веке. Поляки по Деулинскому договору 1618 г. отрезали Москву от Днепра, получив в свое владение земли Северскую и Смоленскую. Шведы по Столбовскому договору 1617 г. вновь отняли Водьскую пятину.

Династия Романовых, по вступлении своем на престол, должна была возратить недавние потери и вести с этой целью целый ряд внешних войн. Сначала войны носили характер только оборонительный, но потом незаметно превратились в наступательные. Наступательную войну с Польшей Россия при Романовых начала главным образом из-за Малороссии, когда Малороссийское казачество в 1653 году чрез Богдана Хмельницкого обратилось за помощью против поляков. Казачество воевало за свою независимость от Польши, за православие, угнетаемое униатами и за «посполство» (т. е. православное крестьянство), угнетаемое панам Речи посполитой (*Res-publica*). Московское государство, конечно, не могло оставаться безучастным зрителем национально-религиозной борьбы своих единоплеменников и единоверцев и начались наступательные войны на Польшу: сначала счастливая (1654–56 гг.). – Московское государство отвоевало было Малороссию с Киевом и Белоруссию и, таким образом, присоединило к себе большую часть единоплеменной юго-западной Руси), – а потом неудачная (1658–67 г.), когда большая часть завоеваний предыдущей войны по Андрусовскому договору была потеряна. Этим решение национально-политической задачи, конечно, не могло завершиться и царь Феодор Алексеевич, при котором дела с Польшей были в таком неопределенном положении, менее всего мог считать вопрос о присоединении юго-западной Руси законченным. Он вступил с Польшей в переговоры, целью

которых, как видно из хода их, было между прочим то, чтобы сохранить приобретенные при отце юго-западные пограничные окраины и всю Малороссию. Воевать с Польшей тогда опасались, так как она имела готового союзника в Турции, а Россия была истощена предыдущими войнами. Но факт переговоров только о временном перемирии показывает, что вопрос с Польшей не считали поконченным. Необходимость уступить Польше для достижения перемирия православные пограничные города Невель, Себеж и Велиж (за Киев) еще менее, позволяли русскому правительству считать свои границы на юго-западе округленными. Поддержку православия в Польше Федор Алексеевич должен был считать при этом делом непосредственно связанным и обуславливавшим решение унаследованной задачи, так как присоединение и полное слияние Юго-западной Руси с Московской облегчалось и возможно было только при сохранении среди жителей первой православия и тяготения к Москве. Ясно понимая это, наш дипломат в Польше Тяпкин писал:<sup>181</sup> «Здесь православные христиане просят великого государя внести в договоры с Польским государством, чтоб не было гонения им от католиков», указывая этим на необходимость поддержки заграничному православию. И во всех договорах России с Польшей (смотри Андрусовский трактат 1667 г., Московский 1673 г. и Вечный 1686 г.) в одной из статей всегда выговариваемо было право на свободу вероисповедания православных подданных Польши.

Подобною же задача русского государства была и по отношению к финскому побережью, бывшему при Федоре Алексеевиче в руках Швеции. Со Швецией династия Романовых встретилась вновь после Столбовского мира при завоевании 1654–56 гг. Польши: Швеция одновременно нападала на Польшу с севера, завоеватели не поделили добычи и в 1657 г. объявили друг другу войну. Московское государство думало этой войной разрешить свою давнюю задачу о расширении своей территории до Балтийского моря, а также возвратить свои прежние владения по Неве и Финскому заливу. Из Кардисского договора известно, что эта попытка была неудачна. Швеция

удержала за собою все ею ранее завоеванное, но Московское государство при царе Феодоре Алексеевиче, при котором дело находилось в таком положении, конечно, не могло на этом остановиться, у него было сильное желание возвратить потерянное и в особенности достигнуть моря, нужда в котором особенно чувствовалась в конце 17-го столетия, когда в России не только обнаружилось, но и начало усиливаться иноземное влияние и сильно почувствовалась необходимость обратиться к чужим людям за уроками и наставлениями, – а море облегчило бы сношение с западной Европой. Тот же посланник наш в Польше Тяпкин сильно настаивал объявить войну Швеции, пока шведские войска заняты неудачною для них войною с курфюрстом Брандебургским: – «не трудно Господь Бог может первым счастьем помазанника своего благословить и не только Лифлянтами или Ригию, но и самым Варяжским морем обдарить»...<sup>182</sup>. Варяжское море сделалось мечтой Русского правительства особенно с легкой руки западника Ордина Нащокина, который усиленно настаивал на необходимости для Руси живого сношения с западом. Феодор Алексеевич, из-за войн с Турцией за интересы того же, принятого под русское подданство, Малороссийского казачества, не успел продолжить решение задачи, начатой предшественниками, о Балтийском море, но и не мог примириться с мыслью, что отвоеванные Швецией Русские владения и побережье Балтийского моря должны остаться в чужой власти. Он смотрел на них как на свои и потому забота о православии там была для него делом первой важности, – как средство поддержать тяготение издревле русских владений к Москве и тем облегчить имеющее быть объединение этих владений под русской короной в будущем. Вот почему ему не хотелось допустить, «чтобы достальные христиане в зарубежных городах Швеции искоренялись, скудости ради иереев»... и он просит собор, чтобы вменено было архиереям порубежных епархий в обязанность заботиться о поддержании среди заграничных собратий православия. В то же время ведутся переговоры с правительством Швеции, в которых настаивается на «свободах»

православному населению и на расширении русских границ. (С. М. Соловьев. «История России», XIII т. 297 стр.).

Собор 1682 года на предложение царя отвечал:<sup>183</sup> «Иереов в зарубежные города державы королей Польского и Свейского посвящати, и дати о том его Великого Государя грамоты ко архиереом, такожде и святейшего Патриарха грамоты послать, с таковым остерегательством: буде которые благочестивые учнуть того желать, и скажут, что церковь благочестивая стоит пуста, и священника нет, и положат о том свидетельство, или прежние грамоты, или о строении церквей вновь грамоты тех государей, или сенаторские, и таковых посвящати, а кроме церкви никому за рубежом во священство не благословити»<sup>184</sup>. Своим согласием и готовностью на предложение царя русские архиереи показали, что им не чужды интересы заграничных единоверцев и понятны политические задачи государства, которые положены в основу царского предложения. Они и сами по себе давно с участием следили за состоянием православия за границей. Так в 1613 году ими издано было воззвание к жителям Литвы, отступившим от православия, в котором от лица русских митрополитов, архиепископов и епископов, архимандритов и игуменов и всего священного собора взывалось: «О мудрии о себе, воззрите на прежние роды, где ваши родители и где вы ее родили и в которой ее вере крестили и выросли и чья память остася, благочестивых или нечестивых... обратитесь к истинной христианской вере, данной вам от Бога, и к Государю, Царю и Великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Руси, и прочее поживете в чисте исповедании»<sup>185</sup>. От того же года сохранилось и другое воззвание российского духовенства к литовским отступникам<sup>186</sup>. Как заботился о Шведских зарубежных православных в 20-х годах 17 столетия митрополит Новгородский Макарий и патр. Филарет сказано сейчас ранее.

Если же теперь, по словам царя Феодора Алексеевича, архиереи Новгорода, Пскова и Смоленска забыли о зарубежных христианах, то это объясняется только тем, что они, видимо, не имели официальных разъяснений от правительства, как относиться к заграничным единоверцам по окончании последних войн с их владыками, не знали: имеют ли они право поставлять

священников за границу и выдавать антиминсы и прочие предметы церковных нужд. По крайней мере, так нужно думать на основании выражений грамоты патр. Иоакима к Новгородскому митрополиту, Корнилию. Эту грамоту Иоаким послал Корнилию на письменное заявление последнего о слезных просьбах, обращенных к нему со стороны зарубежных православных о церковных нуждах. В своей грамоте патриарх писал: «а ты, сыну, пишешь, что без нашего святейшего патриарха указу в тех, (т. е. зарубежных) градах церкви повелеть строить и во диаконы и пресвитеров поставлять не смеешь»<sup>187</sup>. Затем, – на основании самого соборного ответа, в котором положено: «дать его Великого Государя грамоты к архиереям, такожде и его святейшего Патриарха грамоты послать». Без таковых грамот порубежные архиереи, очевидно, не считали себя в праве простираť свое влияние на зарубежных единовѣрцев и удовлетворять их просьбы о церковных нуждах. Это особенно видно из того, что на соборе лично присутствовали Корнилий, Митрополит Новгородский и Семеон Смоленский и однако они не довольствуются простым решением собора по этому предмету, но требуют от царя и патриарха письменных полномочий. На соборе положено «дать грамоты», но в них велено сделать «остерегательство», что только тогда архиереи пограничных епархий могут удовлетворять просьбы своих заграничных единовѣрцев по церковным нуждам и, особенно, поставлять священников, когда те представят архиерею грамоты от заграничных государей или «сенаторов» на право законного существования православной церкви, которой касаются просьбы. Собор, очевидно, хотел устранить поводы к обострению международных отношений России с Польшей и Швецией. Произвольные поддержки и усиление со стороны Русской церкви православия в чужих пределах, – умножение там церквей и духовенства, – конечно, не могло понравиться иностранным правительствам по духу того времени, могла возникнуть война, а она была не совсем тогда желательна, так как Россия и без того сильно была истощена: в 1681 году она только что окончила Бахчисарайским миром тяжелую войну с Турцией. Отвѣчая непосредственно

царю на его шесть статей, присланных 8 февраля в Крестовую на заседания, собор на вопрос о заграничных священниках в первоначальной редакции своего ответа прямо высказал основание, по которому архиереи, так осторожно относились к делу поставления в порубежные пункты священников: «о посвящении попов в зарубежные города державы королей Польского и Свейского, о том Великий Государь повелит общий совет положить с бояры и с палатными людьми, по его Государеву указу посылаютца посол и посланники о таких делах. Как положено в договоре, про то нам неведомо, чтобы в там деле каким образом не причинить ссоры»<sup>188</sup>.

Следующие за 1682 годом внутренние события в Русском государстве; смерть царя Феодора, бунт раскольников, и стрельцов на Москве заставили забыть на время вопросы внешней политики, а вместе и зарубежных единоверцев, архиереям и правительству было теперь не до них, а потому до 1686 г. соборное постановление о заграничных священниках, кажется, совсем не приводилось в исполнение. Но в этом году митрополит Новгородский Корнилий снова обратился к патриарху Иоакиму за разрешением, как ему поступить с воеводами польского города Невля и старцем Благовещенского монастыря Макарием, которые просят поставить «во презвитера к Церкви Живоначальные Троицы Григория Фролова», и как с жителями «Свейского государства градов христианские веры греческого закона», которые «многожды слезно просят, чтобы в тех их местех повелеть им на прежних церковных местех церкви построить и пресвитеров поставлять, и на освящение антиминсы давать и святого мира»... Патриарх только теперь послал ему грамоту от 21 июня, разрешавшую<sup>189</sup> исполнять подобного рода просьбы. Другие архиереи Псковский и Смоленский, вероятно, также не раньше этого года получили, если только получили, подобные же грамоты от патриарха. Потому что только в это время (1686 г.) был заключен «вечный мир» с Польшей, в статьях которого снова была выговорена полная свобода в пределах Польши православному вероисповеданию.

Что касается исторического значения соборного решения о заграничном православии, то а) в отношении польского православия вопрос о зарубежных священниках на соборе 1682 года можно рассматривать как один из немаловажных моментов в истории воссоединения Униатов и обрусения Юго-западной России. По справедливому замечанию Кояловича «история воссоединения западнорусских униатов с православною церковью начинается с того самого времени, как введена в польском государстве уния»<sup>190</sup>. В обращении зарубежных православных к русским архиереям за удовлетворением религиозных потребностей должно видеть национальное и религиозное тяготение их к Руси. В готовности русских архиереев помочь заграничному православию, выразившейся в приведенном соборном постановлении, и в заботах правительства о поддержании там православия должно видеть уверенность русской церкви и православного правительства того времени в том, что дело унии не прочно, что в душе большинство униатов сочувствует православию и стремится к нему, и что рано или поздно там должно восторжествовать греко-восточное исповедание. Разрешая вопрос о поддержании православных не только путем дипломатического покровительства и заступничества, но участием и голосом Русской церкви в лице ее представителей, правительство действовало верным путем. Заграничные соплеменники, по естественному чувству благодарности за участие к их подневольному положению, должны были с упованием смотреть на Москву. Правда, воссоединению униат суждено было завершиться слишком долго спустя после 1682 года, но не будь ранее таких отношений Русской церкви к юго-западным соплеменникам не могло бы так легко без насилий совершиться то, что завершено было мирным путем в 1839 г. и что известно под именем окончательного воссоединения униатов. Постановление собора 1682 года о пограничных православных жителях Польши должно, следовательно, считать одним из узлов, которыми оторванная юго-западная Русь постепенно закреплялась во едино со своею единоверною северо-восточной половиной.



в) Что касается православия за шведской границей, то постановление по отношению к нему изучаемого собора является ближайшим звеном связи, имевшей уже во дни Петра I-го соединить прибалтийское побережье во едино целое с православной Россией, поддержка там православия была непосредственно подготовкой учреждения православной С.-Петербургской епархии, сначала составлявшей часть Новгородской, а потом в наши дни получившей и самостоятельное бытие.

## **Б. Соборные постановления, направленные к поддержанию церковной дисциплины**

## Глава V-я. О мерах к поддержанию благочиния в среде монашества (предлож. 3, 8)

*Постановления собора по предложениям царя Феодора (3-му и 8-му) о мерах к поддержанию благочиния в среде монашества.*

Предложения царя Феодора Алексеевича и постановления собора по данному предмету. – Причины нестроения в жизни русского монашества. – Практическое значение соборных постановлений. – Предложение царя и суждение собора о царской руге монастырям.

Третье и восьмое предложения от имени царя церковному собору 1682 года и соборные по ним постановления, подробно и откровенно рисуя многие нестроения и нарушения благочиния в современной им монастырской жизни, сами по себе объясняют всю настоятельность серьезного внимания гражданской и церковной власти к данному предмету. От имени Царя заявлялось собору: «В царствующем его Великого Государя граде Москве и во всех градах от предков его Государских Великих Государей, Царей и Великих князей Российских, состроены монастыри на прибежище желающим восприяти чин монашеский, на тихое и безмолвное пристанище, дабы весьма чужду быть мирских пристрастий, а на пропитание тех благоизволяющих, приходящих в те состроенные монастыри, даны многие села и деревни и всякое довольство, чтоб все, имели пищу и одежду готовую и не помышляли бы ни о чем, кроме душевного спасения, а для престарелых и в болезнях сущих монахов устроены больницы. И в тех монастырях ныне общего пребывания и больничного строения нет, а где и учинили-б то Богу угодное дело, и тех монастырей монахи, не хотя быть в послушании, отходят в иные монастыри, и тем монашеское крепкое житие упразднилось, (также бы и хмельного пития в монастырях отнюдь не держать)»<sup>191</sup>. (3-е предложение). «В царствующем его Великого Государя велицем граде Москве некоторые мужеские и девические монастыри состроены междо дворов мирских людей пребывания, и от

всякого дому в те монастыри устроены входы в день и в ночь входят в монастыри, и то чинится противно общему пребыванию, такожде многие вкладчики построили в тех монастырех особые церкви и приделы, будто в вечное поминовение родителей своих, и к тем церквам для службы нанимают белых священников, и подаяние, которое было довелось дать в общину братии, то дают тем священником, и от того те монастыри стали в расстройении и братия, не имея чем питаться, разошлись и скитаются в мире и по мирским домом ходят и просят себе пищи и то стало бесчинно и отеческому преданию противно, по тому, монахом достоит весьма отлучатися от мирских пристрастий и быти в монастыре яко в тихом пристанище. И сего ради он Великий Государь изволяет, чтоб монахи не имели общего пребывания с мирскими и чтоб все входы в монастыри от мирских домов затвердить, а буде где невозможно, и те б монастыри с вотчины, для благочиния перевести в иные места, где пристойно, чтоб монашеское пребывание было свободно от мирских». (Предложение 8-е) В 13-м предложении о раскольниках царь между прочим упоминал еще, что «многие монахи мужеска пола и женска, не хотя быть у наставников своих под послушанием, отходят из монастырей и начинают жити в лесах, и помалу прибирают к себе таких же непослушников, и устрояют часовни, и служат молебны, а потом бьют челом о грамотах святейшего Патриарха, и у архиереев, о строении на тех местех церквей, и имянуют их пустынями»....

Архипастыри собора в своих постановлениях на царские предложения отвечают целым рядом запрещений и рекомендуют много полезных мероприятий против монастырских нестроений, при этом они мимоходом рисуют нам еще подробнее картину уклонившейся с истинного пути тогдашней монастырской жизни: «О монастырском строении и общем жительстве, о пище и одежде, и о прехождении монахов из монастырей и о всяком, монастырском благочинии соборне утверждаем: во всех монастырех повелеваем пианственного пития не держати, архимандритам, и игуменам, и строителем жити благочинно и братию ко благочинию наставляти, во всем собою образ являти, особые пищи и пития не держати, и в

келиях своих с гостями особых трапез не поставляти, ходити во вся дни в трапезу с братиею ясти и пити обще, а из трапезы хлеба и всякие пищи и пития не износить и в келиях не держати, а пищу и питье в трапезе по уставу. А будет кому прилучится от мирских людей приехать по обещанию помолитися, и ему дати упокоение по монастырскому чину, пищу и питье, чем братия питаются в гостинной келье, и приставить искусного старца, кому о том смотреть, а особого пития про гостей отнюдь не держати, такожде и от гостей, что привезут вина и всякого хмельного пития, в монастырь отнюдь не принимати и перед него в монастыре не поставляти.... А желающих спасения, приходящих от мирских людей скудных и не имеющих у себя имения, и их принимать безвкладно в монастырь, с рассмотрением, и постригать правильно, по монастырскому чину, свободных и не беглых от законных своих жен и от господей своих. А одежду имети всякую настоятелем и братии обще давати из монастырской казны, а деньгами настоятелем из казны отнюдь не имать и братии не давати. А о престарелых труждающихся братиях, немощных, попечение о них имети и в больнице всякое строение надзирати, чтоб пред прочиею братиею какого оскудения в пищи и питии не было. И из монастырей в монастыри монахом без повеления коеяждо епархии архиереов не приходити, и архимандритом, и игуменом, и строителем не отпускати, а непокоривых и строптивых ослушников смирать по монастырскому чину, також и приходящих монахов, без повеления архиереов и без отпусковых, не принимати. И архимандритом и игуменом смотреть накрепко, чтоб священники из монастырей в домах мирских людей мужеска и женска полу не постригали и при смерти, а будет кто бесстрашник не послушает нашего повеления, станет и в домах постригать, и архимандритом, и игуменом, и строителем таких бесчинников отсылати ко архиереом коеяждо епархии, а архиереи по святым правилом станут о том указ чинить. А которые чернцы в монастырех живут в послушании и бесчинно живут на Москве и в городах, ходят по кабакам и по корчмам и по мирским домом, упиваются до пьяна, и валяются по улицам, и на таких бесчинников, Великого Государя повелением и святейшего

Патриарха благословением, Живоначальные Троицы Сергиева монастыря властям построить преждебывший Пятницкой монастырь, огородить стоячим высоким тыном и построить четыре кельи с сенми по монастырскому чину, и таких бесчинников в тот монастырь с Москвы ссылать, а влаstem им пищу и одежду давать по монастырскому чину, а за монастырь их отнюдь не спускать, а архиереом такожде во своих епархиях учинить по рассмотрению о бродящих чернцах. А женска полу которые бесчинно постригались вне монастыря, в домех своих, и ныне ходят по мирским домом и садятся по улицам и по переулкам просят милостыни и на таких стариц, бесчинно постриженных, коемуждо архиерею во своей епархии приискать мужеские монастыри с вотчинами, по своему рассмотрению, (потому что девических монастырей мало с вотчинами и прокормиться без вотчин в монастырех нечем), и устроить монастыри старицам, которые бы монастыри были не в далном расстоянии от того архиерея, в котором граде архиерей живет, для того, чтобы всякое устроение самому смотреть и выбрать к ним из женских монастырей стариц добрых, кому над ними начальствовать. А по мужеским монастырем для всякого монастырского строения и для вотчинного управления от мирских людей никого не посылать, а посылать архиереом от духовного чина добрых и искусных, по своему рассмотрению. А которые девические монастыри многовотчинные и в те б монастыри указал Великий Государь выбрать и послать дворян старых добрых для управления вотчин тех монастырей, чтоб старицам из монастырей по деревням не ездить и меж мирских домов не жить, а быть тем дворяном в послушании у архиереев и всякое монастырское внешнее устроение строить по благословению сущего тамо архиереа, а в духовное управление между стариц и церковных причетников дворянину не вступаться и ни в чем не ведать»... (Ответ 3). На 8-е предложение отцы собора отвечали: «Сие дело богоугодное и монашескому жительству ко спасению, и которые монастыри во утеснении от мирских домов, те-б пренести на иное угодное и пристойное место, где Великий Государь укажет, а которые монастыри мочно определить от мирских домов, и тем бы быть

по прежнему, а входы прежние, которые учинены были из домов в монастыри, те-б затвердить и никому теми пути в монастырь не входить, и общему житию препоны не чинить: то утверждаем соборне». (Ответ 8). На 13-е предложение, как мы видели в главе о раскольниках, собор отвечал просьбой к Государю не отпускать вновь своих государевых грамот на право строить вновь пустыни, а с своей стороны отцы собора изъявили готовность «те пустыни, при которых близко поселение мирских людей, перевести в монастыри, а в тех местах устроить приходские церкви» (Ответ 13).

Выбирая из длинного ряда мер, перечисленных в приведенных постановлениях собора, те, которые направлены против монастырских нестроений, указанных в предложениях царя Феодора Алексеевича, легко заметить, что в большинстве случаев собором рекомендованы средства борьбы с монастырскими неурядицами вполне по тогдашнему времени соответствовавшие своему назначению и единственно возможные: Для устройства «общего пребывания» (т. е. для поддержания общежитного иноческого устава) собор предписывал прежде всего самим настоятелям монастырей во всем собою служить примером: не держать у себя в кельях особой пищи и питья, а ходить всегда за общую братскую трапезу, даже и для гостей в своих кельях «не поставлять особых трапез», а также и монахам из трапезы по кельям хлеба и всякой пищи и питья не носить и не держать, одежду настоятелям и братии иметь одинаковую и получать готовую из монастырской казны, а деньгами ни братии, ни настоятелям не брать. Для всей братии также должны быть общие больницы, где бы больные и престарелые из них во всем получали удовлетворение наравне с прочиею братиею и сверх всего должный уход. Против монахов, нарушивших обет послушания и самовольно переменивших монастыри, указано сдерживающее средство в том, что впредь не разрешалось таким переходить из монастыря в монастырь без письменного архиерейского разрешения, причем настоятелям монастырей вменялось в обязанность отпускать из монастырей в другие и принимать к себе в монастыри только тех иноков, которые

предъявляют отпускные архиерейские грамоты на право перехода их из монастыря в монастырь, а ослушников смирать по монастырскому чину. В предупреждение слабости монахов к «пианственному питию» собор предписывал совсем не держать хмельных напитков по монастырям даже и про гостей, а если гости (богомольцы) привезут в жертву монастырю «вина и всякого хмельного пития», в монастырь от них этого дара отнюдь не принимать. А которые «чернцы» ходят по кабакам и по корчмам, упиваются до пьяна и валяются по улицам, тех держать в особо устроенных для них монастырях под строгим началом не выпуская за стены. Во избежание несвоевременного посещения мирянами монастырей и обратно монахами мирских домов, в тех городских монастырях, которые находились между разных построек и имели много выходов, собором указано лишние двери в монастырских стенах заделать, а где это мало помогало делу, те монастыри перенести в другие, более удобные для их назначения, места. Бродяжничество лиц иноческого чина по городам и мирским домам собор, видимо, ставил в связь не столько с бедностью монастырей, заставлявшею монахов скитаться и попрошайничать, как то предполагалось 8-м предложением царя, сколько с другими причинами, а именно, с тем, что многие постригались в монашество из мирян не вступая в определенный монастырь, а оставаясь в мире, а потому для прекращения бродяжничества собор строго запрещал священникам из монастырей постригать «в домех мирских людей мужеска и женска полу даже при смерти», а в случае ослушания предписывал настоятелям таких священников производящих пострижение отсылать к архиереям для должного наказания. Бродящих по городам монахов предполагал забрать и разместить по монастырям под строгий контроль, а для черничек, которые «бесчинно постригались вне монастыря» – в своих домах и бродили выпрашивая милостыни, приискать (за недостатком женских) в каждой епархии мужские монастыри с вотчинами и устроить их в этих монастырях под строгим надзором добрых стариц и личным контролем самих архиереев. А чтобы инокини не имели повода проживать в мире даже по делам монастырских вотчин, собор



рекомендовал назначить для управления их вотчинами надежных лиц из бояр, которые бы, не вмешиваясь во внутренний строй монастырской жизни, ведали бы только вотчины девичьих монастырей и доходы с них. – Большинство этих мер, если бы они были проведены в жизнь с должной строгостью и неуклонною настойчивостью, несомненно, достигли бы весьма серьезных результатов в деле восстановления монастырского благочиния. Но одно дело выработать строгое предписание, другое дело всегда неуклонно его исполнять. Для этого последнего требуется не только неусыпная и неуклонная контролирующая деятельность над иноками их настоятелей и архиереев, – весьма для последних затруднительная и потому – часто ослабляемая, – но, что самое главное, требуется высокий уровень развития нравственного чувства у самих подначальных иноков, их сознательное повиновение предписаниям иноческого устава и соборным постановлениям «не за страх, а за совесть». Без этого последнего никакие строгости не могли их удержать от нарушения данных обетов.

Что никакие напоминания и никакие строгие предписания одни сами по себе не могли и не могут иметь действительного значения в этом деле, наглядно показывает, прежде всего, многократное безуспешное повторение таковых предписаний и мероприятий в нашей истории. С большей или меньшей строгостью подобные мероприятия издавна еще и вплоть до изучаемого собора предпринимались церковною властью против почти всегда одних и тех же недостатков монашеской жизни, но последние, не смотря на авторитеты архиереев, митрополитов и целых соборов, от лица которых время от времени издавались подобные предписания, оставались во всей своей силе. Чтобы не быть голословным, достаточно указать в 14 и 15 веке на ряд митрополичьих грамот<sup>192</sup>, которые заботятся об ограничении среди монашествующих нетрезвости, разврата, праздношатайства, купножития и т. п., в следующее за тем время – на постановления соборов 1503 года, Стоглавого 1551 года и собора 1666–7 года<sup>193</sup>, а также на свидетельства о бесчиниях в современной им иноческой жизни

инока Вассиана<sup>194</sup>, Максима Грека<sup>195</sup>, Иоанна Грозного<sup>196</sup>, и т. д. Постановления собора 1682 года являются не более как новою попыткой Русской церкви побороть теми же недействительными средствами старые нравственные болезни русского монашества. Что и эта попытка, как и все предыдущие, не увенчалась желанным успехом, показывает последующее за собором 1682 года время. После собора 1682 г. издан был целый ряд<sup>197</sup> грамот к игуменам и архимандритам о монастырском благоустройении с запрещением упомянутых на соборе и других злоупотреблений и увещанием жить по правилам св. отец и по преданию св. строителей монастырей, а между тем из узаконений, изданных при Петре I-м, видно, что все главнейшие нестроения и отклонения от благочиния в монастырской жизни 17 в. остались и в 18 столетии<sup>198</sup>.

Чтобы уяснить себе причины недостаточности мероприятий, к каким безуспешно обратился изучаемый собор в данном деле и какие также безуспешно употреблялись для этого и ранее, нужно принять во внимание, во-первых, условия быта монастырской жизни упомянутых веков, которые не только способствовали и питали испорченность монахов, но и создавали ее. Эти условия выясняет история образования северо-восточных русских монастырей. В Московской Руси монастыри обыкновенно возникали в вид колоний. Искавший уединения с целью подвигов, а иногда ради независимости от монастырского начальства, инок удалялся в незанятые еще местности, строил себе хижину или копал пещеру и начинал там уединенную жизнь, «яко вран на нырищи, или птица особающаяся на zde», питался рыбою, плодами деревьев, кореньями и травами, а чаще копал, засеивал семенами и овощами землю и этим поддерживал свое бытие. К такому колонисту-отшельнику приходили подобные ему искатели уединения, присоединяла к его трудам свои, расширяли, сообразно с потребностями, земельные владенья, для молитвы строили часовню или церковь, просили у соседнего архиерея для одного из братьев священства; от зверей и от инородцев хижину огораживали тыном и получался монастырь. На таковое происхождение монастырей указывает Грозный в 20-м вопросе Стоглавому

собору и Феодор Алексеевич в 13 вопросе собору 1682 года. Слух о новом монастыре и его подвижниках быстро разносился по окрестностям и скоро увеличивался наплыв братии, бежавшей частью от соблазнов, а в большинстве от трудностей и тягостей мирской жизни. С увеличением братии требовалась правильная организация колонии и хозяйства. Появляется игуменство, казначейство, келарство и рабочее братство, для поддержания жизни заводится правильное сельское хозяйство с большими пашнями, лугами, лесом, бортничеством, скотоводством и проч. С увеличением хозяйства в качестве рабочей силы принимались и перезывались на занятые монастырем земли имевшие тогда право перехода крестьяне<sup>199</sup>. Они селились у монастыря, снабжались от него земледельческими орудиями, скотом и всем необходимым и работали на него, как на помещика. Монастырь, таким образом, вместо уединенного пункта отшельничества, превращался в полную забот хозяйственную усадьбу. Вместо хижин возникали в каменных стенах его дома, вместо часовен – соборы, а кругом повсюду были разбросаны: конные и скотные дворы, рыбные ловли, мельницы, пасеки с пчелами, солеварницы, пашни, луга и прочие показатели благоустроенного хозяйства. Так как в Русском государстве все земли считались великокняжескими, а потом царскими, то монастырская братия, прочно осевши на известном месте, посылала от себя представителей к князю с челобитной о пожаловании монастырю занятых этим последним владений. Заботясь о заселении пустошей в государстве, а главным образом о спасении своей души, русские удельные князья, а потом великие князья и благочестивые московские цари щедро раздавали монастырям жалованные грамоты<sup>200</sup> на вечное владение занятыми ими землями. Вот образчик одной из таких грамот, данной Толгскому монастырю: «Пречистые ради Богоматери, се яз, князь Феодор Феодорович, пожаловал есми игумена с братиею Толгсково деревню Куколциным и с лесом и с пожнями, куды топор ходил, куды коса ходила, с пошлою землею, что к ней из старины тянуло и кто в ней имеет жити крестьян, и тем крестьяном не надобе им моя дань, ни тамга, ни новоженная куница, ни корм данной, ни таможенной корм, ни

волостелин корм, ни доводщик корм, ни иные мои некоторые пошлины, ни волость моя, ни доводчик к ним не въезжает, ни приставов своих к ним не всылает ни в чем, а что купят или что продадут, и не тамошником моим не являют»<sup>201</sup>.

Таким образом, часто только основатели монастыря и то не всегда были движимы идеей подвижничества, а последующее население монастыря в большинстве случаев увлекалось вторичными задачами своих предшественников: – прокормлением себя и созданием жизненных удобств, главную же задачу, – аскетизм во спасение, – часто отодвигало на второй план. Монастыри не довольствовались тем, что необходимо было для жизни, чтобы подвизаясь не погибнуть от голода и холода, но «припрашивали» себе к имевшимся уже средствам (монастыря) все более и более земель, угодий и вольностей у государя. Государь охотно уважали и эти их просьбы. Жаловали им вотчины, права на беспошлинную торговлю, рыбные ловли, солеварницы, разные угодия и бесчисленные льготы<sup>202</sup>. А у которых монастырей мало было угодий, жаловалась от царя руга<sup>203</sup>. У монастырей, таким образом, доходы росли часто до огромных размеров и обеспечивали отрেকшихся от благ мира обитателей их с излишком. «Боголюбцы» со своей стороны увеличивали эти богатства: «со всем усердием», – принося в казну монастырей, «душам своим во спасение», деньги, руги и даже недвижимые имущества<sup>204</sup>. Шли в монастырь богатые постриженники-бояре и князья и несли сюда все или часть своего богатства, которое по их смерти опять оставалось в пользу монастыря<sup>205</sup>. Братии теперь не нужно было пропитывать себя трудами рук своих, – все было готово. По экономическому закону черновая работа по хозяйству монастыря перешла на бедняков-крестьян и наемников. А братии только оставалось поддерживать хозяйство посредством наблюдения и распорядительности. Выбранные на это дело иноки естественно погрузились в хозяйственные хлопоты. Большею же части братии сытой, обогретой и успокоенной, за неимением обязанностей по хозяйству, оставалось только молиться и умерщвлять свою плоть со страстями и похотями и этим наполнить весь свой

досуг: других задач, кроме молитвы и поста, наше монашество себе никогда не полагало. Но нельзя же вечно молиться, – свободного времени от молитвы оставалось много, куда употребить его? Человек сыт и обогрет а занятий нет, плоды праздности в сытом и здоровом теле всем известны. Отсюда вполне естественны были в монашествующих стремления за стены монастыря, пристрастие к спиртным напиткам, а вместе и другие бесчиния, пороки и недостатки монашеской жизни, указанные собором и неуказанные. Так незаметное извращение первичной задачи монастыря, – обеспечить существование подвижнической жизни, – было одним из главнейших условий отступления монастырской жизни от строгости иноческого устава.

Другим не менее важным условиям, усиливавшим удобосклонность монахов к нарушению иноческого устава, был их низкий уровень умственного и религиозного развития. Монашествующие 17 века в этом отношении почти не превосходили общей среды, из которой они выходили. Митрополит Новгородский Афанасий, жаловался, что в его время во всех монастырях добрые старцы перевелись, а которые и есть и те бражничают а грамоте не умеют»<sup>206</sup>. Мало удивительного после этого в том рассказе, что монахи, очевидно высшие, так как удостоились быть за одним столом с царем Иваном IV-м у Датского герцога Мангуса на свадьбе, не могли читать по книге так быстро символ веры, как пел его наизусть вместо брачной песни сам Грозный<sup>207</sup>, и что в служебнике того времени советуется архимандриту заранее, во время апостола, прочитывать евангелие, чтобы не сбиться при чтении его вслух<sup>208</sup>. Даже иностранцам бросалось в глаза невежество наших монахов. Адам Олеарий говорит: «большинство русских монахов совершенно простые и неразвитые люди, десятый разве из них едва знает молитву Отче наш, только немногие знают 10 заповедей Господних, полагая, что знание подобных вещей свойственно только знатым господам и высшим духовным лицам»<sup>209</sup>. Юрий Крижанич пишет: «некоего монастыря иноки имаху в своем ряду мужа книжного, кий бяше готов учить млажих братьев языка

греческого книжного: да беху были могли разуметь учение святых отец и учить самих себе и людство. Алити (но) оны законники отвергоша от себе наук, мовять: не науки, но хлеба нам есть треба,... На Руси не вем кто первый есть рассеял сицево облудно превение (предрассудок), или то мудроборскую ересь, коею мовять: богословие, философия и языков учение, несть ино, неже ересь»<sup>210</sup>. Если даже в наше время совсем не диво встретить в захолустных обителях иеромонаха или иеродиакона, который бойко отправляет богослужение только до тех пор, пока слова богослужения ему известны на память, а при чтении незнакомого евангелия или апостола едва бредет в точнейшем смысле слова, то что-же удивительного представляет безграмотность монашествующих в то время, когда грамотность была высшею наукою. Поднять уровень умственного и религиозного развития монашествующих было некому: игумены и архимандриты были не выше братии: – будучи сами из той же среды, они добивались высокого положения не по достоинству, а подкупами<sup>211</sup>. Поучать братию в монастырях было некому да и не принято, и братия, за некоторыми, конечно, исключениями, была теми же простыми поселянами, что их рабочие крестьяне, с пострижением она только видоизменяла покррой одежды. Следствия невежества понятны: чем ниже умственный уровень, тем пороки грубей и скорее бросаются в глаза. С другой стороны, низкий уровень религиозного развития все дело иночества сводил для монахов ко внешности и обрядности, в которой едва ли душа может быть постоянной искренней спутницей совершаемых религиозных движений и молитвословий, а отсюда лицемерие, ханжество, небрежность в исполнении даже и того долга, который монашествующие считали единственной своей задачей. Даже и теперь наблюдателя неприятно поражает в некоторых богатых монастырях та небрежность и развязность, с какой монашествующие нередко ведут себя в церкви даже вблизи таких святынь, как нетленные мощи чудотворцев.

При объяснении нравственных недостатков монашеской жизни 17 века нужно иметь в виду также намерения и цели многих из тех, кто поступал в число монастырской братии.

Кроме людей «ищущих покоя телесного» и удовлетворения своему честолюбию, чтоб из «смердов» превратиться в «отцы», значительную часть монашествующих составляли невольные постриженники. На Руси давно повелось, что с целью политической гонимых постригали в монахи являвшихся им соперников и вообще людей, казавшихся им политически опасными, с целью гражданской мужья постригали в монахи своих жен, чтобы жениться на других. Примерами первого рода постриженников полна история<sup>212</sup>, о последнего рода постриженниках, кроме ряда церковных запрещений против подобного рода пострижений, упоминают, например, Котошихин<sup>213</sup> и даже иностранцы<sup>214</sup>. Само собой понятно, насколько неблагонадежные подвижники получались монастырями в лице этих невольных постриженников. Еще менее истинными иноками могли быть добровольные постриженники из бояр и князей, привыкшие в мире к барственной жизни, которые и самый монастырь, по выражению Грозного, хотели обратить в «княжеский» или «боярский двор». В те времена был в силе обычай под старость уходить из мира на покой за монастырские стены. Таким подстриженникам тем легче было уклонение от уставов иноческой жизни, что сами цари и архиереи не велели властям монастырским стеснять их строгими монастырскими ограничениями: «законов таковым не полагати, покоити их по рассуждению ествою и питием, про таких держати квасы сладкие и черствые и выкислые, кто какого требует и ества такоже, или у них случится свой покой, или от родителей присылка и о том их не истязати-же»<sup>215</sup>. С другой стороны, в монахи постригалось много беглых боярских слуг и рабов не для иноческого собственно жития, а чтобы избавиться от гнета господского произвола. Конечно, все такие постриженники только увеличивали состав неблагонадежного элемента в среде русского монашества.

Понятно, как бессильны должны быть против недостатков такого порождения вышеприведенные и им подобные меры и постановления соборов. Чтобы достигнуть в мероприятиях по отношению к монастырскому благочинию какой-нибудь цели, необходимо было, прежде всего, устранить все условия,

порождавшие монастырские нестроения и затем уже воздействовать на иноков увещаниями и запрещениями. Нужно было, во-первых, отобрать у них излишние вотчины и хозяйственные угодья, чтобы иноки не были праздными господами, а пропитывались бы трудами рук своих<sup>216</sup>. Затем, наложить на монастыри какие-нибудь определенные задачи помимо богомолья,— например: миссионерство, просветительную деятельность, проповедничество и т. п., как это сделано наприм. на западе с разного рода орденами<sup>217</sup>. Или если инок только аскет и все его дело в молитве и подвигах умерщвления страстей, то монастырям нужно совершенно, (без всяких исключений) запереться от мира. Митрополит Московский Филарет, по поводу несоответствия прилива богомольцев в наши монастыри назначению последних по их первоначальной идее, говорит в письме к Нечаеву: «Как скучно видеть, что монастыри все хотят богомольцев и дохода от богомольцев, то есть сами домогаются развлечения и искушения. Правда, им недостает иногда способов, но более не достает нестяжания, простоты, надежды на Бога и вкуса к безмолвию». Нужно было, далее, позаботиться о подъеме умственного и религиозного уровня монашествующих, необходимо было уничтожить различие постриженников по их мирскому значению и не допускать для «благородных» никаких льгот, а главное необходимо было позаботиться всевозможно сократить количество мнимых монашествующих, для чего требовался строжайший искус при поступлении в монастырь и при пострижении. Строгий прием в монашество дал бы меньшее количество иноков, но за то лучшее, а легкий прием допускает возможность вступать в число монашествующих лицам непризванным к этому Это сознавали отчасти и отцы изучаемого собора, когда в своем 3-м постановлении предписывали «желающих спасения приходящих от мирских людей... принимать с рассмотрением»...

Почему же отцы собора, с таким беспристрастием отнесшиеся к царскому предложению и, видимо, так близко принявшие к сердцу заботу о благоустроении монастырской жизни, не провели в жизнь этих, видимо, простых и



целесообразных мер, а только повторили употреблявшиеся ранее паллиативные меры? Объясняется это весьма просто и, именно, тем, что многие из намеченных сей-час средств к поднятию нравственного уровня русского монашества, как несогласные с тогдашними понятиями об институте монашества, могли представляться посягательством на самый институт, а с другой стороны, – неудобоприменимыми и неисполнимыми. Например, вотчинное владение тогда так срослось с понятием о монастырях, что малейшее посягательство на принадлежащее монастырю имущество казалось тогда чуть не святотатством, у всех было убеждение, что монахи должны молиться за грехи мирян и ни о чем другом не печься, а миряне должны доставлять им, душам своим во спасение, за эти их труды всевозможные удобства и средства к жизни. Царь Феодор прямо говорит: – «на пропитание приходящих в монастыри даны многие села и деревни и всякое довольство, чтобы они не помышляли ни о чем, кроме душевного спасения». Тем более это так должно было казаться архиереям, хранителям церковных преданий, которые почти все выходили из монастырей, пользовались их доходами и естественно должны были охранять интересы монастырей. Они категорически заявляли, что «прокормиться без вотчин в монастырях нечем»<sup>218</sup>. Поэтому, собор 1682 года не только не подумал об отобрании монастырских вотчин, но восстановил прежнее участие монахов в управлении монастырскими вотчинами, отмененное было с учреждением монастырского приказа. А когда Феодор Алексеевич предложил собору на рассмотрение вопрос о денежном и ружном жалованьи монастырям, справедливо находя, что большинство монастырей и без этого пособия казны с излишком обеспечено, собор не нашел в себе мужества согласиться даже и на это небольшое лишение для монастырей.

Феодор Алексеевич в своем предложении по этому вопросу, почему то опущенном в окончательных актах собора, писал: «В прошлых годах предки Его Великого Государя Великие Государи, Цари и Великие Князья Российские к новопостроенным монастырем давали свое государево

жалованье – руги, деньги и хлеб для того, что, кроме того их государственного жалованья, тоя братии прокормиться было нечем, А как умножилось братии и тогда даны в те монастыри вотчины великие и всякие промыслы, чтобы было общее житие монахов, к томуж и вкладчики, всяких чинов люди, давали выслуженные свои, и родовые, и купленные вотчины в вечное поминовение, а как те вотчины даны и тогда те ружные дары отставлены-ль, того сыскать не по чему, для того что в прошлом 134 (1626) году в большой пожар те книги и всякие писма погорели без остатку, и по указу деда его Государева, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержца, велено окладные книги делать с прежних жалованных грамот и со всяких писем, и тех монастырей старцы по прежним жалованным грамотам те прежние руги, что им дано было прежде вотчин, справили, и от того времени вотчинами владеют и ругу емлют... (оторвана часть листа). И чтоб о тех делех Великий Господин Святейший Иоаким, Патриарх Московский и всеа Росии, с преосвященными митрополитами и архиепископами советовали, а что усоветуют о том Великому Государю объявили».... Собор, не имея в себе достаточного мужества наложить руку на одну из статей монастырских доходов, отвечал на это предложение уклончиво: «О шестой статье, а в ней писано о монастырях, чтобы рассмотреть, в которые монастыри дается государево жалованье денежное и хлебное, а у них вотчины и всякие угодья, о том определение учинить, без государева денежного и хлебного жалованья ружного можно ли пробыть, и о том святейший патриарх, и преосвященные митрополиты, и архиепископы, и епископы согласно положили на ево Великого Государя волю, для того о таком деле нам архиереом определение положить невозможно. У которых монастырей отнять, или впредь в которые монастыри давать, то в их государственной воле, по своему обещанию прежде сего великие князья и благочестивые цари где жаловали милостыню ружную давали. И ныне Великий Государь где изволит в которые монастыри свое Государево ружное жалованье давать и в

которые не изволят давать, то в ево Государеве воле, как ему Великому Государю о том Бог возвестит». (Приложение 9-е).

Еще менее архиереям 17 века можно было посягнуть на вольности благородных постриженников, (нередко развращавших монастыри). В то время законом признавалось существование господина и холопа (смерда), человека свободного и кабального; пред князьями и боярами до распоряжения 1681 года простые смертные должны были кланяться земно при встречах<sup>219</sup>. Такое взаимоотношение членов общества было так сродно тому времени, что соборы архиереев не могли и думать, будто господам «закон належит». Делая строгие запрещения против злоупотреблений монастырской жизни, архиереи, как мы видели, для подобных постриженников иногда позволяли в виде исключения даже нарушение этих запрещений. Далее, что сказали бы иноки 17 века, если бы, например, кроме молитвы и постничества, наложили на них особые обязанности по отношению к обществу, или если бы в то время запретили совершенно посещение монастырей богомольцами. Наконец, в отношении поднятии уровня религиозного и умственного состояния монахов, какие меры можно было придумать тогда, когда грамотность и книжная начитанность была признаком высшего развития, а грамотных на Руси было так мало, что из монахов таковых все-же было больше в процентном отношении, чем из мирян. В монастырях находились книгохранилища, были писатели летописей, хронографов и житий, кроме того некоторые монахи по обязанности священнослужителей должны были уметь читать хоть церковно-богослужебные книги. Монахи же поучали богомольцев религиозно-нравственным истинам, показывая им святыни, хранящиеся в монастырях, и рассказывая подробно о подвигах и чудесах местного святого, или об исцелениях от монастырской иконы. Откуда же могли-бы взять учителей, чтобы поднять религиозный и умственный уровень монашества? Конечно, об этом нельзя было хотя сколько-нибудь серьезно и думать в 17-м веке.

Меры собора 1682 г, таким образом, должно признать вполне соответствовавшими своему времени. Нам легко

критически судить деяния предков с высоты 19 века, но не должно забывать, что история постепенно и туго идет вперед. Поэтому, если меры собора 1682 года к поднятию нравственного уровня монашества были, по нашему взгляду, не вполне целесообразными, вовсе не должно поставлять это в вину тогдашним архипастырям, – непосильного нельзя требовать от людей того времени. Отцам собора должно со всею справедливостью ставить в заслугу уже и то, что они с достойною христианских пастырей смелостью и беспристрастием не закрыли глаза на недостатки церковной жизни, и, обнаруживая их публично, строго осуждали их и старались по мере сил бороться с ними. Самый факт беспристрастного отношения к нарушителям монастырского благочиния есть хороший признак, свидетельствующий о чувстве недовольства у людей того времени своим настоящим и о стремлении их к лучшему. Судя же по тому, что в распоряжениях о монастырской жизни петровского времени не упоминается, например, о стесненности монастырей от мирских построек, о свободных ночных и дневных входах и выходах из монастырей, можно думать, что постановления собора 1682 г. не остались и без практических последствий и хоть отчасти все же достигли своей цели.

## Глава VI-я. О мерах борьбы с нравственными недостатками белого духовенства

*Постановление собора (3-е) о мерах борьбы с нравственными недостатками белого духовенства.*

Содержание постановления собора по данному предмету. – Чем вызвано было постановление. – Причины низкого уровня нравственности белого духовенства вообще и вдового в частности. – Значение соборного постановления.

Собор 1682 года коснулся в своих постановлениях и таких вопросов, о которых царские предложения совершенно молчали. В том же 3-м ответе, в котором была речь о нестроениях в монастырской жизни, собор, далее, пишет: «да и о том соборне утверждаем, чтоб мирские люди вдовых священников в домах своих у крестов не держали, а буде кому из великих людей, из бояр, и из околничих, и из думных, кому не возможно быть без церковного служения, для домашних своих священника держать у себя в дому, и им бити челом на Москве святейшему патриарху; а в городе архиереом, и тем людям указ чинить святейшему патриарху и архиереом по своему рассмотрению, дать благословение священнику не вдовому. А вдовым попам и еромонахом отнюдь не давать благословения в мирских домах жить и службы церковные совершать, для того что в нынешнее время многие попы и дьяконы живут бесчинно, и упиваются безмерным пьянством, и дерзают бесстрашием не истрезвився служить божественную литургию и прочие церковные службы, утрени, вечерни, молебны, панихиды, такожде и церковные тайны, святое крещение, миропомазание, и благословение брака, и исповедание, и святое причащение, и над болящими елеосвящение действуют пьяные, и от такого бесчинного пианства в покаяние не приходят и не престают, и божественного писания не внимают, а архиерейское запрещение презирают: и таких бесчинников и пианиц архиереом от священства извергать по правилам..... и из тех вдовых попов, которые бесстрашники впредь учнуть без архиерейского благословения и без грамот служить у всяких чинов людей в

домех, и таких бесчинников имать и ссылатъ по монастырям под крепкой начал, или отдавать в работу. А которые люди, без архиерейского благословения, учнут в дома свои таких бесчинников вдовых и отлученных попов призывать для церковные службы и церковных потреб, и такие люди под церковною епитимиею будут подлежать» (Ответ 3)<sup>220</sup>.

Если иметь в виду одну эту окончательную редакцию постановления, приведенную печатно в 5 т. *Актow Исторических*, то должно было бы заключить, что собор обратил свое внимание только на вдовое духовенство, оставляя совершенно в стороне преобладающее не вдовое приходское духовенство. Но черновые бумаги собора указывают, что на соборе была речь и о не вдовом белом духовенстве. «В нынешнее время», говорится в первоначальной редакции этого постановления, «многие попы и диаконы живут бесчинно и упиваются безмерным пианством и дерзают бесстрашием не истрезвився служить божественную литургию и прочие церковные службы: утрени, вечерни, молебны, панихиды, такожде и церковные тайны, святое крещение, миропомазание, и благословение брака, и исповедание, и святое причащение, и над болящими елеосвящение действуют пьяные, и от такого бесчинного пианства в покаяние не приходят и не престают, и божественного писания не внимают и архиерейское запрещение презирают: и таких бесчинников и пианиц архиереом от священства извергать по правилом. Такожде и вдовых священников рассматривать. Как овдовеет, и им давать святую литургию и прочая служения действовать на един год для их домашнего устройства. А больше года отнюдь не давати священнодействовати. А грамоты их ставленные имати в домовую казну, для того что живут все вдовы попы неправильно»<sup>221</sup>..... и т. д. как в вышеприведенном ответе.

Нетрезвость русского белого духовенства и в особенности вдового, вызвавшая только что приведенное строгое определение собора, точно так-же, как нестроения и пороки в монастырской жизни, не была отличительною чертой его только во второй половине 17-го века. Нетрезвость, а по отношению ко вдовому и нечистота жизни, были характерною

принадлежностью большей части белого русского духовенства с давних времен, о чем свидетельствует ряд строгих соборных определений против означенных пороков: 1274 г., 1347 г, 1503 г., 1551 и 1667 годов, запретительные грамоты митрополитов: Петра, Киприана, Фотия и Феодосия и свидетельства современников (Маржерета, Ионы, митр. Ростовского, Адама Олеария)<sup>222</sup>... До 1667 года, ввиду зазорной жизни многих из вдовых священников, соборными постановлениями (1503 и 1551 года) им было запрещено даже священнодействовать. Люди безукоризненные из них овдовев имели право лишь на ¼ часть доходов от своего заместителя, а кто хотел сохранить право священнодействовать, должен был постричься в монастырь.... И только большой Московский собор 1667 года смягчил строгие постановления предыдущих соборов, позволив вдовым священникам и диаконам совершать все священнодействия и даже «божественную литоргию»<sup>223</sup>. Впрочем, несмотря на соборные запрещения, архиереи, как кажется, вынуждались давать вдовцам свое разрешение священнодействовать и до 1667 года. Не смягчить строгости соборных постановлений было иногда невозможно: вдовый священник и диакон, после потери жены, не всегда оставался один, чаще у него были на руках дети, которые просили есть и пить. Делом необходимости являлось у такого вдовца-семьянина желание заработать копейку; но чем? конечно, тем, чем привык и умел. Он лишался прихода, но не был расстрига и считал себя вправе отправлять все церковные требы, а потому, отправлялся на заработки в Москву, в ближайший город, или же в поместье служилого человека, в дома знатных людей, имевших домовые церкви<sup>224</sup>. В уважение к бедственному положению вдовцов, а с другой стороны, к безукоризненной нравственности некоторых из них, без вины страдавших за бесчиния собратий, архиереи сначала только терпели эти отклонения от соборных запрещений, а потом мало по малу узаконили и стали раздавать им на право священнодействия «отпускные», «епитрахильные» и «орарные» (диаконам) грамоты<sup>225</sup>, проявляя этим, с одной стороны, человеческое к ним участие, а с другой, пополняя и свою казну, так как эти грамоты выдавались вдовым попам вовсе не даром.

Чиновники же архиерейские за взятку могли снабжать этими грамотами и людей недостойных, а кроме того вдовцы пытались иногда обойтись и без грамот<sup>226</sup>.

Возвращенные собором 1667 года права на священнодействие, конечно, еще более усилили прилив вдового духовенства в Москву и другие города, где представлялась для них возможность заработка; а при скоплении его в одном пункте нравственная неопрятность вдового духовенства, конечно, делалась еще заметнее. Патриарх Иоаким еще до собора 1682 года обратил свое внимание на жившее в Москве вдовое духовенство. В 1674 году 3-го Декабря «по приговору» бывших в Москве митрополитов, архиепископов и епископов» он указал: «священником вдовым служить у крестов у бояр, и околничих, и у думных дворян, и у думных дьяков, и у ближних, и у приказных людей с его благословения и доклада, и в его области вечерни, и заутрени, и молебны петь и обедни с кресца им служить же, а в дому им вдовым священникам, будучи у кого у крестов, никого не исповедывать, и не крестить, и молитв роженицам не давать и маслом не соборовать, опричь приходских священников, а иных митрополичьих, и архиепископовых, и епископовых не быть у крестов ни у кого. А которые попы были разных областей митрополитов, и архиепископов, и епископов вдовы и служили преж сего у крестов без отпускных и их велено имать на патриарший двор и... по распросным делам отсылать с детми боярскими и с приставы к тем митрополитам и архиепископам, которые чьей области, а здесь им на Москве не быть и ни у кого у крестов не служить. А которые попы такие впредь объявятся разных областей, и их ссылать бесповоротно в далные города и в монастыри и стрычь, а которые с отпускными попы разных же областей, и им по старому служить в патриаршей области, где патриарх.... укажет»<sup>227</sup>. Очевидно, патриарх старался удалить из Москвы наименее благонадежный в отношении поведения элемент из вдового духовенства.

Своим постановлением собор 1682 года подтвердил, что нравственное состояние вдового духовенства и к его времени оставалось на той же низкой ступени, на какой было в



предыдущие века, а судя по строгости определения и резкости в нем красок, рисующих нетрезвость вдового духовенства, как будто даже понизилось. Теперь вдовому духовенству разрешалось священнодействие в домовых церквях лишь с особого каждый раз благословения архиереев и по особому ходатайству о том со стороны владельцев домовых церквей, при чем последним рекомендовалось приглашать к домовым церквям преимущественно не овдовевших священников. В первоначальной же редакции постановления собор хотел даже совсем запретить вдовым попам священнодействие, дав им право совершать его лишь один год со дня смерти жены, чтобы они имели возможность привести в порядок свои домашние дела. Приходское же не вдовое духовенство за нетрезвость определил лишать сана.

Выяснение причин нравственной испорченности русского приходского духовенства, выпускавшего из своей среды вдовое, и показания непосредственно следовавшего за собором 1682 года времени свидетельствуют, что строгие определения собора по данному вопросу нельзя признать мерою, вполне достигавшею своей цели.

Невысокий нравственный уровень русского приходского духовенства сложился постепенно благодаря влиянию многих исторических условий: а) экономической необеспеченности русского духовенства, б) общественной приниженности и бесправности его и с) низкого уровня религиозного и умственного его развития.

а) В экономическом отношении наше приходское духовенство поставлено было в самые тяжелые условия. При отсутствии штатов для причтов приходских церквей, ближайшего знакомства архиереев с приходами своей епархии, при злоупотреблениях архиерейских чиновников— в один и тот же приход к одной и той же церкви сплошь и рядом набирался такой комплект причта, что прихожанам положительно не под силу было содержать его. В приходе из 15 дворов было очень часто два священника, в других приходах число священников доходило от 3-х до 6 и даже до 8, а при некоторых и до 14. При иных церквях на пять священников было до 50 причетников<sup>228</sup>

несмотря на то, что в приходе считалось не более 200 дворов и церковной земли каких-нибудь 18 десятин. «В России», замечает Регламент Петра Великого, «хотя не ставятся попы и диаконы просто, однакож многие ставятся к единой церкви свыше потребы» и «многие, оставив свою церковь, к которой поставлены были, волочатся семо и овамо»<sup>229</sup>. Главным средством содержания духовенства была плата за требы и сборы (рождественский, петровский, осенний), или иногда руга от прихожан. Само собой понятно, что, при множестве священнодействующих в приходе и желающих занять священнослужительское место, прихожане старались понизить плату своему причту за требоисправление и сократить свои срочные пожертвования и ругу. При таком положении дела, на долю духовенства доставалась крайняя бедность и убожество. Единственное надежное средство к пропитанию была земля, которую давали к новостроющемуся храму помещики и крестьяне, а в 17 веке стало заботиться об этом и само правительство<sup>230</sup>. Земля, конечно, поддерживала существование духовенства, но необходимость заниматься земледелием низводила его до уровня хлебопашцев: «у нас в России», пишет Посошков, «сельские попы питаются своей работой и ничем они от пахотных мужиков не отменны, мужик за соху – и поп за соху, мужик за косу – и поп за косу, а церковь святая и духовная паства остается в стороне, от такого их земледелия многие христиане помирают не только, не сподобившиеся приятия Тела Христова, но и покаяния лишаются и умирают яко скот. Жалованья Государева им нет, от миру никакого подаяния нет же и чем им питатися Бог весть, аще пашни не пахать, то голодну быть..... в праздничный день где было идти в церковь на славословие Божие, а поп с мужиками овины сушит, а где было обедни служить, а поп с причетники хлеб молотит, – а в таковых суетах – живуще, не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти»<sup>231</sup>.

б) Бедности и убожеству приходского духовенства сопутствовала общественная его бесправность и крайняя приниженность. Приходское духовенство было тяглым сословием по отношению к своему архиерею. Из податей с

духовенства составлялась одна из главнейших статей архиерейского дохода. Епархия для архиерея была как бы уделом, где он распоряжался как ему хотелось, по произволу накладывал на духовенство сборы и освобождал от них. «Вольно ему, отцу нашему», писалось в царской грамоте патриарху, «в своем патриаршестве ружных и приходских церквей тех городов и уездов на попов и на дьяконов и на церковные пустошные земли свою святительскую дань и оброк положить, чем он Великий Государь которых ружных и приходских церквей попов, дьяконов и на пустошных церковных землях жильцов и пустую землю данью своею и оброком изоброчит»... А способ собирания архиерейской дани низводил духовенство до состояния гонимого в полном смысле слова. В архиерейских наказах при сборах дани предписываются «великие строгости» и «правежи без всякия пощады»<sup>232</sup>. Чиновники же, приставленные к этому делу, ясно «видевшие власть своего владыки» и безгласность духовенства, со своей стороны проявляли по отношению к последнему все свое самоуправство, «гордость и бесстудие»<sup>233</sup>. Система чиновничества и поборов совершенно лишала духовенство сознания своей личности, делая его в полном смысле безответным. Приходское духовенство по отношению к своим властям имело только одни обязанности и никаких прав. Не было оно защищено от обид и со стороны гражданских властей: от воевод и приказных людей. В 1623 году один священник из Устюжны Железнопольской бил челом царю, что несмотря на жалованную грамоту, воевода «для своей корысти» судил церковный причт и «чинил убытки великие»<sup>234</sup>. В 1670 г. духовенство всей Новгородской епархии жаловалось на воеводу, что он самовольно установил для духовенства пятенную пошлину, чего никогда не было<sup>235</sup>. Часто также цари получали от приходского духовенства жалобы на притеснения и взятки приказных людей<sup>236</sup>.

Проходя чрез длинный ряд начальников, приходское духовенство заканчивало этот ряд своей приходской общиной. Здесь священнику невольно приходилось всем угождать и кланяться, потому что приход кормил причт и величался этим.

«Мужики», пишут Петр и Иоанн Алексеевичи к митрополиту Маркеллу, «карчемствуют церквами, на всякой год сговариваются со священниками на дешевую ругу, кто меньше руги возьмет, хотя которые попы пианицы и бесчинники, тех и приимают, а добрым священником отказывают»<sup>237</sup>. Еще более священник впадал в положение раба, когда в его приходе были какие-нибудь знатные лица, или даже просто дети боярские, позволявшие себе с членами причта все, что вздумается. В 1668 году священники Лошского Кожеского погоста «Улиан Иванов и Ондрей Ортемьев с причетники жаловались<sup>238</sup> на Гаврилу и Тимофея, детей Евдокии Кобылиной, и на людей их, что Гаврила «при сторонних понятых людех его попа Улиана за бороду драл, а брат его Тимофей хотел убить чеканом до смерти и впредь на него попа Улиана и на всех церковных причетников они Гаврила и Тимофей похваляются смертным убийством... и всякою неподобною бранью их бранят»... В жалобе Никону на запрещение перехода от церкви к церкви священники говорят: «изо ста не найдется пяти человек, которые бы перешли из воли без гонения, – все переходят рыдая и плача, потому что попов и дьяконов по боярским и дворянским вотчинам в колоды и цепи сажают, бьют и от церкви отсылают. Хотя которому попу и бить челом тебе государю, но за тем ходить будет полгода или год, да поп или диакон насилу правь будет, потому что и в приказ даром никакими мерами сторожа не пустят, а к подъячему и дьяку поминать нечего, да если и придется кому заплатить за бесчестие попа или диакона, то бояться не чего, потому что по благому совету бояр твоих, бесчестие положено очень тяжкое – мордвину, черемису, попу 5 рублей, да четвертая собака 5 же рублей, и ныне похвальное слово у небоящихся Бога дворян и боярских людей: «бей попа, что собаку лишь бы жив был, да кинь 5 рублей»<sup>239</sup>.

Понятно, что при таких условиях жизни приходского духовенства мудрено было ожидать от него крепости и подъема нравственных сил. В таком положении едва ли бы удержались на достойной высоте своего звания даже самые просвещенные и нравственно развитые люди нашего времени. «Среда и обстоятельства заедают самого лучшего человека».

с) Что же можно было спрашивать с духовенства 17 века, которое не могло возвыситься нравственно над средою уже потому, что не превосходило последней в умственном и религиозном развитии? Основанием христианской нравственности служит вероучение, степень же усвояемости вероучения стоит в зависимости между прочим от развития умственной стороны человеческого существа. Получив высшее богословское образование у своих отцов или у «мастеров», русское духовенство 17 века крайний предел своего богословского образования могло выразить лишь в умении бойко читать церковно-богослужебные книги. Отцы собора 1667 года свидетельствуют, что приходские священники в своем большинстве были «сельские невежды». Образчик ставленника в отношении его просвещения, ничуть не изменившийся и в 17 веке, рисует архиепископ Новгородский Геннадий: «вот приводят ко мне мужика, я приказываю ему читать апостол, а он и ступить не умеет, приказываю дать ему псалтырь, а он и по той едва бредет,.... приказываю учить ектению, а он и к слову пристать не может,... приказываю учить азбуку, а они, немного поучившись азбуке, просятя прочь, не хотят учить ее... Мужики невежи учат ребят грамоте и только портят... А отойдет от мастера, и ничего не умеет, – едва-едва бредет по книге, – а церковного порядка вовсе не знает»<sup>240</sup>. И про таковые то образчики заявлено было: «а не поставити их в попы и дияконы ино святые церкви без пения будут, а православные христиане учнуть без покаяния умирати». Не удовлетворяя требованиям умственного развития, первоначальное воспитание кандидата священства 17 века не имело благоприятных условий и для того, чтобы создать в нем доброе нравственное направление. Забитый в глухую деревню, в невежественную и грубую среду, – чему хорошему кандидат священства мог научиться проводя здесь всю свою юность? Семья его не была исключением из этой среды: она была такая же, как и крестьянская, грязная, в курной избе, в лаптях, сермяге, с цепом в руках, бедная, забитая, завистливая, с опасением за завтрашний кусок хлеба, с горькой жалобой на несправедливости и обиды от всех... Что же удивительного, если такого воспитания священник

разделяет с своими прихожанами всю их нравственную «неопрятность»? Кто знает быт сельского духовенства, тот не удивится и тому, что даже при современной сравнительной высоте умственного и религиозно-нравственного развития его еще возможно и часто бывает печальное уподобление пастыря невысокого нравственного уровня пасомым. Крестьянские угощения, неизбежные для священника, присутствующего при всех важных моментах жизни прихожанина, легко приучают его к пьянству и нравственной распушенности. Но если теперь могла сложиться пословица: «каков поп, таков и приход» указывающая на влияние священника на прихожан, то в 17 веке ее верней было читать наоборот: каков приход, таков и поп. Сельские священники даже по наружному виду не отличались от самого бедного крестьянина. По словам Посошкова: «пресвитеры носили одежды гнусные и раздранные» ходили и даже священнодействовали в лаптях: «по уставу иной пресвитер во время служения своего возложит на ся одежду златотканную, а на ногах лапти растоптанные, и во всяком кале обваленные, а кафтан нижний весь гнусен». Даже городские попы носили «сермяжные серых и белых некрашенных сукон рясы»<sup>241</sup>...

Все сказанное о приходском духовенстве относится, конечно, и к выходившему из него вдовому. Но по отношению к последнему прибавлялись еще и другие обстоятельства, вредно влиявшие на его нравственное состояние. Во 1-х, оторванный от прихода, вдовый священник «влачился семо и овамо» по улицам и площадям городов и здесь к его деревенской нравственной неопрятности прилипало еще много уличной городской грязи. Потом, человек часто совсем одинокий, он не имел для кого бы сохранять себя постоянно умеренным и трезвым («пил с горя»). А бояре, нанимавшие его для отправления служб в домовые церкви, доканчивали его испорченность, втягивая в свою барскую праздную жизнь. И не удивительно, если он, после ночных попоек с своим хозяином или с его слугами, «не истрезвився» служил на завтра утреню и литургию в его домовую церковь.

При такой совокупности условий, создавших в белом духовенстве указанные пороки, вполне становится ясным, как мало можно было достигнуть в борьбе с ними одними запретительными мерами. Чтобы возвысить нравственное достоинство духовенства, облагородить его, нужны были коренные реформы в экономическом быту духовенства, в его общественном положении и поднят уровень его религиозного и умственного развития. Последующее за собором время как нельзя нагляднее доказывает всю безуспешность соборных постановлений. Приходское духовенство и в 18 веке оставалось таковым же, каким нам охарактеризовал его собор 1682 года. Духовный регламент Петра Великого пишет: «наблюдать надлежит не бесчинствуют ли священники и диаконы и прочие церковники, не шумят ли по улицам пьяни, или, что горшее, не шумят ли пьяни в церквях, не ссорятся ли по мужичьи на обедах, не истязуют ли в гостях потчивания, (а сие нестерпимое бесстудие бывает), не храбрствуют ли в боях кулачных... Епископ должен им заповедать... чтоб не ходили б простовласы, не ложились бы спать по улицам, не пили б по кабакам, не являли бы в гостях силы и храбрости к питию, и прочая сим подобная. Таковая бо неблагообразия показывают их быти ярыжными»<sup>242</sup>... В частности о домовых священниках писалось: «Кая причина звать священника в дом на пение... И для чего сие толикое властей и богатых человек от убогой братии разнствие, к которым в дом на пение священники не приходят? Бывают же по многим дворам попы беглецы порочнии, и от архиереев своих запрещении,... от таковых попов скрыто живущих по дворам... многая деются беззакония»... И чтобы прекратить злоупотребления домовых священников, – о которых невский архимандрит Феодосий Яновский доносил царю, что «от оных многое бесчиние и унять их не возможно». – Петр распорядился закрыть домовые церкви – «отсель не быть у мирских ни у кого (кроме фамилии Царского Величества) в домех церквам и крестовым попам: ибо сие лишнее есть и от единые спеси деется, и духовному чину укорительное»<sup>243</sup>. Слова «скрыто живущие» в отношении к домовым попам показывают, что постановление собора 1682 года о недержании

вдовых попов при домовых церквях проводилось в жизнь, но его видимо обходили. Петр I-й, испытав все строгие меры против вдового духовенства, наконец, стал побуждать его даже к сложению сана. Указом 30-го Апреля 1724 г. Св. Синоду было объявлено, чтобы вдовых попов и дьяконов, которые учились в школе, обнадеежить, что если они вступят во второбрачие, то, по отрешении от священнодействия, могут определяться по желанию в учителя архиерейских школ, или к делам в духовных советах и управлениях<sup>244</sup>.

После всего сказанного невольно возникает вопрос: отчего отцы изучаемого собора не обратили внимания на более верные средства к поднятию нравственного уровня духовенства? Нельзя допустить, чтоб архиереи не желали видеть в священниках более достойных делателей на ниве Христовой; и обвинять собор в намеренном нежелании изыскать лучшие средства к поднятию пастырского достоинства священников, конечно, нет оснований. Если же архипастыри собора при всем том не указывают мер таких, которые теперь показались бы столь простыми и весьма естественными в этом деле, то значит, эти меры были не под силу тому времени. И, действительно, если Петр Великий, принудительно заставлявший заводить архиерейские школы для образования пастырей, все-таки вынужден был сознаться, что «далеко то время», когда «Бог подаст увидети в России совершенное учение»<sup>245</sup> то как же можно было отцам собора 1682 г. возлагать надежду, например, на образование духовенства, как на средство к подъему его нравственности, когда и школ то для этого не было. Равным образом экономический быт духовенства только со дней Екатерины 2-й начал получать сколько нибудь правильную и несколько обеспечивающую духовенство постановку, да и доселе своею неудовлетворительностью служит большою помехой делу пастырства. Как же в конце 17 века можно было уповать на переустройство неопрятной обыденной жизни духовенства, когда священнику «аще пашни не пахать, то голодну быть». Все другие условия, совокупность которых так печально отзывалась на нравственности духовенства, были столь обычны для своего времени, что иначе, казалось, и быть



не могло. Архиереям, бывшим на соборе 1682 года, как сынам своего века, мудро было и возвыситься до сознания, что приходское духовенство живет в несоответствующих его сану условиях: не нужно забывать, что архиерей 17 века был нечто совсем другое, чем современный нам высокообразованный, религиозно-развитой, гуманный архипастырь, что на духовенство приходское он смотрел, как на своих тяглых рабов. Изменить условия жизни духовенства значило изменить его тяглое рабское к себе отношение, а с этой переменой отношений с трудом могли мириться даже такие исключительные личности, как Платон, м. Московский и притом уже на рубеже 19 века<sup>246</sup>. Запретить строгим постановлением резкие отклонения от благочиния среди приходского духовенства и постараться приложить это постановление на деле было, несомненно, тем лучшим, что архиереи 17 века могли придумать для поднятия нравственного уровня белого духовенства.

## Глава VII-я. Постановления собора на царские предложения (9-е и 10-е) о нищих

*Постановления собора по предложениям царя Феодора (9-му и 10-му) о нищих.*

Содержание царских предложений о нищих. – Исторические обстоятельства, вызвавшие предложения. – Почему вопрос о нищих был передан на решение церковной власти. – Постановления собора о нищих. – Практическое значение соборных постановлений.

В предложениях царя 9-м и 10-м заявлялось собору: «По его Великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия, и Малые и Белые Росии Самодержца, указу, в царствующем его Великого Государя граде Москве о нищих рассмотрение учинено и велено их разобрать и странных и больных держати в особом месте, со всяким довольством от его Государевы казны: и чтоб великий господин, святейший Патриарх Московский и всеа Росии, изволил и преосвященным митрополитом и архиепископом приказать потому ж и во градах учинить пристанище нищим, чтоб нищие не скитались без призирания и ленивые-б, имеющие здравие телесное, пристали к работе». (9 предложение) «Чтоб нищие в церквах, во время церковного пения, милостыни не просили и тем в церкви стоящим Христианом мятежа не чинили», (10 предложение).

Что нищенство в царствование Феодора Алексеевича было предметом особого внимания правительства и церкви, за это говорят, кроме приведенных предложений царя собору, и другие документы, сохранившиеся от того времени, каковы, например: а) весьма любопытный проект, вероятно, всеподданнейший доклад «о призрении убогих и уменьшении нищих»<sup>247</sup>, которым предлагалось завести для нищих приюты с рабочими классами для мальчиков, в этих классах, помимо грамоты, обучали бы их ремеслам и прикладным знаниям, б) слово о приютах, составленное монахом Евфимием<sup>248</sup> и, наконец, в) грамоты патриарха Иоакима к епархиальным архиереям о присылке в

Москву на содержание нищих денег<sup>249</sup>. Внимание правительства к нищенству в царствование Феодора вызывалось особенно заметным наплывом их в столицу. Адам Олеарий говорит, что в его время «в Москве нищих была бездна»<sup>250</sup>. По словам Флетчера, они бродили в несчетном множестве, приступали к каждому встречному со словами «дай мне»<sup>251</sup>. В упомянутом проекте времени Феодора Алексеевича нищенство в Москве описывается в следующих чертах: «по улицам бродят и лежат великое множество нищих, между ними притворные горы всем здоровы и работать могут, по дворам ходя они только примечают, кто как живет и как его дом, как бы исплоша где малолюдство, кого днем или ночью покрасть. И иные такие воры малых ребят с улиц крадут, и руки и ноги им ломают, и на улицы их кладут, чтобы люди, на них смотря, умилилися и больше им милостыни давали. Многие от таких нищих, которые странными болезнями и прилипчивыми одержимы, как-то раком, волком (род чесотки) на лице и по рукам и те садятся просить в многонародных местах.... Среди них бродят и дети, которых множество великое и ничему их не учат, кроме воровства». Грабеж от оборванцев в Москве был до того силен, что ночью люди осторожные не выходили даже на улицу. «В Царе-граду есть людей з двое толико, сколько их есть на Москве, (пишет Юрий Крижанич), народы и веры многоразличные и совражные (взаимно враждебные) и море есть у граду да есть лехко и мертвеца скрыть в воде, и злодейцу убежать по воде же. А однако же целы годы премияют (проходят), да ся в Царе-граду не услышат ни лавка взломлена, ни храм выграблен, ни ин каков разбой. А на Москве ни неделя ни минет без таковых вестей»<sup>252</sup>.... Тоже свидетельствует Адам Олеарий<sup>253</sup> и Желябужский<sup>254</sup>. Отсутствие особых стеснительных против нищих правительственных мероприятий сообщало нищим сознание неотъемлемости их прав на милостыню, отсюда со стороны их назойливость при выпрашивании подаваний. Об этой черте нищенствующих засвидетельствовал еще патриарх Иоасаф в 1636 году в памяти тиуну Манойлову и поповскому старосте Панкратию, – приказывая следить, чтобы нищие во время богослужения «по церкви не ходили и бесчинства не

чинили»<sup>255</sup>..... На нее же указал собор 1666 года, когда постановил: «заказати всем священникам накрепко, чтобы во время божественного пения страж церковный, или кто ин, стоял при дверех церковных, чтобы нищие в церкви во время пения по церкви не бродили милостыни просити, а стояли бы в церкви нищие тихо,.... а которые нищие во время пения учнут по церкви бродить и тем милостыни давати не велеть, а велети их смирятти священникам за бесчинство»<sup>256</sup>. Предложения Феодора Алексеевича свидетельствуют, что назойливость нищих и бесчинства их по церквам продолжались и в его время.

Чтобы понять, почему разрешение вопроса о нищенстве правительство Феодора отнесло к обязанностям церковной власти, почему оно не взяло на себя даже заботы прекратить полицейскими мерами бесчиния нищих в храмах, а предоставило и это церковной власти, нужно знать сложившийся исторически и перешедший в 17 век взгляд русских людей на нищих и положение, занятое этими последними на Руси.

Следя за течением нашей истории по летописи, можно заметить, что русское духовенство с самого начала христианства на Руси взяло нищих под свое особое покровительство и усиленно заботилось о развитии у общества чувства сострадания к ним. Оно делало это, во 1-х, собственным примером. – Монастыри были первыми «нищелюбцами». Нестор в житии Феодосия говорит про этого святого: «сътвори двор близь монастыря своего и церковь возгради в нем св. Стефана. Туже повеле пребывали нищим, слепым, и хромым, и трудоватым, от монастыря подавание им яже на потребу, от всего сущего монастырского десятую часть даяше им. Еще же и по вся субботы посылаше в погребы (темницы) воз хлебов сущим во узах»<sup>257</sup>. Нередко схимники посвящали себя тяжелым работам единственно для раздачи вырученных денег нищим, например: князь Святоша Черниговский (1106 год.), Св. Алимпий, первый иконописец русский, и друг. Летописец говорить о митрополите Иоанне втором (1089 г.), что он был «милостив убогим и вдовицам, ласков же ко всякому богату и убогу»<sup>258</sup>; такой же отзыв

сохранился о Луке, епископе Ростовском и Владимирском<sup>259</sup> О Пахомии епископе Ростовском (1216 г): «сиро тами добре пекийся, милостив зело к убогим и вдовицам, ласков к всякому убогому, несогбене руце имея на вданье их, но отверзене отинудь»<sup>260</sup>... О Кирилле, епископе Ростовском: – обидимым помогая, печальные утешая, нищая милуя»<sup>261</sup>... Подобные же отзывы о митрополите Петре (1325 г.), Фотии (1431 г., об епископе Новгородском Евфимии, об архиепископе Ионе (1478 г.) и т. д. – Затем, духовенство старалось возбудить тоже чувство милосердия к нищим у общества своими поучениями. Митр. Иларион в своей знаменитой речи «о законе и благодати»<sup>262</sup> особенно восхваляет когана Владимира за его благотворительность: «кто изобразит множество твоих милостынь и щедрот, которые ты днем и ночью оказывал убогим, сирым, болящим, обремененным долгами, вдовым и всем просящим милостыни?... Ты, честная главо, был одеждою нагим, ты был питателем алчущих, ты был прохладой для жаждущих, ты был помощником вдовицам, ты был успокоением странников, ты был покровом не имущим крова, ты был заступником обижаемых, обогатителем убогих»... Подобное можно прочесть в похвале Владимиру монаха Иакова<sup>263</sup>... В грамоте митрополита Алексея говорилось: «вдовиц, и сирот, и полонянных, и странных милуйте и призирайте, иже в темницах посетите... иже имеете исполняти се, спасени будете, не тяжко се есть»<sup>264</sup>. Старец Павел Высокий (1382 г.) оставил слово ко всему миру, осуждающее холодность отношения к нищим, начинающееся словами: «почто затворяете врата от нищих»<sup>265</sup>. В послании игумена Белоозерского монастыря Кирилла Можайскому князю Андрею Димитриевичу (1408 или 13 г.) говорилось: «А от упивания бы есте уймались, а милостынку бы есте по силе давали: понеже, господине, поститесь не можете, а молитися ленитесь, ино в то место, господине, вам милостыня ваш недостаток исполнит»<sup>266</sup>... – Наконец, в летописях, которые составлялись в наших монастырях заведомо князьям и в поучение потомству, одною из лучших и назидательнейших похвал князьям пред потомством были слова: «милостив бяше паче меры убогим».

Это качество в глазах летописцев заглаживало почти все слабости и недостатки описываемого лица. Так о Владимире под 1015 годом говорится: «сѣиже умер во исповедании добром, покаянием рассыпа грехы своя, милостынями, иже есть паче всего добрей. Милости бо хошу, рече, а не жертве. Милостыня бо есть всего луче и вышше възводящи до самого небеси пред Бог»<sup>267</sup>. Подобное же о Владимире Мономахе, Мстиславе Владимировиче (1031 г.), Глебе Святославиче (1078 г.), Всеволоде Ярославиче (1093 г.), Андрее Боголюбском (1174 г.), Константине Всеволодовиче (1219 г.), Иоанне Даниловиче (1340 г.), Дмитрие Донском (1380 г.) и о многих других<sup>268</sup>. Усилия духовенства не оставались бесплодными: нищелюбие стало главной чертой, характеризующей русское православие, необходимым «условием личного нравственного здоровья» русского человека. Сами князья в наставлениях потомкам начали указывать на благотворительность, как на важнейшее качество христианина. Мономах в наставлениях детям говорит: «Молю вы ся всего паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите»<sup>269</sup>...

Так как благотворительность разнилась главным образом под влиянием духовенства, то нищие, естественно, стекались к церквам, как своим покровительницам, где чаще всего и получали щедрое пособие от посещавших храмы богомольцев. Находясь постоянно при церкви они незаметно становились людьми церковными, являлись в глазах набожных русских людей «молельщиками» за грехи благодетелей. А духовенство воцерковляло их еще особым способом, позволяя им селиться при храмах в церковной ограде, где устроились для них кельи на ряду с домами церковного причта<sup>270</sup>.

При таком отношении церкви к нищим само собой случилось, что правительство гражданское, издавна передало нищих церкви и в юридическое заведывание. Уже Владимировым уставом нищие отнесены в ведение церковного суда. В уставе этом говорится: «А се церковные люди: игоумен, поп, диакон, дети их, поподья и кто в клиросе, игоуменья, чернец, черница, проскоурница, паломник, лечець, прощеник, задоушный человек, стороник, слепец, хромец, монастыреве,

больнице, гостиннице, странноприимнице, то люди церковные, богадельные; митрополит или пискоуп ведает межи ими суд, или обида, или котора, или вражда, или задница»<sup>271</sup>... Возлагая на церковь попечение о нищих, князья уделяли церкви на это дело постоянный доход. С этой между прочим целью в пользу епископских кафедр назначена была по всем епархиям десятина<sup>272</sup> из княжеских доходов и предоставлены пошлины с судов и духовенства. Владимирский епископ конца 13 века в грамоте своей по исчислению судов пишет: «то все суды церковные, даны законом Божиим... клирошанам на потребу и нищих кормление»... А в начале 16 века духовные вотчинники, отстаивая пред правительством свои недвижимые имущества, неоднократно повторяли: «церковное богатство – нищих богатство»<sup>273</sup>. С течением времени общественное положение нищих и отношение к ним правительства и церкви не изменились, Судебник 1447 года подтвердил устав Владимира о подсудности нищих духовной власти, не изменил дела и судебник 1550 года<sup>274</sup>. Ввиду такого взгляда на нищих, всякий раз, когда обстоятельства вынуждали правительство обратить на них особое внимание, оно передавало это дело на обсуждение церкви. Так было, например, при Грозном, который просить отцев Стоглавого собора «промыслити о нищих». В 17-веке создавшийся исторически взгляд на нищих оставался без перемены. Патриарх Никон, в бытность свою митрополитом Новгородским, устроил там четыре богадельни и каждый день кормил нуждающихся на своем дворе, а в бытность патриархом, он основал две богадельни в Москве и также каждый день, и в особенности в праздничные отпускал из своей домово́й казны известное количество хлеба и денег для раздачи бедным. Собор 1666 года вопрос о нищих не считал себе чуждым<sup>275</sup>. Патриарх Иоаким не мог отказаться от содержания и устройства на церковный счет переданных ему в 1677 году из ведомства «Приказа Большого Дворца» 412 богадельных нищих. На иждивении его же патриаршего казенного приказа содержались Московские богадельни, находившиеся в разных частях города (на Кулишках, у Арбатских ворот, у Покрова и проч.) Из грамот Иоакима к Симону, архиепископу Вологодскому и Афанасию,

Холмогорскому и Важскому<sup>276</sup>, в которых он писал о присылке в Москву на содержание богаделен по гривне с каждой церкви, находящейся в их епархиях, видно, что и епархиальные архиереи вопрос о содержании нищих считали своим делом. В 1678 году 28 июня Иоаким издал указ, чтобы «нищим жить у приходских церквей, где пристойно, а те избушки, где они жили на улицах Кремля, Китая, Белого и Земляного города, сломать и впредь на тех местах избушек не ставить; на строенье же тем нищим, которые учнут избушки ставить у приходских церквей, велеть давать из своего казенного приказа по одному рублю на человека»<sup>277</sup>. Это распоряжение, в свою очередь, как нельзя нагляднее подтверждает мысль, что и во 2-й половине 17 века нищие считались людьми церковными.

Вот почему и Феодор Алексеевич не счел себя в праве обойти в этом деле голос церковной власти, почему и самое устройство и пропитание нищих им также отнесено к обязанностям церкви. На соборе 1682 года у епархиальных архипастырей не спрашивают: желают ли они принять на себя заботу о призрении нищих, а прямо приказывают чрез патриарха исполнить царский план как прямую их обязанность: «чтоб великий Господин Иоаким, патриарх Московский, изволил преосвященным митрополитом и архиепископом приказать... во градах учинить пристанище нищим». Правда, в Москве «велено держати странных и больных в особом месте со всяким довольством от его Государевы казны». Но в Москве, во 1-х, и нищих было настолько много, что на одни патриаршие средства их трудно было пристроить и, следовательно, субсидия государственной казны была необходима, а во 2-х, здесь на церковные средства еще до собора было заведено достаточно богаделен. Царь только теперь (в 1682 году) решил придти патриарху на помощь своею Государевою казною, а до сего времени, на сколько известно из документов, относящихся к царствованию Феодора, на счет государевой казны не содержалось в Москве ни одной богадельни: Есть известие, что из нее (казны) теперь выдавались средства для богадельни: в Знаменском монастыре и на Гранатном дворе, – государева казна пожертвована им в пользование отшедшие было к ней



вотчины, бывшие за Архангельским владыкою и за Знаменским монастырем<sup>278</sup>. В начале же царствования Феодора Алексеевича даже и те немногие нищие, которые считались дворцовыми, переданы на попечение патриарха: в 1677 году «изволением государя велено было ведать Московских богаделен стариц и нищих мужеска полу и женска четыреста двенадцать человек, которым даван корм, деньги, хлеб и соль (1780 рублей, 412 четвертей ржи и 200 пудов соли) и прочая потребная на пищу и одежду из Приказу Большого Дворца, – в дому святейшего Патриарха, и питати их, и всякая потребная им давати из его же дому»<sup>279</sup>.

Нельзя не заметить, что сущность решения вопроса о нищих сводилась правительством Феодора к более или менее правильной организации на Руси богаделен и домов трудолюбия. В Москве Патриарх, в других городах – митрополиты и архиепископы должны были устроить «пристанища» нищим, чтобы им «не скитаться без призириания и ленивые б и имевшие здравие телесное пристали к работе»... При многочисленности нищенствующих в конце 17 века разобрать по пристанищам и продовольствовать их всех исключительно на свой счет архиереям было бы непосильно; несомненно, довольствовать они должны были только больных и престарелых, а здоровым дать работу точно так, как теперь дается работа в домах трудолюбия. С другой стороны, за недостатком своих кафедральных средств, архиереи, естественно, постарались бы вызвать на это дело общественную благотворительность и, таким образом, предложение Феодора давало толчок к организации до некоторой степени правильной общественной благотворительности. Трудному вопросу о нищих, таким образом, в предложении Феодора Алексеевича имелось в виду дать очень правильное и выдающееся для своего времени решение. Точно исполненное предположение правительства значительно сократило бы количество бродящих по городам попрошаек и очистило бы улицы от неприятных и тяжелых зрелищ нищеты, болезней и убожества.

Для уяснения себе постановки дела благотворительности, которую хотело сообщить ему правительство Феодора Алексеевича, не лишне ознакомиться здесь с главными мыслями вышеупомянутого проекта времени Феодора Алексеевича о призрении нищих, который, несомненно, был под руками у правительства<sup>280</sup>. Автор проекта с того и начинает свой план призрении нищих, что одобряет предположенную в 1682 г. постройку Знаменской и Гранатной богаделен... «То дело самое доброе и богоугодное... в государствах и во градах, где такие дома нищим построены, великая от того польза». Далее по статьям доказывается польза от богаделен и больниц для нищих: во 1-х, польза от того для спасения благотворителей: «не за которые дела не обещал Господь вечной дати живот, точию за творящих милость к бедным», (истинно древне русский взгляд на благотворительность); во 2-х, «когда увечные и больные от притворных разобраны будут по богадельням, тогда здоровые и дети их принуждены будут хлеб свой заживать работою»; в 3-х, «когда притворным нищим возбранено будет ходить по улицам, тогда и воровства не будет»; в 4-х, не будет на улицах одержимых прилипчивыми болезнями; в 5-х, больные нищие доставят практику молодым «дохтурам». Автор проекта настаивает только, чтобы богадельной благотворительности непременно сообщить характер правильной организации, принять это дело под непосредственное заведывание правительства. Он говорит, что для надзора за этим делом нужно поставить особого «добрého дворянина», ему дать подьячего, который бы «записывал нищих и держал бы приход и расход и ведал бы крестьянские всякие дела, которые к тому делу будут даны»; для богадельни нужен: «дворник, который бы ведал кого впускать, или который куда пойдет и всякое бы дворовое дело и починки и прочие дела ведал», «ключник, который бы всякие запасы и питья на потребу их выдавал и принимал», поваров известное количество. Самые богадельни нужно строить на видных многолюдных улицах, «чтобы мимоходящие, такую богадельню или больницу видя, умились милостыню подавали», кроме того, по всем церквам – собирать на них милостыни, «как во иных государствах сбирается». Если

по разбору в эти богадельни останутся лишние нищие, то их можно расселить по монастырям, помещая по 5 человек в тот, за которым числится 100 дворов. Нищих из дворовых людей по особому царскому указу или принимать в монастырские богадельни, или же разослать на содержание к их владельцам. В богадельнях лиц способных к какому-либо труду заставлять *«работать, смотря по делу, кому какую работу удобнее дать»*. Оригинальную часть проекта в смысле новости представляет рассуждение автора об училищах для нищенствующих детей. Для детей нищих он советует завести по западному образцу особые дворы со школами, где мальчики учились бы грамоте и ремеслам, «таким бы способом многие науки и ремесла, которых ныне из иных чужих государств всегда здесь требуют и дорогою ценою купят, или таких людей на тяжких и великих кормех призывают, на Москве завелись». Научать учить тем, которые «зело во всяких случаях нужны и потребны», – это: – «наука Цыфирная», «Фортификация», «Архитектура», «Знаменить или Живописная наука», «Геометрия», «Артиллерия»... «По великой нужде надобны бы были ремесла последующия»: шелковых локотных товаров дело, суконное дело, золотое и серебряное дело, часовое дело, токарное, костяное, кузнечное всяких subtilных орудий, инструментов, которые ныне все из за моря привозят: оружейное дело, так-же печатать медными досками и иные многие рукоделия, которые в иных государствах делают»... «Таким бы способом», заключает проект, «многая Великого Государя казна, которая таким людям дается, сохранена бы была и многие тысячи людей могли б хлеб свой тем заживать, и таким поведением (т. е. всей этой системой благотворительности) учинится, что не только на Москве, но и в городах всего Московского государства никакого нищего по улицам бродящего не будет. «Только надобно приказывать по караулам и по всем воротам, чтобы стрельцы таких нищих в Аптекарский приказ приводили, и там смотря их, буде совершенные нищие, что работать не может, или увечен, отсылать их в шпитальню, а буде какого притворного здорового нищего поймут и о тех так-же указ надобно учинить, куда их

отсылать и какое им наказание чинить». – Мысль этого проекта об организации общественной благотворительности с богадельнями и рабочими домами и выдвинута была правительством Феодора на очередь.

Отцы собора, как исконные покровители нищей братии, не отклонили от себя возлагаемую на них правительством Феодора обязанность по отношению к призрению нищих, и единогласно на царское предложение отвечают: «сие предложение угодное Богу и спасение христианином и соборне утверждаем: да будет тако» (ответ 9-й). Они берут на себя не только посильный для их средств разбор и устройство нищих по пристанищам, но и обязанность обуздать их назойливое попрошайничество в храмах. На предложение царя – не позволять нищим «во время церковного пения» выпрашивать в церквях подаяние – отцы собора также отвечали: «Сие предложение, угодное Богу и спасение Христианом да будет тако». (Ответ 10-й). К сожалению, нет достаточных оснований полагать, что одобренное собором предложение царя прошло в жизнь. Грамота патриарха Иоакима, помеченная 7 октября 1682 года, к Холмогорскому архиепископу Афанасию, предписывавшая обложить данью церкви его епархии в пользу Московских богаделен, показывает, что епархиальные архиереи еще не завели да и не старались, видимо, завести у себя рекомендованных царским предложением приютов для нищих. Если бы таковые были устроены<sup>281</sup> по епархиям в достаточном количестве и должным образом, то архиереям не было бы основания посылать деньги на содержание нищих в Москву, свои богадельни, конечно, нуждались бы в них не менее. С другой стороны, что число нищих и проявление ими безобразия и назойливости при выпрашивании подаяний не уменьшилось после собора 1682 года и что, следовательно, предложение Феодора Алексеевича не прошло в жизнь, показывает целый ряд строгих указов по вопросу о нищих Петра I-го<sup>282</sup>. Петр хотел управиться с этим вопросом строгими мероприятиями, но при всей своей строгости и смелости, доходившей до издания указа, запрещающего под страхом денежной пени подавать нищим милостыню<sup>283</sup>, и он ничего не мог поделать с этим злом. Из

заявления Регламента духовному коллегиуму видно, что и при Петре «иные полумертвые почитай на улицах лежат и при своей болезни и голодом истаивают»<sup>284</sup>. Причина, почему архиереи не исполнили свое соборное постановление на деле, может быть объяснена из крайней затруднительности для них взять на свою ответственность сложную и требовавшую больших расходов обязанность. Смерть царя, последовавшая вскоре за собором, очевидно, принята была ими как освободительница от взятых на себя нелегких обязанностей; много, вероятно, способствовали забвению соборного постановления и последовавшие вскоре за смертью Феодора государственные тревожные события.

## Глава VIII-я. О небрежном отношении к святости храмов и кладбищ (пред. 11 и 12)

*Постановления собора по предложениям царя (11-му и 12-му) о случаях небрежного отношения русских христиан к святости храмов и кладбищ.*

Царские предложения собору по данному вопросу. – Обстоятельства, которыми внушены были эти предложения. – Историческое объяснение обычая торговли у храмов. – Соборные постановления, их происхождение и практическое значение.

Внесение на соборное обсуждение предложений одиннадцатого – о поддержании должного отношения со стороны верующих к святости кладбищ и двенадцатого – о соблюдении надлежащего благочиния во время богослужения у храмов, можно объяснить из связи их с предметом предыдущего предложения о нищих. Предложение десятое также имело своим предметом достижение надлежащего отношения к святости храма и совершаемого в нем богослужения, как и одиннадцатое. Правительство благочестивого царя Феодора, озабоченное поддержанием церковного благочиния, вероятно, вспомнило, что последнее, кроме «мятежа от нищих» нарушается еще и другого рода бесчиниями. Эти бесчиния, описанные в одиннадцатом и двенадцатом предложениях, царь легко мог заметить и лично. Набожный Феодор, как видно из книг «Выходы государей»<sup>285</sup> и «Дворцовые разряды»<sup>286</sup>, весьма часто «ходил» на богомолье в подмосковные села и монастыри, особенно в дни храмовых там праздников. И если его возмущало назойливое попрошайничество в храме нищих, – людей Божиих и покровительствуемых церковью, то еще менее он мог оставаться равнодушным к тем явлениям непочтительности со стороны православных подданных к святым местам веры, какие видел здесь у храмов в праздничные и ярморочные дни.

В предложениях одиннадцатом и двенадцатом собору 1682 года от имени царя выражено настойчивое желание: «чтобы

протопопы, и попы, и церковные причетники на церковных землях, которые даны в погребение телес умерших христиан, изб и лавок и амбаров не строили, и никого на те земли жить не пускали, и тем церквам Божиим утеснения и пакости не чинили, и ту-б землю загородили в надолбы, чтоб никто бесчинно на ту землю не ходил и не ездил» (предлож. 11-е). И далее: «в которых монастырях и в приходских церквах бывает празднество настоящего того праздника и в то б время к тем церквам со всякими ядомыми харчи, и с квасом, и ни с каким питьем никого не пропускать и тем святой церкви не бесчестить, чтоб в том бесчинство не чинилось» (предлож. 12-е). Приведенные предложения царя и сами по себе дают вполне точное объяснение настоятельности строгих мероприятий против описанных в них бесчиний, но помимо того неотложность надлежащих мер против указанных в них беспорядков выясняется и другими свидетельствами того времени. Приведем здесь для примера некоторые из них: так Адам Олеарий, как очевидец, пишет: «в Хутынском монастыре ежегодно свершается празднество в честь Варлаама, в это время у Никольских ворот, в стороне ближайшей к монастырю, целовальники разбивают свои палатки с продажей вина, и там совершается сильное пьянство и всякого рода срамные потехи»<sup>287</sup>. В грамоте Алексея Михайловича от 1672 года к Архангельскому воеводе Афанасию Нестерову написано: «после пожару на тех церковных и на алтарных местах, где приносилася святая Христова животворящая тайна, поставлены немецкие амбары: на церковном месте Воскресения Христова да Иоанна Предтечи стоит амбар Голанца Кондратия Данилова, а на другом церковном и на алтарном месте святые великомученицы Парасковеи и на кладбищах стоят амбары Амбурца Вилима Ферпортена, да Голанца Данила Артмана, а поставлены те амбары большие мшеные и возле тех амбаров поставлены отходы»<sup>288</sup>... В царской грамоте Владимирскому воеводе Мартюхину указывалось, что 18 июня, когда бывает в Боголюбском монастыре праздник, из Владимирского кружечного двора головы привозят вино и всякие пития под

монастырь, народ напивается и шум пьяных заглушает церковное чтение и пение<sup>289</sup>.

Небрежность русских 17 века к святости места общественного богослужения и погребения умерших находит для себя некоторое извинение в ходе нашей исторической жизни. Обращение площадей у храмов в ярмарочные толкучки было на Руси делом сложившимся отчасти в силу необходимости. Русский человек имел потребность в приобретении необходимых для его домашнего и хозяйственного обихода предметов потребления и в сбыте своих продуктов, между тем города на Руси, по своей крайней малочисленности и отдаленности от сел и деревень, были весьма мало доступны для сельского жителя. В силу необходимости обмен продуктами и предметами потребления у селян должен был совершаться где-либо поближе в своем же или соседнем поселке. Городские торговцы, желая сделать свой товар доступным сельским жителям, в свою очередь, старались привести предметы своей торговли в деревню и, таким образом, в селе, естественно составлялся базар или ярмарка. Так как по самому роду своих занятий сельский житель от дела свободен был только в праздники, то ярмарки устраивались по селам преимущественно по праздникам и особенно по престольным, когда, и помимо ярмарки, бывает необычайный съезд народа к храмову празднику. Праздничный день по древнерусскому обычаю начинался богослужением и весь народ с утра собирался к храму. Этим народным стечением и спешили воспользоваться торговцы, они тут же, при входе в церковь, на площади раскладывали свои товары, расставляли столики и устраивали лавочки и «амбары». Народ выходил из храма для отдыха в промежутках между богослужениями или во время самого богослужения, а то просто толпился у храма, не имея возможности попасть туда по тесноте его и, естественно, между прочим, приценивался к выставленным здесь же предметам. Таким образом, торговля с ее обычным шумом начиналась еще во время богослужения. В крупных сельских пунктах и у монастырей народу в праздничные дни собиралось гораздо больше, чем в каком-нибудь захолустном селе, и ярмарки там,



конечно, были еще обширнее и шумнее, там и торговцев и товаров с ними бывало больше. Купцы (по древнерусскому языку – «гости») съезжались с предметами крестьянского потребления на такую ярмарку ежегодно, а потому иногда выстраивали для себя возле церкви и постоянные – амбары» – магазины, стоявшие закрытыми от ярмарки до ярмарки. И, таким образом, церковная площадь, она же и кладбище, незаметно еще издревле приобрела на Руси несоответствующее святости места торговое значение<sup>290</sup>. С другой стороны, та же площадь у храмов у нас издревле имела своим назначением служить для погребения прихожан, так как у древне-русского человека, как и теперь, было всегда заветною мечтою быть похороненным, если не в самой церкви, то хотя у ее стен. Отсюда все, что происходило у стен храма, естественно, касалось и кладбищ, если у храмов происходила торговля, то тем самым причинялось осквернение и кладбищам, постройки для торговцев и их товаров очень часто помещались на самых кладбищах. Кладбища впрочем и помимо того, просто по небрежности настоятелей приходоов, подвергались осквернению, – «протопопы и попы» за деньги позволили занимать кладбища, кроме лавок и магазинов, и жилыми постройками; а сверх сего часто по недостатку средств или просто по небрежности оставляли их не огороженными и, таким образом, допускали по кладбищам прокладывать даже проезжие дороги.

На предложения Феодора Алексеевича собор архиереев, – лиц непосредственно заинтересованных в деле поднятия церковного благочиния, – иначе не мог отвечать, как полным согласием и одобрением. И потому в своих постановлениях на то и другое он пишет: «сие предложение угодное Богу и спасение Христианом, паче же всего из того будет украшение святей церкви и благолепие, и утверждаем соборне быти тако». Только по отношению ко 2-й половине одиннадцатого предложения встретилось у собора небольшое затруднение. Соглашаясь с предложениями царя о необходимости огородить кладбища, собор находил уместным, прежде чем выполнить это благое намерение, обмежевать кладбища. Дело в том, что во время морового поветрия 1654–56 годов, по указам царевича

Алексея Алексеевича и самого царя<sup>291</sup>, умершие от заразы погребались «в тех же дворах, кто в котором дворе умрет», а так как вымирали подряд целые десятки дворов, а часто и все селение, после же эти дворы разрушались, то, само собой, образовалось множество новых кладбищ совершенно в других местах, чем были прежние. С другой стороны, и старое обычное кладбище при небывалой смертности оказывалось часто недостаточным и в прибавку к нему, естественно, отводились дополнительные участки земли, при чем, в состоянии паники во время чумы, конечно, не до того уже было, чтобы оформить эти прибавки по землемерным правилам и еще менее было забот, чтобы огородить новые кладбища. Таким образом, ко времени собора 1682 г., с одной стороны, прибавилось много не обмежеванных новых кладбищ, а с другой стороны, были нарушены границы старых. Собор теперь и просит царя, предварительно исполнения его приказания об огораживании кладбищ, ясно обозначить чрез межевщиков границы и пространство видоизменившихся кладбищ и оформить их принадлежность к церквям: «Чтоб Великий Государь указал послать из земского приказу, кого пригоже и те все земли измерять и очистить по дачам, что прежних земель по писцовым книгам кладбища и что из под дворов придано после морового поветрия, и те все земли огородить, а из его Патриарша Приказу тем духовным будет приказано накрепко. А что к которой церкви по старым писцовым книгам земли, и что к той земле дано в прибавку после морового поветрия, и из чьих дворов порознь дано: о том бы для ведома указал Великий Государь прислать из Земского Приказу в его Патриарш Приказ книги». (Ответ на 11-е предложение).

Просьбу собора об обмежевании кладбищ и одобренное им предложение Феодора Алексеевича об огораживании кладбищ правительство пыталось провести в жизнь самым делом. От 7 апреля 1682 года сохранился именной указ «межевым писцам», в котором говорилось: «У которых помещиков и вотчинников в дачах объявятся кладбища, а прежние писцы в книгах не написали, и к тем кладбищам на усадьбу и на пашню и на сенные покосы из поместных и из вотчинных земель ничего не

писать, а быть тем кладбищам в помещиковых и вотчинниковых землех по прежнему, а писцом те кладбища измерить, и велеть тем помещиком и вотчником те кладбища, огородить и строенья на них никакова строить не велеть, а в четверти их тем помещикам не класть, и дани на них не накладывать, а буде же помещики и вотчинники по обещанию своему на тех церковных кладбищах построят церкви впредь, и в то время к тем церквям и церковная земля дана будет по указу. А у кого именем помещика и вотчника кладбище будет, и что в них мерою: и писцом те кладбища велеть огородить при себе и описывать в книгах имянно. А в посадских и иных чинов людей в слободах такие же кладбища описывать по тому ж с мерою, а земли к ним ничего не писать и велеть огородить, как в помещиковых и вотчинниковых землях. А у кого именем у помещика и вотчника и в посадских землях кладбища будут и что в них мерою, и писцом то все описывать в книгах имянно... А кладбища огораживать те, которые в городех, и селех, и в деревнях, а на пустошах кладбищ не огораживать. А у которых кладбищ в городех будет порожняя земля, и тое землю измеря, приписывать к тем церковным кладбищам, и никому не отдавать, для того, как на тех кладбищах построены будут церкви, и ту землю дать под дворы попу и церковником»<sup>292</sup>. Но до 1684 года писцы не были почему-то посланы и только 17 апреля этого года они получили наказ отправиться по назначению. В наказе «валовым писцам» 1684 года распоряжение о кладбищах было повторено: опять межевым писцам повелевалось вымеривать и описывать кладбища «имянно» и лежащие внутри сел и деревень огораживать «в их же писцов присутствии»<sup>293</sup>. Дело по русскому обычаю, очевидно, делалось и тогда не так скоро и успешно как того хотелось правительству, как и в наше время, несмотря ни на какие законы, свиньи и собаки очень часто тревожат кости покойников, а овцы и телята мирно пасутся по зеленеющим холмам, скрывающим дорогой родительский прах обывателей.

Правительство пыталось провести в жизнь одобренное собором предложение царя Феодора и о прекращении торговли у храмов «ядомыми харчами» и напитками. 29 Августа 1684

года дан был царский указ, в котором писалось: «в монастырех и около тех монастырей у святых ворот... никакими съестными харчи не торговать, для того, что от тех торговцев на монастырех и у святых ворот во время Божественного пения бывает шум и крик и в проходе и в проезде утеснение великое, а для очистки в те дни посылать из приказов Большой Казны подъячих – с приставы и велеть им того смотреть и беречь накрепко»<sup>294</sup>... Но трудно было бороться с вошедшим в плоть и кровь русского народа обычаем. 16 июня 1687 года правительству пришлось уже повторить свой указ по частному случаю. Патриарх просил царей послать грамоту Владимирскому воеводе, чтобы он не допускал на память Леонтия торгоу у Боголюбова монастыря, «так как многие пьяные люди во время святого пения чинят драки и бои великие и всякое бесчинство, а кабацкие головы, устраивая пивные палатки, тем многих богомольцев приводят в бесчинство и от Божия церкви и от святого пения отлучают»<sup>295</sup>. Соответствующий указ был послан и самим патриархом к игумену монастыря Ипполиту, «чтобы на монастырскую землю с питьем не допускать»<sup>296</sup>. Но последующее время, вплоть до настоящего, наглядно показывает, что благое намерение Феодора Алексеевича так и осталось только таковым. В настоящее время открытие базаров и ярмарок у церквей и монастырей с раннего утра, гораздо прежде начала литургии, у всех на глазах.

## **В. Соборные постановления по вопросам церковно-богослужебной практики**

## Глава IX-я. Постановление собора «О Чиновной Книге» (предлож. 5-е)

*Постановление собора по (5-му) предложению царя Феодора Алексеевича «о Чиновной Книге».*

Содержание царского предложения. – Библиографический и историографический очерк «Чиновной книги». – Происхождение царского предложения по данному вопросу. – Постановление собора. – Его происхождение и практическое исполнение.

В предложении собору пятом о Чиновной книге от имени царя заявлялось: «Великого Государя, Его Царского Величества, всяких чинов людей во всякой верности, также и во всяких расправных делах приводят к уверению истинного обещания пред Святым Евангелием по Чиновной печатной книге, а в той книге многие страшные и непрощаемые клятвы положены, которые к тем делам и не приличны». (Предложение 5-е).

Под именем «Чиновной печатной книги» в предложении царя, как это видно из соборного ответа на него, разумелась особая церковно-богослужебная книга того времени, которая содержала в себе три чина последования привода к присяге. В ней были напечатаны: 1) «Чин, како подобает приимати и уверяти обещающегося служить Государю царю всею правдою»; 2) Чин, бываемый во явление истины между двома човекома тяжущимися, в них же бывает прегрешение, или приобидение: или в какой либо вещи лишение, аще показание не обрящется, ниже грамотою, ниже свидетельми изыщется» и, наконец, – 3) «Чин, бываемый, како подобает, егда кто хочет Государю царю служить всею правдою, у его государевых дел». Книжки такого рода сохранились до настоящего времени<sup>297</sup>. Позже каждый из трех чинов издавались отдельно, например, от 1807 года есть отдельный оттиск<sup>298</sup> «чина, бываемого во явление истины между двома човекома тяжущимися». В. С. Сопиков упоминает отдельные издания других чинов<sup>299</sup>. Самое чинопоследование при всех трех видах присяги по этой книге было буквально одно и тоже: обычное начало, т. е. трисвятое, Отче Наш, приидите поклонимся, псалмы – пятьдесятый, пятый,

двадцать седьмой, символ веры, трисвятое с умилительными тропарями, тропарь Святого дня и кондак: «Милосердия двери»..., потом следовал самый текст крестоприводного обещания смотря по делу (т. е. судебное ли, верноподданническое, или при вступлении на коронную службу), вслед за текстом присяги священник читал запрещение с угрозами гнева Божия за нарушение клятвы и благословением за верность своему обещанию, оканчивавшееся молитвою к Богу – «воздать комуждо по делом его», затем, следовали слова присягавшего, в которых он выражал свою готовность принять на себя все угрозы суда Божия за нарушение клятвы, и в заключение идет обычное поучение к кающемуся о силе и значении присяги и обычный отпуск. Тексты клятвенных обещаний, читавшихся во всех трех случаях, не представляя собой чего-либо несообразного, близко подходят к употребляемым в наше время<sup>300</sup>.

Изданий этой книги, относящихся ко времени ранее 17 века, до настоящего времени, кажется, не сохранилось, по крайней мере, ни у одного из библиографов их не упоминается. От времени до 17 века имеются лишь тексты крестоприводных записей. Но есть довольно твердые основания предполагать, что все чинопоследование привода к присяге во всех трех случаях древнего происхождения и унаследовано нами еще от греков. Что чин привода к присяге и заклятие с угрозами страшного суда Божия за нарушение их при крестоприводе существовало ранее 17 века показывает, прежде всего, то общее соображение, что составлять или вводить новые чины церковного богослужения в 17 веке на Руси, как показывает факт появления в то время раскола, было весьма опасно и, поэтому, совершенно невозможно без того, чтобы не произвести большой религиозной смуты; если же книга чинопоследования привода к присяге печаталась в 17 веке для употребления, несомненно, ее употребление было освящено преданием и обычаем церкви и текст ее печатали теперь с какого-нибудь раннейшего печатного оригинала.

На существование такового чинопоследования в половине 16 века имеется между прочим некоторое указание в

следующих словах Стоглава: «не верою и не истинне и на лжи целуяй крест и той бо лжеобещник есть, неисцельно врежает себе и, по писанию, яко убийца вменяется (т. е. как Каин) таковой... осуждается и в сем веце и в будущем... якоже Дафан и Авирон и Корей... и Озия царь»<sup>301</sup>... Именно эти примеры кары Божией имелись в тексте заклęcia, употреблявшегося в Чиновной книге, откуда они, очевидно, и взяты в Стоглав. Ясно, что эти чины практиковались и во дни собора 1551 года.

На греческое же происхождение чинопоследования привода к присяге, кроме простого соображения, что заимствованный русскими у греков вместе с христианством обычай присяги необходимо должен был сопровождаться заимствованием и самого чина последования крестоприводства, указывают некоторые внутренние признаки чинопоследования этого обряда. Так в предисловии ко второму чину говорится: «прящиеся» для засвидетельствования своей правоты крестоцелованием «да приходят к *патриарху* или *архиерею*»..., на Руси же никогда не было в обычае, чтобы патриарх или архиерей сами приводили тяжущихся к присяге. Подобное непосредственное отношение архиерея к тяжущимся возможно было только в Греции, где архиереи не были так малочисленны и малодоступны для народа как на Руси. В дополнениях к «Уложению» царя Алексея, сделанных его сыном 19 декабря 1681 года, говорится: «царь Феодор Алексеевич указал: которым людям по судным делам довелось в исках учинить вера и тех людей для увещания отсылать по прежнему в собор архистратига Михаила к *протопопу* с братиею и у крестного целования исцом и ответчиком говорить с великим запрещением»<sup>302</sup>. В указе от 1697 года 21 февраля также говорится: «приводить (к присяге) в соборной церкви *протопопу* пред святым Евангелием»<sup>303</sup>. На Руси дело привода к присяге, очевидно, предоставлено было священникам. В чинопоследовании упоминается, далее, непереведенное с греческого слово «протосингел», указывающее прямо на то, что весь чин переведен с греческого текста, между предметами тяжбы упомянуты «виноградники», «рабы». Виноградники в Московской Руси того времени не были обычною хозяйственною



принадлежностью, как в Греции, и термин «раб» не был употребительным, это, несомненно, также перевод греческого соответствующего слова, имевшего там свое историческое и бытовое значение. Наконец, и самая конструкция славянской речи показывает на перевод ее с греческого языка. А что у греков, действительно, были такого рода присяги, (как например «во явление истины между двома човекома тяжущимися») на это есть некоторые указания у «Du Cange'-а в его Glossarium'e ad scriptores mediae et infimae Graecitatis» (1888 г.) и в «Jus Graeco-Romanum» изд. Лингенталя<sup>304</sup>.

Что касается самого текста крестоприводных записей, то он не был так неизменен, как чин, сопровождавший его. Присяги на верноподданничество,— при восшествии нового государя на престол, — составлялись почти всякий раз особо с изменениями, вставками и убавлениями, приноровленными к обстоятельствам и духу времени. Так после несчастной кончины Бориса Годунова, при вступлении на престол приемника его, внесено было в текст присяги: «следу ведомским мечтанием не испортити, и ведомством по ветру никакого лиха не посылати»<sup>305</sup>. По свержении с трона Василия Ивановича Шуйского присягали Боярской Думе: «во всем их (бояр) слушати, и суд их всякой любити, с изменники битись до смерти, а вора, кто называется царевичем Дмитрием, на Московское государство не хотети....»<sup>306</sup>. Равным образом и присяжные листы, читавшиеся при вступлении на разные должности в государстве, составлялись по мере потребности в них. В 8-м томе «Древне-Русской Вивлиофики» 60–83 стр. напечатаны крестоприводные записи времени Михаила Феодоровича: окольничим, думным людям, стряпчим, дьякам и жильцам, и на всех них заметны довольно ясные черты современного этому царствованию происхождения. Так наприм. стольник присягал: «а что велел Государь мне (имя рек) быти у себя Государя в стольниках, и мне, будучи в стольниках, Государю своему и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси, служить и прямити, и его Государя своего ничем в естве и питии не испортити и зелья и коренья лихова ни в чем не давати, и никому дати не велети, и дурна и лиха никакова над

Государем своим.... самому мне не учинити и иному никому учинити не велети по сему крестному целованию».... (Стр. 64 – 65).

Прежде чем вынести дело на соборное обсуждение Феодор Алексеевич еще в 1679 году пытался устранить «душевредство присяги» от некоторых частных должностей. Еще тогда положено было: «на Москве и в городах на кружечных дворах, у сборов Великого Государя денежные казны, быть головам и целовальникам за выбором мирских людей, а к вере их не приводить, чтобы клятвы и душевредства не было, а быти бы им под страхом государевых указов и под большим подкреплением градския казны»... И хотя бояре говорили: «за верою было воровство многое, а без подкрепления веры опасно воровства и больше прежнего», тем не менее «приговорили к вере не приводить». «Объявилось воровство»<sup>307</sup>, но государь дела не изменил, так высоко он ставил душевное спасение над материальными интересами. На соборе теперь Феодор Алексеевич хотел дать общее решение вопросу о несообразности принимаемых присягающим на себя угрозы небесной кары с важностью тех дел, к отправлению которых последний допускался под условием присяги. Если нельзя отменить совершенно крестоприводства, то необходимо было, по мнению царя, по крайней мере устранить из чинопоследования крестоприводства «те страшные и непрощаемые клятвы, которые к тем делам неприличны». Говоря, что «в той книге многие страшные и непрощаемые клятвы положены, которые к тем делам неприличны», царь, очевидно, разумел «запрещение» с заклетами, читавшееся священником вслед за текстом клятвенного обещания и перечисленные в нем угрозы суда Божия, которые принимал на себя присягавший. Эти заклета, действительно, были очень страшны. Священник тяжущимся обыкновенно читал вслух: «Се, чада, Христос невидимо зде предстоит блюдите, како клятвою себе свидетельствуете пред Святым сим Евангелием,.... елицы аще нелестною и неложною клятвою в чесом либо себе свидетельствуете, да будете благословени от Бога Вседержителя, и да подаст вам всемогущая рука Его от росы

небесные гобзование (*изобилие*) земли и от моря богатства, и да изобилуете во благих, яко Авраам, Исаак и Иаков, и узрите чада своих чад, и будете прощени, и да сподобитесь со всеми праведными небесного блаженства. Елицы же лестною клятвою неправду праведну показати смеете, да будете отлучени и не прощени от Святые Единосущные Животворящие и Нераздельные Троицы Единого Бога всех вечно в нынешнем веце и будущем и да трясется, яко Каин, еще и на земли, и да отверзшися земля пожрет вас, якоже Дафана и Авирона, и да воспримите проказу Гиозиеву, и удушение Иудино, и смерть Ананиину и жены его Сапфиры, и часть ваша да будет с безбожными еретиками, и жилище в вечном огни, уготованном диаволу и ангелом его, и да обрящете Бога, ратующа в час страшного воздаяния, и да затворятся от вас двери милости Его и услышите: «отыдите от Мене, проклятии, в огонь вечный, не вем вас», и заключает: «услыши мя, Господи, грешного молящая к Тебе всем сердцем и воздаждь коемужде по делом его». После этого клянувшийся, положив правую руку на Евангелие, принимал на себя эти заклания в следующих выражениях: «аще лестне себе свидетельствую и в чесом либо ложною клятвою неправду хочу праведну показати, да будут на мне все клятвы, яже прежде zde изглагола архиерей на ложно клянущихся: и да казнить мя царь яко клятвопреступника и супостата». Угрозы этого страшного заклания принимались одинаково, как на случай неверности подданства, так на все случаи недобросовестности при отправлении служебных обязанностей и на всякий судебный, часто очень мелочный, повод в роде – долга в пять рублей, или – незначительной кражи и т. п.

Очень может быть, что Феодор Алексеевич в деле выноса на соборное обсуждение своего предложения о тексте чинопоследования присяги руководствовался и был понуждаем к тому общественным мнением своего времени. Руководители общественного мнения того времени во многих случаях со всею решительностью осуждали обычай крестоцелования. Так строгий критик недостатков общественной и государственной жизни Русского государства второй половины

17 века Юрий Крижанич в своих «Политичных думах» горячо доказывал, что ко многим делам «клятва не прилична» и бесполезна, особенно для «лакомых» современных государственных чиновников. И влагает в уста царя такое обещание: «Мы пак от таковые присяги их (чиновников) опращаем, и в напредок тоя присяги ни от них, ни от иных, быть имающих, приказников не выпрашиваем»<sup>308</sup>.... «Думы» Юрия Явканицы (Крижанича), как известно, «были на верху» в библиотеке государей и министров.

Собор 1682 года не вполне согласился с предложением Феодора Алексеевича. В своем ответе царю он писал: «о Чиновной книге, по которой приводят всех чинов людей к вере, а в ней положено три статьи, первой и второй статьи быть, только требуют исправления, а что от церкви положено в прещении поучение, и тому и впредь такоже быть, а по третьей статье, чтоб Великий Государь указал отставить церковные казни, клятвы на люди не налагать и вечною смертию их не убивать, для того, что в той статье писано в его Государевых делех и во всяких сборах многие люди грешат, по обещании своем пред святым Евангелием того не исполняют и тем себя вечною смертию убивают, чтоб Великий Государь изволил тем людем наложить свой Государев указ, прещение и страх по градским законам, кто чего за какую вину достоин», (отв. на 5-е предлож.) То есть отцы собора, как и следовало ожидать от хранителей церковных обрядов и текстов, не находили возможным изменить текст чинопоследования привода к присяге на столько, чтобы опустит из него «в прещении поучение». Для них удобнее было согласиться в некоторых случаях оставить употребление чина совершенно, чем практиковать его в заметно измененном виде. Присягу на верноподданничество с чинопоследованием к ней, т. е. «статью первую», собор оставил в силе и без изменения, очевидно, потому, что и сам царь в своем предложении не упомянул с ней и, видимо, находил ее вполне соответствовавшею своему назначению. Но чтобы не согласиться с царем и оставить без изменения и «вторую статью», т. е. «чин во явление истины между двома човекома тяжущимися», нужны были особые

основания. Нужно думать, что у отцев собора была твердая уверенность в необходимости для жизни этого рода крестоцелования. Крестоприводство при розыскании того, кто прав, кто виноват из двух судящихся, не имеющих никаких доказательств в свою пользу и к обвинению другого, было в 17 веке единственным средством удовлетворить ищущего правды. «Поле», о котором так обстоятельно толкует «Судебник» Грозного<sup>309</sup>, и упоминает «Стоглав»<sup>310</sup> тогда не существовало, «железа и воды» также уже не употребляли. Отменить при таких обстоятельствах крестоприводство в тяжёбных делах значило отказать в удовлетворении нравственному чувству правды истца и ответчика. Крестоприводство было древним «Божиим судом» и свыкшемуся с ним русскому человеку мудрено было без него обойтись, особенно когда продажность, лицепрятие и корыстолюбие русских судей воспитали в русском народе справедливое чувство крайнего недоверия к ним. «Отставить» этот чин при тяжёбных делах было преждевременным, так как заменить его было нечем. «Оглашение» же со страшными закланиями и угрозами при этой присяге, вероятно, было единственным наглядным и наиболее сильным побуждением к обнаружению у тяжущихся правды. По третьей статье в чине привода к присяге при вступлении на государеву службу собор соглашался: «чтоб Великий Государь указал отставить церковный казни, клятвы на люди не полагати»... при чем сам же ясно указал и основание, такого решения: «для того что в той статье писано в его Государевых делах и во всяких сборах многие люди грешат, по обещании своем пред святым Евангелием того не исполняют и тем себя вечною смертию убивают». Т. е. подтвердил в своем ответе факт частого клятвопреступления в 17 веке со стороны чиновников. Отсутствие правильного и строгого административного контроля над чиновничеством и, главным образом, недостаточное от казны материальное обеспечение последнего сделало недобросовестное корыстное отношение к делу службы в древней Руси на столько обычным явлением, что никакие угрозы суда Божия не помогали<sup>311</sup>, и обещание тогдашнего чиновника «государю своему прямити,... другу не дружити,

недругу не мстити... и не корыстоваться» было пустым звуком. Большинство из клянувшихся «убивало себя вечною смертию» а пользы делу службы от этого не было. Собор справедливо находил гораздо действительнейшим средством заменить для чиновников церковные угрозы гражданскими взысканиями, и потому, соглашаясь с царским предложением об отмене в этом чине «страшных и неприличных клятв», советовал царю положить клятвопреступникам «свой государев указ, прещение и страх по гражданским законам, кто чего за какую вину достоин».

За неимением достаточным данных трудно сказать, было ли и как проведено постановление собора в жизнь. Позднейшие редакции (напр.; от 1807 года) чинов присяги ничем не отличаются от прежних (половины 17 века). Очевидно, никакого особого исправления в тексте книги не было произведено. Равным образом и относительно 3-го чина нет достаточных оснований полагать, что он был отставлен или что в последовании его произведены были какие-нибудь изменения. От 21 февраля 1697 года повелевалось приводить к присяге в соборной церкви протопопу пред Св. Евангелием по чиновной книге «с великим прещением»<sup>312</sup>. Значит «страшные и непрощаемые клятвы» оставались в употреблении и тогда. «Чиновной книги в полном ее виде позднейшего издания (т. е. после времени Алексея Михайловича) с какими либо изменениями в тексте не встречается, а потому можно предполагать, что крестоприводство и при Петре Великом совершалось по тому же чинопоследованию, как было во дни Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича и по той же Чиновной книге. При Петре Великом практиковались все три чина привода к присяге, а присяге при вступлении на государственную службу (3-й чин) придано даже особенно важное значение, при чем составлено было вновь очень много формул присяги, приуроченных к разным должностям, (особенно к вновь учрежденным). В деле привода к присяге замечается при Петре лишь следующее видоизменение: а) в «чине во явление истины между двома человекома тяжущимися» присягу «надлежало чинить только ответчику»<sup>313</sup>,

а челобитчик от нее освобождался, и, чтобы усилить значение присяги и уважение к ней, б) за нарушение ее и за лживое крестоцелование назначалась смертная казнь<sup>314</sup>; был даже пример такой казни<sup>315</sup> в лице дьякона Александра. Существование «чина во явление истины между двома човекома тяжущимися»... в издании 1807 года дает некоторое основание думать, что и в 19-м столетии, по крайней мере, в начале его присяга сопровождалась еще тем же чинопоследованием, что и в 17-м веке, с теми же страшными заклетами и поучением, иначе зачем бы понадобилось делать это новое издание? Экземпляр этого издания, сохранившийся в фундаментальной библиотеке Московской духовной академии, имеет на себе следы церковного употребления: он несколько замаслен и сохранил на себе капли воска... Теперь, как известно всякому, приведение к присяге не сопровождается особым чинопоследованием: читается лишь один текст клятвенного обещания целуют крест и святое Евангелие, причем за не соблюдение обещания никаких заклятий и страшных угроз не произносится; но присяга при вступлении на государственную службу, равно как и в других случаях (судебная, верноподданическая) еще употребляется.

## Глава X-я. О хранении Ризы Господней, Древа св. Креста и частиц святых мощей

*Постановление собора на (6-е и 7-е) предложения Царя Феодора о хранении Ризы Господней, Древа св. Креста и частиц святых мощей.*

Содержание царских предложений собору. – Историческая справна о предметах царских предложений. – Постановления собора. – Проведение постановлений в жизнь.

Предложения Феодора Алексеевича собору шестое и седьмое о священных предметах кремлевских церквей так же, как десятое и двенадцатое, были естественным выражением близкого отношения русского царя к храмам и их святыням. Храмы Московского кремля должны были служить образцом благолепия, а богослужение в них – образцом благоговения и торжественности для всей Русской церкви. По ним иностранцы и даже свои иногородние подданные судили о чистоте на Руси православия и величии русской веры. Беспорядки в этих храмах служили укором благочестивому царю «православные веры хранителю», как знак невнимательности его к исповедуемой им и господствующей в государстве религии. Вот почему вовсе не странно в его устах напоминание собору архиереев о таких предметах, которые были, по-видимому, не на столько важны, чтобы нуждаться в утверждении их голосом собора.

«Бог Всемогущий», говорил в одном из этих предложений царь, «по своей неизреченной благодати, даровал святых своей церкви пребогатое и неоцененное сокровище, часть Животворящего Древа, на нем же распятия и пострадав яко человек, такожде и Ризу свою Божественную, яже есть хитон, от них же истекают многая и различная исцеления с верою приходящим, которое (сокровище) блюдом есть в веляицей соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы от многих лет и до ныне; в мимо шедшие ж лета, изволением предков ево Государских, вкупе же и благословением святейших патриархов, тогда бывших, то пребогатое сокровище разделено на многие части, и устроено в разные ковчеги, и блюдом не во едином



месте, и того ради явилось пренебрегаемо, и некоторые части от соборные церкви той Божественной Ризы едва не отлучены-ль, и сего ради он Великий Государь изволяет: то пребогатое и неоцененное сокровище, часть Животворящего Древа устроить в уготованном ковчеге и держать в соборной церкви, в особом твердом, к тому устроенном, месте, со всяким паствам, а Ризу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, все отделенные части, такожде собрать и устроить в едином ковчеге, и держать вкупе с частию Животворящего Древа, и воздвигать единожды в год, в день спасительных Ево Христовых страданий, еже есть в Великий Пяток, а на просвещение всегда православным христианам, приходящим в соборную церковь и в дома желающим, для исцеления всяких различных болезней, имети прежней, к тому устроенной, ковчег с частию тоя Божественные Ризы, хранить его в прежнем устроенном месте, на западной стране, в угле, и утвердить ныне то соборным изложением, чтобы впредь того пребогатого сокровища на части отнюдь не разделить». (Предлож. 6-е). В другом предложении от имени царя заявлялось: «Мощи великого пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна и протчих святых, которые от многих лет собраны и блюдомы суть в церкви Благовещения Пресвятые Богородицы, что у него Великого Государя на сенях и единожды в год, в день спасительных страстей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, еже есть в Великий Пяток, приносятся в великую соборную церковь Успения Пресвятые Богородицы к омовению, и тем освящается вода на просвещение и исцеление приемлющих с верою, и по омовении относятся в прежнее место: и утеснения ради места, многие мощи полагаются небрегомо и бывают безо всякого призрения, о чем слышити странно. И сего ради он, Великий Государь, изволяет: те многоцелебные мощи для лучшего устройства и почести, и на просвещение людей, отдать в монастыри, и в соборы, и к приходским церквам, в знатные места, где тех всех святых, Богу угодивших, построены церкви во имя их каменных зданием, а которые мощи затем останутся, и те потому ж устроить в особое место благочинным устройением и затвердить ево Государскою печатью, чтоб всегда было цело и нерушимо, а

в день спасительных страстей Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа те мощи вкупе с теми, которые отданы будут в соблюдение к церквам, приносить ко омовению в великую соборную церковь по прежнему церковному чину». (Предложение 7-е).

Когда и кем была прислана в Москву часть Животворящего Древа, равно как и мощи Предтечи (частица), точно неизвестно, но уже при Грозном был на Руси крест, в котором вделана была частица Животворящего Древа<sup>316</sup>. Этот крест со «спасенным древом» всегда лежал при царском венце и употреблялся в церемонии коронации государей. Пред венчанием царь обыкновенно посылал из дворца в собор за этим крестом, лобызал его и предшествуемый им направлялся в собор короноваться<sup>317</sup>. В 1649 году от 20 февраля был послан в Курск из Москвы, по случаю свирепствовавшей там эпидемической болезни, крест, в котором вделана была частица мощей Иоанна Предтечи<sup>318</sup>. Возможно, что еще в первые годы христианства на Руси греки озаботились поделить с новою церковью святынями веры; но в Москву всякие святыни и разные реликвии начали прибывать из Греции в особенности с того времени, когда Константинополь начал склоняться под мусульманское ярмо, а третий Рим, – Москва, – стал приобретать быстро силу, величие и благолепие. Приходившие из Греции и востока на Русь «нищенствующие», – патриархи, митрополиты, епископы и монахи, собиравшие здесь большие подаяния на угнетенных турками православных соотечественников, должны были чем-нибудь отдарить русских за их гостеприимство и щедрую милостыню. Они привозили на Русь списки с древних икон, частицы мощей и другие реликвии, между этими то многочисленными предметами, вероятно, таким же путем были привезены сюда и частицы Животворящего Древа и мощей Предтечи. В Константинополе издревле хранилось во дворце «Животворящее Древо»<sup>319</sup>, которое, вложенное в крест, носилось ежегодно с 1–15 августа торжественно по всему городу<sup>320</sup>. Очень может быть, что, именно, от него была отделена и Московская частица Животворящего Древа.

О появлении Ризы Господней в Москве имеются подробные исторические данные<sup>321</sup>. Из этих данных видно, что Риза Господня принесена была в Москву из Персии в 1625 году при царе Михаиле Феодоровиче и патриархе Филарете. Персидский шах Аббас, приславший ее в дар Русской церкви, взял ее из завоеванной им Грузии. 25-го февраля этого года прибыли в Москву, а 11 марта, на второй неделе великого поста в пятницу, представились царю и патриарху персидские послы – «Урус-Бек с товарищи», они поднесли патриарху золотой ковчег (привезенный «купчиной Мамеселеем») со словами: «государь наш Аббас шах прислал к тебе, великому святителю, ковчег золот, а в нем Великого и Славного Иисуса Христа срачица». О предназначении этого подарка в Москве знали еще раньше от русских послов в Персии, – Василия Коробьина и дьяка Остафья Кувшинова. Как ни знаменательно и ни отрадно было для Русской церкви приобретение такой редкой святыни, но отсутствие точных исторических свидетельств, основываясь на которых можно было бы признать присланную ризу подлинною, а с другой стороны, показания Грузинского посла архиепископа Феодосия утверждавшего, что Шах Аббас вовсе не увозил из Грузии Ризы Господней, что она и теперь хранится в Грузии, заставили патриарха Филарета действовать при приеме святыни крайне осторожно: «Тогож дни после посолства великий государь, святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси, на своем святительском дворе с митрополитом Кипреяном Сарским и Подонским и с Нектарием, архиепископом греческим, и с архимандриты, и игумены, и с протопопы того ковчежца осматривали и по досмотру в том ковчежце часть некая полотняна, кабы красновата, походила на мели или будет от давних лет лице изменила, а ткани вóлну, а в длину и поперег пяди». Патриарха смутило при осмотре между прочим то обстоятельство, что «под ризою писаны распятие и иные страсти Спасовы латынским писмом, а латыне еретики»<sup>322</sup>. В виду всего этого решено было «тое святыню свидетельствовати чудесы, пети молебны, и ходити с нею к болящим, и полагати на них и просити всещедрого человеколюбца Бога, чтобы милосердный Бог тое святыню уверил, яко весть святая Его

воля, понеже истинного свидетельства о той святыни несть, а неверных слово без испытания во свидетельство не приемлетца. И уложили для того великий государь, святейший патриарх Филарет Никитич, Московский и всея Руси ему государю, (патриарху), и митрополиту, и архиепископу, и архимандритом, и игуменом, и в монастырех старцом поститися неделю целую, а протопопом и попом служить литургии Божии и молитися, чтоб Господь Бог о той святыне проявил им святую свою волю, а святыню повелели носить, и пети молебны, и воду святити, и полагати на недужных и болящих»... «И приказали с тою святынею ходити к болящим, и пети молебны, и воду святити, и полагати на них Спасскому Нового монастыря архимандриту Иосифу, а с ним крестовым дьяком Ивану Семенову да Михайлу Устинову, а святыню повелеша устроить в особном в серебряном ковчежце, и запечаташа святительскою печатью. А для ведома велели архимандриту дати памятку сего ради, аще воспросит кто: что есть и какая святыня, полагаемая на них, и да ведать, како сказати о сем»<sup>323</sup>... Начали совершаться от ризы чуда исцеления больных, но осторожный патриарх и тогда не сразу признал истинность ризы. Он составил особую комиссию под руководством митрополита Сарского и Подонского Киприяна из архимандрита Симонова монастыря Левкия, игумена Богоявленского монастыря Илии и игумена Новинского монастыря Евфимия и поручил им проверить подлинность исцелений. Комиссия произвела дознания и донесла письменно патриарху «за своими руками» о действительности совершившихся через Ризу чудес. Было засвидетельствовано 14 исцелений. Только после этого Филарет Никитич решился признать подлинность Ризы. 26 Марта состоялся собор, от имени которого и было объявлено царскому синклиту и народу «про тое святыню и Божия преславная чуда, действующая Спасителем нашим Иисусом Христом». Положено было «принести молебная благодарения Богу и совершити празднество со всею пением. И уложили той святыни быти в соборной церкви пречистые Богородицы Успения у Живоносного Гроба Господня, и устроить в золотом ковчежце, пети молебны и воду святити и болящим и всем с

чистою совестью приходит и исцеления просити невозбранно»<sup>324</sup>. Но и после канонизации Ризы патриарх не перестал собирать удостоверения о действительности исцелений от нее через формальные дознания и, таким образом, было засвидетельствовано еще 33 чуда<sup>325</sup>, а в грамоте Тверского архиепископа игумену Колязинского Макарьевского монастыря<sup>326</sup>, со слов росписи патриарха, сказано, что с 23 Марта 1625 года по 1-е Сентября того-же года последовало от ризы 67 чудес и исцелений, а с 1 Сентября по 24 Января 1626 года, т е. по день отправления к Тверскому архиепископу грамоты из Москвы, 4 чуда. Из этой последней грамоты видно, что Русская церковь в том же году постановила ежегодно праздновать в честь Ризы Господней; но определенный раз на всегда день для этого, – 10-е Июля, – установлен только при Алексее Михайловиче<sup>327</sup>, раньше же ей праздновали: 27 Марта, 30 Марта<sup>328</sup>, 26 Апреля<sup>329</sup>, 5 Августа<sup>330</sup> и в другие дни и месяцы<sup>331</sup>. Митрополит Киприан составил особую службу на день празднования Ризе, которая и была тогда же разослана по всем церквам вместе с приказом праздновать в честь Ризы ежегодно<sup>332</sup>.

В «Уставе Московских патриархов, соблюдавшемся в Успенском соборе с 1668 года», под 10 Июля разных годов можно читать описание торжественного ежегодного празднования Ризе Господней. Богослужение обычно совершал в этот день сам патриарх в присутствии царя. После малой вечерни, в малом облачении, в сопровождении двух рипид, четырех кадилъниц, четырех подсвечников и шести «ослепных» свечей, патриарх «ходит по ризу», кадит трижды ее в ковчеге, вынимает, кладет на жемчужную пелену и на голове несет к аналою, поставленному против патриаршего места, при «валовом» звоне. На величании патриарх перекладывает ее собственноручно на другой аналой, а ключари выносят аналой на средину церкви, где происходит целование Ризы, начиная с царя строго по рангу. После целования патриарх кладет ее опять на прежний аналой в ковчег и запирает ключом до завтрашней литургии. По окончании литургии и молебна на середине церкви опять бывает целование, но только немногих

лиц: царя, патриарха, духовенства и избранных по указу Великого Государя чинов. Затем, патриарх, прежним порядком – при звоне колоколов, в сопровождении рипид, кадилъниц и свечей – относит Ризу на главе «на уготованное место за решетку ко Гробу Господню», обертывает в пелену, кропит водой и запирает в ковчеге, ключ берет к себе, а ковчег печатают государевой печатью. При таком строгом охранении святыни, очевидно, она могла быть разрезана на части и роздана в разные места не без воли царя и патриарха. Феодор Алексеевич так и заявляет собору: «в мимошедшие лета изволением предков его Государских, вкупе же и благословением святейших Патриархов, тогда бывших, то пребогатое сокровище разделено на многие части, и устроено в разные ковчег, и блюдомо не во едином месте». В первый раз частица от Ризы была отделена с тою целью, чтобы возить ее к больным, которые не в силах были сами являться в собор для молитвы, А так как желающих принять у себя в доме святыню и здоровых было весьма много, то возможно, что для удобства причта и скорейшего удовлетворения желающих возилась по домам не одна отделенная частица, а одновременно две и даже больше. С другой стороны, в самом соборе для приходящих лобызать святыню также должна была быть отделена частица, чтобы вся Риза от частого употребления окончательно не изветшала. Возможно, что после отделялись частицы от Ризы и с другими целями, например, для хранения в какую-нибудь церковь или монастырь, чтобы привлечь туда больше богомольцев, или с тем, чтобы вделать в употребляемые при богослужении кресты и другие предметы и т. п. Наконец, возможно, что иногда маленькие частицы отделяли в домовые церкви богачей и знатных бояр. Подобным же образом и с такими же целями, вероятно, было разделено и Древо Животворящего Креста.

Когда святыня имеется в одном только месте и представляет собою единственный в своем роде предмет поклонения, она сосредоточивает на себе общее внимание и пользуется особым уважением, но как скоро в одном месте является много однородных святынь, или если эти святыни

можно встретить в нескольких близких друг к другу храмах, то чувство религиозного почтения к ним, конечно, ослабевает. Внимание лиц, непосредственно обращающихся со святыней, если они знают, что дорожить ею нет особого основания, так как есть возможность отделить для употребления еще частицу, также уменьшается, много значит и привычка частого обращения со святыней, постоянного почти пребывания при ней. Известно, что слишком трудно долго сохранить в одном и том же напряжении какое-бы ни было настроение или чувство, а если человек мало заботится о поддержании его, то оно и совсем ослабевает, точно также и религиозное настроение не может сохраняться непрерывно одинаковым. Отсюда и бывает, что лица, приставленные блюсти святыню, в присутствии ее ведут себя часто весьма недостойно святости места и окружающих их предметов. Так было и по отношению к частицам Ризы Господней и Животворящего Древа и так в особенности было по отношению к многочисленным частицам мощей, хранившимся в Благовещенском соборе. Частицы мощей разных святых, при своем большом количестве, были даже «небрегомо полагаемы». В предупреждение и прекращение указанного отношения к поименованным святыням Феодор Алексеевич предлагал вполне действительное с психологической точки зрения средство: Частицы ризы и креста собрать в одно место и «держатъ вкупѣ во едином ковчезѣ», сделать, так сказать, из многих частиц каждой святыни одну и сосредоточить на ней религиозное внимание верующих, а частицы мощей из Благовещенского собора, где их было чересчур много, «отдать в монастыри и в соборы и к приходским церквам, в знатные места, где тех всех святых состроены церкви во имя их каменным зданием». Там они, как единственная выдающаяся святыня в храме, конечно, будут иметь достойное их отношение к себе со стороны прихожан и не посредственных их хранителей. Из того обстоятельства, что розданные мощи предполагалось ежегодно в Великую Пятницу приносить для омовения в Успенский собор, можно заключить, что в предложении царя имелись в виду храмы и монастыри – собственно Московские, а не иногородние.

Собор архиереев не мог иначе отнестись к царским предложениям, как с полным одобрением и выражением согласия на них. На предложение о частицах Животворящего Древа и Ризы Господней собор отвечал: «Зело то его Великого Государя намерение благоприятно ко украшению святыя церкви и к крепости недвижимои того пребогатаго и неоцененного сокровища: сие утверждаем тако быти, как писано в предложении царском». (Ответ 6-й). На вопрос о частицах мощей Предтечи и других святых, хранившихся в Благовещенском соборе: «сему соборне утверждаем быти так, как писано в Предложении царском, а в которые монастыри к церквам такожде и к приходским церквам же, которые мощи отдать, то должно чинитися по воле Великого Государя» (Ответ 7 й).

В одном из современных (17-му веку) памятников написано: «тогож (1682 г.) Апреля в 15 день (это была Великая Пятница) перекладывали в новой ковчег ис старова Ризу Господню»<sup>333</sup>,... Следовательно, намерение Феодора Алексеевича «устроить для Ризы Господней особый ковчег» было осуществлено вскоре после февральских заседаний собора 1682 г. Вероятно, и относительно Животворящего Древа желание царя было исполнено немедленно, но по этому вопросу известий никаких не сохранилось. Что касается раздачи частиц мощей из Благовещенского собора по приходским церквам и монастырям, то наличность частиц мощей разных святых почти во всех Московских храмах дает право предполагать, что часть их была передана сюда, именно, по желанию набожного и усердного к храмам Феодора Алексеевича.



## Глава XI-я. Общий взгляд на деяния собора 1682 года

Кому обязаны своим происхождением поставленные на соборе 1682 года вопросы. – Связь царских предложений собору с общим планом реформ в государственном отношении, задуманных в царствование Феодора Алексеевича. – Значение постановлений собора для последующей жизни. – Значение актов собора, как документа своего времени. – Поучительная сторона в деятельности собора 1682 года.

Изложенными в предыдущих главах постановлениями по предложениям Феодора Алексеевича исчерпывается все дело изучаемого собора. Как видим, по количеству и разнообразию рассмотренных на нем царских предложений, церковный собор 1682 года не представляет чего-нибудь выдающегося из ряда подобных ему. Но если с этой стороны он не может привлечь к себе особого внимания, за то смелость и широта замысла, вложенная в некоторые из предложенных на его обсуждение вопросов, и несомненная их важность для тогдашней жизни сообщают ему бесспорное значение выдающегося исторического факта. Это редкий и довольно замечательный момент в истории русского церковно-общественного самосознания. Как мы видели, здесь смело были выдвинуты на очередь такие вопросы, которые даже и позже едва-ли когда с такою безбоязненностью выносились правительством на общее решение. Так, например, вопрос о соподчинении митрополитам епископских кафедр и умножении на Руси числа архиереев преследовал не только коренное переустройство управления в Русской церкви, но радикально изменял положение русского архиерея в его отношении к пасомым и проектировал сразу увеличить количество епископов на Руси до таких размеров, которые и гораздо позже едва были достигнуты и то в течении длинного промежутка времени и с немалыми затруднениями. Вопрос о нищих вносил и для наших дней поучительный взгляд на дело организации общественной благотворительности. Значительной важности были также вопросы о раскольниках, о

монашествующем духовенстве и т. д. В виду такой выдающейся важности поставленных на соборе вопросов, прежде чем закончить речь о нем, любопытно ответить на вопрос, кому-же эти вопросы обязаны своим происхождением, кого должно признать инициатором всего дела собора?

Судя по предметам содержания и общему их церковному характеру инициативу и проекты поставленных на соборе вопросов естественнее всего было бы приписать патриарху Иоакиму, как главе церкви. Так это и делает в своей монографии этого патриарха священник Смирнов<sup>334</sup>, который все дело собора 1682 года приписывает личности Иоакима, но согласиться с названным автором нет достаточных оснований. Не в пользу патриарха, как начинателя дела, следующие соображения: Вопрос об умножении «подвластных» митрополитам епископов, «а святейшему патриарху, отцем отцу, имети многих епископов», благоприятное разрешение которого неминуемо должно было бы ограничить власть патриарха в своей епархии, (так как чрез это получал силу голос собора этих епископов) и сократить его доходы, не мог принадлежать ему, потому что Иоаким вовсе не известен в истории со стороны бескорыстия и отсутствия у него властолюбия. Наоборот, есть прямые свидетельства о крайней расчетливости и, в особенности, о ревнивом охранении им своей власти. О первой черте свидетельствует «наказная память» его «поповскому старосте»<sup>335</sup> о сборе с приходского духовенства церковной дани, проникнутая ревновым радением об архиерейской казне. Ею приказывалось «обложить данью все церкви», необложенные до того времени, «а в малых приходах некоторой платеж меньше полтины не окладывати... на попех за утаенные дворы велеть правити промыт... собрати все без недобору, а на ослушниках правити без всякия пощады»..., при чем высчитывалась каждая копейка. Не мешает здесь же припомнить его росписание<sup>336</sup> пошлин с новоставленников, где такса м общем хотя и понижена, но патриаршие интересы соблюдены с особой строгостью. О второй черте свидетельствует отношение этого патриарха к его предшественнику Никону<sup>337</sup>, проникнутое большим опасением

возвращения последнего на патриаршую кафедру, – неприязнь к Симеону Полоцкому<sup>338</sup>, влиявшему на царя Феодора, и – борьба с Сильвестром Медведевым<sup>339</sup>. Вне интересов патриарха стояло также предложение собору об отобрании у монастырей, а следовательно, некоторым образом и у патриарха и архиереев (так как они владели и пользовались монастырями), царской руги. Точно также едва-ли могло быть желанным для него поднятие вопроса о перенесении на исключительную архиерейскую ответственность устройства и содержания нищих, или также–вопроса о раскольниках, отнесенного собором 1667 года почти на исключительную ответственность гражданской власти и т. п. Что все эти вопросы, действительно, были подняты не патриархом, подтверждается глубоким молчанием соборных актов об его особом внимании к делу обсуждения их на заседаниях собора и к исполнению по ним постановлений собора. Так, если бы вопрос о «подвластных» епископах принадлежал по своему происхождению патриарху; ужели последний не постарался бы заранее склонить на свою сторону сильнейших своим влиянием архиереев и решить его на соборе по своему желанию? Между тем число новых епископских кафедр еще до февральских заседаний собора в ноябре 1681 года по «совету патриарха уменьшено с 72 до 33, а в заседании 8 февраля 1682 года – согласием Великого Господина, святейшего Иоакима, патриарха Московского и всеа Руси, приговорили быть вновь архиереем» только в 11-ти пунктах. Если допустить, что Иоаким согласился с архиереями на это ограничение вынужденный к тому архиерейским настоянием, тогда почему он не воспользовался сейчас-же после заседаний, собора хотя небольшим, но все же значительным результатом, достигнутым на соборе. Если бы мысль и желание увеличить количество архиереев принадлежала ему, он, конечно, поспешил бы рукоположить таковых во все одиннадцать, названных в архиерейской челобитной, городов, а между тем после собора он поставил вновь лишь четырех архиереев и то пока был жив царь, а по смерти Феодора не поставил больше уже ни одного. Ясно, что патриарх держал себя в стороне от этого дела собора. Такое же

безучастное отношение его видно и к другим вопросам, предложенным собору: патриарх с своей стороны не сделал ни одного возражения против постановлений митрополитов и архиепископов и не обнаружил никакого старания о проведении постановлений в жизнь. Все это показывает, что Иоаким, – председатель собора, не был на нем проводителем своих идей и планов, а просто – руководителем (иногда даже неблагоприятным делу) в решении вопросов, выдвинутых на очередь кем-то другим. Наконец, он и сам приписывает все начинания собора царю<sup>340</sup>, а если бы они принадлежали ему самому, ужели он хоть бы намеком не упомянул об этом в соборных актах?

Только что указанные соображения в известной доле со всею справедливостью можно приложить и ко всем тогдашним русским архиереям. Что было невыгодным в поставленных на соборе вопросах для патриарха, то было таковым же и для архиереев, а потому нельзя найти достаточных оснований, чтобы инициативу соборных вопросов приписать им. Нет и в актах собора ни одного намека на то чтобы вопросы собора исходили от архиереев<sup>341</sup>. Остается, таким образом, почин в этом важном деле нашей истории перенести с пастырей на пасомых.

Среди пасомых – первое место занимает «хранитель» православия на Руси «благочестивый царь». В пользу Феодора Алексеевича, как начинателя дела, свидетельствуют, по-видимому, прямые указания соборных актов. В одном месте их говорится: «егда написанный свиток, в нем же разные подлоги суще, требующие соборного суждения нам, патриарху, от Великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича... принесется, тогда мы, приемше оный... во-первых, всех добродетельств виновника и смыслов подателя Господа Бога благодарихом, яко на сие лепотворное и достолепное во всем многонародном Российском царствии дело даровал Его Царского Величества благожеланному сердцу промышление стяжати и, яко есть (по писанию) во мнозе совете спасение, с нами ради лучшего изрядства и церковного согласия, благоволил ему Великому Государю, во общую

пользу, совеща́тися»<sup>342</sup>... Приведенными словами патриарх Иоаким ясно приписывает дело почина в соборных вопросах царю Феодору. Затем, и все предложения обращены к собору также непосредственно от лица царя и, наконец, видно его особенное внимание к делам собора из неоднократного напоминания его патриарху о необходимости обсудить эти вопросы<sup>343</sup>. Однако и к этим прямым свидетельствам нужно относиться с большою осторожностью, дело в том, что при рассмотрении деяний других соборов этого и прежнего времени можно заметить, что и там была такая же постановка дела: собор созывался царем, от его лица велась речь к отцам собора «о нужных делах», он делал предложения собору и т. д., так велось, например, дело на Стоглавом соборе<sup>344</sup>, так было и на соборе 1666–67 года, между тем вопросы этих соборов не всегда исходили от царя и были его личным делом. Вносить предложения на церковный собор от имени царя было, очевидно, только принятым на Руси обычаем. Следовательно, вопрос о начинателе дела собора 1682 года для точного его разрешения требует не простого только доверия к соборным актам. Решение вопроса о степени участия Феодора Алексеевича в почине дела собора особенно затрудняется тем обстоятельством, что нет достаточно определенных данных об его личности. Сопоставляя личность Феодора, на сколько она известна в исследованиях по истории, с делами, относящимися к его царствованию, невольно приходишь в раздумье,... что правда: то-ли, что говорится о болезненности и малоспособности к управлению этого царя, или то, что осталось памятниками задуманных в его короткое царствование планов в гражданском и церковном отношении? Царь Феодор умер на 21-м году от рождения, царствовать начал на 15-м году. Годы с 15–20 в жизни человека – период развития и сложения у него убеждений и взглядов, время еще воспитания и обучения его; в этом возрасте человека не может считаться зрелым и способным на самостоятельную широкую деятельность, а тем более касающуюся такого сложного механизма, как русское государство 17-го века. Самостоятельная деятельность для Феодора Алексеевича в его возрасте возможна была бы только

в том случае, если бы он был человеком исключительных духовных дарований. Между тем о выдающихся способностях Феодора не имеется никаких ясных свидетельств, наоборот даже известно, что он не успевал в некоторых науках<sup>345</sup>, а главное, что он все первые годы своего короткого царствования находился постоянно почти в постели под попечительством сестер и мамок, и уж конечно, не до государственной деятельности было ему в это время, а когда несколько оправился от своей болезни<sup>346</sup>, 18-ти лет должен был жениться. Затем быстро следует: потеря любимой жены и первого сына, новая женитьба, – все такие обстоятельства, которые должны были сильно препятствовать самому ему думать о переустройстве в делах государства. Правда, есть отзывы<sup>347</sup> о нем как человеке, любившем много читать, посещать типографии, изучавшем под руководством Симеона Полоцкого польский язык и т. п., но все они не выдвигают его из ряда обыкновенных людей и не дают права предполагать в нем ни зрелости ни особенной обдуманности по отношению к управлению государством<sup>348</sup>. Так что справедливее будет, говоря о правительственной деятельности Феодора Алексеевича, постоянно иметь в виду людей его окружавших. Следует думать, поэтому, что вопросы собору 1682 года так-же, как и другие планы и начинания этого царствования, принадлежали в значительной доле государственным деятелям того времени. Между ними как наиболее способных можно отметить Василия Васильевича Голицына, Лихачева, Языкова и, в некоторой степени, воспитатели царя Симеона Полоцкого. Как подтверждение мысли о зависимости начинаний Феодора от упомянутых лиц важно совпадение замечательнейших распоряжений и проектов его царствования, именно, с теми годами, когда, по устранении Милославских, Языков, Лихачев и Голицын получили главное на него влияние.

О Голицыне, имевшем при Феодоре сильнейшее влияние на государственные дела, современники его пишут: «этот министр, без сомнения, был самый достойный и просвещенный вельможа при дворе Московском: он любил иностранцев,... хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей сделать

людьми, трусов сделать храбрыми, пастушеские шалаши превратить в каменные палаты»<sup>349</sup>... У него была большая по тому времени и довольно своеобразная библиотека; там среди других книг были: «книга писанная вручение привилегии на академию», книга писанная «о гражданском житии, или о поправлении всех дель, яже належит обще народу», четыре книги немецких, книга рукописного права, или устав воинский голландской земли, судебник, артикулярная, рукопись Юрия Сербенина (Крижанича), книга о ратном строю, книга землемерная и т. п.<sup>350</sup>. Лихачев и Языков<sup>351</sup> были также люди новые, молодые и способные критически отнестись к недостаткам современного им государственного и общественного строя. Симеон Ситианович, как человек знакомый с лучшими заграничными порядками, в свою очередь мог возбудить и поддерживать в своем питомце критическое отношение к некоторым порядкам и, будучи монахом, обратить внимание царя на церковную область<sup>352</sup>.

Среди других начинаний, которыми так полно<sup>353</sup> кратковременное царствование Феодора Алексеевича, правительство его не могло обойти вниманием церковной жизни потому, что забота о церкви тогда считалась первою обязанностью царя. Царь на Руси был, прежде всего, и главным образом «веры православные хранитель». Даже свободомыслящие люди того времени говорили: «Една (первая) скорбь морает краль постановить оные вещи, кои к вере и к благочестию пристоят»<sup>354</sup>. А чтобы понять почему гражданское правительство, которому есть вся вероятность приписать в настоящем случае почин в поднятии церковных вопросов, при проведении своих планов не нашло возможным обойтись без предварительного обсуждения и одобрения их представителями церковной власти, нужно помнить, с одной стороны, что в 17 веке Русское государство было столько же управляемо царем, сколько направляемо в главнейших вопросах патриархом и освященным собором. Согласие с голосом, идущим от представителей церкви, признавалось тогда весьма важным условием успешности политических и гражданских начинаний, так что Боярская Дума не позволяла себе решать без

одобрения освященного собора даже вопросы внешней и внутренней политики. А с другой стороны, провести в жизнь без одобрения соборной власти церковные планы не позволяли Феодору Алексеевичу и его личные свойства. Он был воспитан в «непорушном древнем благочестии», с малолетства окружен церковными книгами, образами, женщинами-богomoлицами и монахами. Из книги «Выходы»<sup>355</sup> можно видеть, что он неустанно является к домашним молениям и торжественным богослужениям, причем не ограничивается посещением дворцовых и кремлевских церквей, но часто устраивает богомольные походы «к Троице», в ближние к Москве монастыри и подмосковные села, строит храмы, украшает иконы<sup>356</sup>, жертвует облачения духовенству, увлекается церковным пением, благоговееет пред саном патриарха... Понятно, когда такому царю окружавшие его государственные дельцы представили план необходимых церковных преобразований, он никак не мог найти в себе достаточно права и смелости провести эти реформы одной своею властью. Чтобы в таких делах обойти соборный голос, нужны были: несокрушимый характер и ни перед чем не останавливавшаяся решимость его брата – Великого Преобразователя.

Но если вопросы, поставленные на соборе, были делом гражданского правительства, то, естественно, они должны были стоять в связи с общим планом реформ в государственном отношении, задуманных в царствование Феодора Алексеевича, и церковный собор 1682 года должен был, таким образом, иметь свое определенное место в течении государственной жизни того времени. Следовательно, чтобы установить общий правильный взгляд на изучаемый собор, необходимо, определить связь его с общим течением тогдашней государственной жизни, указать точнее место его в общем ходе нашей истории. Говоря о планах и действиях правительства во 2-й половине 17 века необходимо всегда помнить, что это время на Руси было особенным по своему направлению. Это была переходная эпоха Русского государства от старой жизни к новой, – период усиленного обнаружения в русском передовом обществе чувства недовольства собою и искания лучших форм и порядков



общественной и государственной жизни<sup>357</sup>. Общее направление времени заметно отразилось, в частности, на планах и начинаниях царствования Феодора Алексеевича. Собирая главнейшие правительственные и законодательные распоряжения и планы этого царствования, нельзя не заметить, что большинство их проникнуто реформаторским направлением, хотят изменить неудовлетворительное старое по разным государственным вопросам на более лучшее новое. Вот ряд особенно выдающихся, известных нам, таковых узаконений и начинаний:

1) В 1676 году 25 Мая расширена была привилегия, данная при Алексее Михайловиче «серебряного дела мастеру Ерофеевке Ножовщиков с товарищи» на искание серебряной, золотой и медной руды по Волге, Каме, и Оке и сохраняла свою силу таковая же, доёная в предыдущем году Вины усю Андрею, Петру Марселису и Еремею Фанцергатену<sup>358</sup>. Ясное дело, правительство Феодора заботилась о расширении горнозаводской деятельности, имевшей выдвинуть Русь в ряд промышленных государств. 2) В 1679 году членотсечение заменено ссылкой в Сибирь<sup>359</sup>; 3) тогда же отменены были «городельщики, сыщики, губные старосты, ямские прикащики, осадные пушкарские, засечные, житничные головы» и присылавшиеся из Москвы «сборщики», все их дела велено «ведать воеводам», чтобы «впредь градским и уездным людям в кормах лишней тягости не было»<sup>360</sup> – распоряжения, говорящие сами за себя. 4) В 1680 году разосланы грамоты, «чтобы в приказных избах и тюрьмах колодников никого ни в каких делах многих дней не держали, решали бы их дела немедленно и впредь тюремным сидельцам властного с новоприводных людей, которые посажены будут в тюремный двор и за решетку, брать не велено»<sup>361</sup>. 5) В том же году отменена неудобная форма в челобитных, – «чтобы государь пожаловал умилился, как Бог», вместо этого велено писать: «для приключившегося которого праздника и для его государственного многолетнего здравия»<sup>362</sup>. 6) В 1681 году служилым людям словесно объявлен был в Москве царский указ, повелевавший им оставить обычай, в силу которого

служилые люди даже высоких чинов, – стольники, стряпчие и другие, – встретившись на дороге с боярином, думным или ближним человеком, сходили с лошадей и кланялись в землю. Указ предписывал бояр, думных и ближних людей почитать и достойную им честь воздавать, но при встрече с ними на дороге только посторониться, повернув лошадь, и поклониться «по обычаю», а с лошадой сходить и бить челом «пристойно одному великому государю»<sup>363</sup>. 7) В том же 1681 году издан указ всему синклиту и всем дворянам и приказным людям носить короткие кафтаны вместо прежних длинных охабней и однорядок: в охабне или однорядке никто не смел являться не только во дворец, но даже и в кремль<sup>364</sup>. 8) В Июле этого года были уничтожены откупа на винную торговлю и на таможенные сборы, стрелецкие деньги (на жалованье стрельцам) решено брать по новому окладу «перед прежним с убавкою»<sup>365</sup>. 9) Тогда же в Декабре, вызвали в Москву выборных со всего государства по два человека от каждого посада по вопросу о финансовом переустройстве в государстве «для разборов и уравниения во всяких службах и податях»<sup>366</sup>. 10) Одновременно шли рассуждения служилых выборных людей под руководством Голицына о преобразовании ратного строя и уничтожении местничества, каковое 12 Января 1682 года и уничтожено<sup>367</sup>. 11) По всей вероятности, в это же время, т. е. в конце 1681 года, «палатстии бояре» предложили царю Феодору разделить государство на несколько наместничеств и рассадить по ним наличных представителей Московской знати со значением действительных «несменяемых» наместников тех областей, которые прежде составляли особые независимые царства и княжества. 12) Вслед за тем идет проект росписи высших чинов и должностей по степеням<sup>368</sup>. 13) К царствованию же Феодора Алексеевича относится указ-проект о призрении убогих и уменьшении нищих<sup>369</sup>, (о котором была речь в главе о нищих), предлагавший особенные способы разбора нищих, основанные на идее общественной благотворительности, – при чем рекомендовалось заведение общественных богаделен, рабочих домов, приютов для детей, где бы их обучали разным ремеслам

и техническим искусствам. 14) Наконец, к тому же царствованию относится проект высшего училища в Москве или академии<sup>370</sup>.

Предложения Феодора Алексеевича церковному собору 1682 года стояли не только на ряду с перечисленными гражданскими планами и начинаниями этого царствования, – были одновременны с ними, – но и в тесной неразрывной связи с некоторыми из них, так, например, вопрос о разделении территории русской церкви на 12 митрополий, соответствовавших прежним отдельным царствам и княжествам, стоял, как мы видели, в тесной связи с гражданским проектом об учреждении по тем же прежним царствам и княжествам особых наместничеств, или вопрос о призрении нищих – с гражданским проектом о богадельнях и рабочих домах... Несомненно, поэтому, что и предложения собору должны быть отнесены также к числу реформаторских начинаний Феодорова царствования и являются пред нами выражением взгляда лучших людей своего времени на церковно-общественные порядки и строй тогдашней жизни. И действительно, в этих вопросах, как мы видели при изложении их, правительство Феодора Алексеевича выдвинуло на очередь план полного переустройства и преобразования существовавших порядков церковно-общественной жизни. Оно задавалось целью: а) перестроить по каноническому образцу церковное управление на Руси – и поставить русского архиерея в более соответствовавшее его назначению отношение к пастве, б) поднять нравственный уровень белого и черного духовенства, в) дать более правильную организацию благотворительности, г) ослабить пропаганду раскола, д) поддержать порубежное православие, е) устранить неурядицы в обрядовой и бытовой области церковной жизни и т. д. Одним словом, на деяния собора 1682 года, со всею справедливостью, можно смотреть как на один из ряда моментов обнаружения критической мысли русского передового общества в период работы, подготовившей реформы Великого Петра.

Что касается, далее, практического значения постановлений собора, то оно, как мы видели, далеко не стоит в соответствии с широкими и смелыми планами, послужившими к ним поводом.

Ранняя смерть Феодора Алексеевича и последовавшие за нею смуты в государстве не дали пройти в жизнь большинству намеченных в предложениях собору и самим собором мероприятий, так что широкие и смелые планы имели весьма незначительные последствия. Но совершенно без результатов они все-таки не остались. Подводя итог им, мы находим что осязательными действиями соборных постановлений 1682 года в последующей жизни были, во 1-х, учреждение четырех новых епархий, (так что на Руси вместо 17 стало 21 епархия); одного нового архиепископского титула и нескольких митрополичьих, затем, более энергичное противодействие злоупотреблениям со стороны раскольников, проявление большего участия архиереев к «порубежным» православным жителям, обмежевание церковных земель и кладбищ, устройство нового ковчега для Ризы Господней и, наконец, раздача частиц св. мощей из Благовещенского собора по приходским церквам Москвы.

Но если нет достаточных оснований признать за соборными постановлениями 1682 года и предложениями, по которым они даны, большего практического значения и влияния на последующую жизнь, за то нельзя не отметить их в качестве любопытного исторического документа. Как письменный памятник своего времени они служат, во 1-х, хорошим первоисточником, пополняющим скудные данные о недостаточно еще обследованном царствовании Феодора Алексеевича, во 2-х, довольно полной характеристикой нравов и быта русского общества конца 17-го века.

а.) Стоя на ряду и в связи с гражданскими начинаниями царствования Феодора Алексеевича, предложения его собору 1682 г. своим реформаторским направлением являются новым подтверждением того, что короткое царствование этого молодого государя, о котором так мало знает история, было подготовительною ступенью к великим преобразованиям Петра 1-го. Если гражданские планы и начинания Феодора имели в себе зародыши многих государственных реформ Петра, вплоть до введения на Руси коротких, – на манер западно-европейских, – костюмов<sup>371</sup>, то в предложениях его собору 1682 года можно подметить программу «Духовного» петровского «регламента»:

Строгие меры против нравственных недостатков черного и белого вдового духовенства, узаконений о нищих, о почтении к храмам, о раскольниках и т. п., какие мы читаем в регламенте, все намечены в деяниях собора 1682 года. Царствование Феодора в нашей истории мало выдвигается с указанной стороны (т. е. как реформаторское) только потому, что энергичная ломка его брата заслонила собою начинания его предшественника. Но если реформы Петра своею неожиданностью и быстротой заставили себе удивляться, то начинания Феодора отличались особым внутренним преимуществом: внося в жизнь изменения, они не отрывали ее сразу от привычных основ, насаждали новое без поспешной ломки старого. Какое бы дело ни начинал Феодор, он спрашивался с жизнью, стараясь узнать на сколько оно сродно, подходяще к ней, на сколько оно сообразно с потребностями страны и народа. У него постоянные совещания: то с выборными от городов и посадов, то – от военных людей, то – от податных сословий. Коснулось дело церковной жизни, он справляется с голосом церковных представителей. Мероприятия его не предполагают совершенно новых учреждений и форм жизни, – ненужной ломки старых, а стараются сохранить привычные лучшие формы, подменив в них только поисшатавшиеся стороны<sup>372</sup>.

б.) Как характеристика своего времени акты собора дают возможность обрисовать русское общество конца 17-го века почти во всех его слоях. Пред глазами изучающего их проходят: и архипастыри того времени с их силой и значением в государстве и епархиях, и забитое материальной нуждой бесправное приходское духовенство с обычной такому состоянию нравственною неопрятностью, и обеспеченное, порочное от праздности и невежества, монашество, и внешне-набожный, но без религиозного просвещения народ с его привязанностью к обрядности и небрежением к святыням веры, и назойливые, некормленные русским добродушием, нищие... Можно уловить в актах черточки бытовых картинок того времени: шумные базары у монастырей и приходских храмов с продажей кваса и вина, – уличная обстановка городов с

часовнями на перекрестках и проповедниками при них «древлего благочестия», со встречающимися нередко в нетрезвом виде монахами и вдовыми попами, сидящие на перекрестках и просящие милостыню инокини, беспорядки во время богослужения от нищих и т. п. Свидетельство соборных актов обо всем этом имеет тем большую цену в глазах историка, что оно есть не единоличный чей-либо взгляд на жизнь того времени, могущий быть односторонним и предвзятым, а голос собора русских архипастырей и самого правительства.

Наконец, для того, кто захотел бы в деяниях собора 1682 года искать исторического урока, можно указать в вопросах царя и соборных постановлениях по ним, как достойное подражания, беспристрастие людей конца 17-го века в отношении их к порядкам своей жизни. Здесь, не стесняясь ни лицами, ни учреждениями, вынесены были на открытое обсуждение и обличение почти все темные стороны тогдашней церковно-общественной жизни. Современники и деятели собора не руководились фальшивым чувством излишней деликатности в суждении о современных порядках и их отрицательных сторонах, чувством, которое часто ведет к намеренному умолчанию о существующих язвах жизни и граничит с самодовольством и нравственной спячкой, – а смело и открыто осудили их и по мере умения и сил стремились к обновлению жизни и улучшению ее порядков. Смелость открытого самоосуждения есть верный залог самосовершенства и этому беспристрастию в отношении к себе и существующим порядкам можно поучиться и нам у деятелей изучаемого собора.

*Н. В.*

## Приложения

## Приложение 1

7190/1681. Сент. окт. № 1 (помета архива)<sup>373</sup>.

**«Росписание всех епархий и монастырей с показанием, сколько за которым монастырем дворов» (помета архива).**

*Первые листы тетради крайне ветхие и разорванные, от них имеются лишь клочки, на которых можно прочесть далеко не все.*

Господина Святейшего Иоакима.....<sup>374</sup> Московского..... и  
всеа..... в которых городех..... монастырем.....  
Живоначальные Троицы Сергиева монастыря в московском  
уезде и в разных городех 17,375 дворов. За Чудовым  
монастырем в Московском уезде и выных городех 2120 дворов.  
За Спаским монастырем Нового в Московском уезде и выных  
городех 1985 дворов. За Знаменским монастырем, что на  
государевом старом дворе, в Московском уезде и в городех 232  
двора. За Вознесенским девичим монастырем в Московском  
уезде и в городех 369 дворов. За Даниловым монастырем, что  
под..... в Московском уезде и в городех 176 дворов. За  
монастырем Пресвятыя Богородицы Донские в Московском  
уезде 32 двора. За Рождественским Девичим монастырем, что за  
Пушечным двором, в Московском, да в Дмитровском уездах 123  
двора. За Вознесенским монастырем Давыдовы пустыни в  
Московском и в Коломенском уездах 87 дворов.....  
(Геор)гиевским девичим монастыре за житным рядом 142 двора  
девичим монастырем, что на Пречистенской улице в  
Московском уезде и в городех 117 дворов. За Николским  
монастырем, что за иконным рядом н Московском уезде 11  
дворов. За Воздвиженским монастырем, что на Орбате, в  
Московском и в Верейском уездах 13 дворов. За  
Златоустовским монастырем, что на Покровке, в Московском  
уезде и выных городех 58 дворов, да сверх переписных книг в  
Углицком уезде..... 30 дворов, всего 88 дворов..... За  
Николским-ж монастырем, что на Угреше, в Московском уезде и  
в городех 313 дворов. За Воскресенским монастырем, что на  
Твери... в Московском уезде 8 дворов. За Воскресенским



монастырем, что в Московском уезде на Истре реке, сверх переписных книг в городех 251 двор.

Володимер... монастырем в Московском уезде и в разных городех 1473 двора. За Боголюбвым монастырем 233 двора. За Спаским Золотовироцким монастырем 98 дворов. За Успенским девичим монастырем 124 двора. За Покровским монастырем, что на Усть..... 50 дворов..... За Егорьевским, что в Володимере на посаде 8 дворов. За Николаевским Золотовороцким монастырем 8 дворов. За Козминым монастырем 95 дворов.

Дмитров..... За Борисоглебским монастырем, что в Дмитрове на посаде 113 дворов. За Николским Песношским монастырем 376 дворов. За Троицким монастырем, что на Нерли 21 двор. За Николским и Пятницким монастырем, что в Берендеевском стану 28 дворов.

Можаеск . ... жецким монастырем 78 дворов... монастырем, что в Можайску на посаде 8 дворов..... За Иоакиманским монастырем, что на посаде ж 8 дворов. За Предтеченским Колоцким монастырем 17 дворов. За Троицким монастырем 7 дворов. За Борисоглебским монастырем 4 двора.

Переяславль Залеской. За Троицким монастырем в Московском уезде и в розных городех 670 дворов. За Троицким Давиловым монастырем 318 дворов. За Никицким монастырем 307 дворов. За Федоровским монастырем 179 дворов. За Борисоглебским монастырем, что на... двор..... За Покровским монастырем Антониевы пустыни 47 дворов. За Семеновским монастырем, что под Александровою слободою 4 двора. За Николским монастырем, что на Болоте, 11 дворов.

Звенигород. За Савиным монастырем Сторожевского и с приписными монастырями 1291 двор.

Верея. За Входиеросалимским монастырем 15 дворов.

Волок Ламской. За Иосифовым монастырем 991 двор. За Возмицким монастырем 36 дворов. За Успенским Левкиева монастырем 24 двора.

Воровеск. За Рождественным Пафнотиевым монастырем 912 дворов.

Ярославец Малой. За Тихоновою пустынею 90 дворов.

Масалеск. За Успенским Боровенским монастырем 79 дворов.

Колуга. За Рождественным монастырем, что на посаде 26 дворов.

Алексин. За Благовещенским Бундыревым монастырем 54 двора.

Серпухов. За Высоцким монастырем в Московском уезде и в розных городех 302 двора. За Владычным монастырем в розных городех 126 дворов.

Ржева Володимерова. За Троицким Селижаровым монастырем 71 двор.

Торопец. За Троицким Кудиным монастырем 64 двора. За Троицким Небиным монастырем 4 двора.

Кострома. За Ипацким монастырем в Московском уезде и в розных городех 3436 дворов. За Богоявленским монастырем 1079 дворов. За Воздвиженским монастырем 141 двор.....цким Шеренским монастырем 55 дворов. За Генадьевым монастырем 358 дворов. За Богородицким Ризположенским девичим монастырем 76 дворов. За Сыпановым (?) монастырем 15 дворов. За Спаским за Прудным монастырем 14 дворов. За Богородицким Игрицким монастырем... дворов. За Надейною пустынею 3 двора.

Галич. За Троицким монастырем Варнавины пустыни 50 дворов. За Спаским монастырем 72 двора. За Богородицким монастырем Верхнее пустыни 13 дворов. За Богородицким Ризположенским монастырем Авраамиевы пустыни 82 двора. За Авраамиевым Городецким монастырем 310 дворов. За Успенским монастырем Жуковы пустыни, что на речке на Вексе, 9 дворов. За Воскресенским монастырем, что на посаде у Соли 5 дворов. За Васильевским монастырем, что в Галиче на посаде три двора. За Фроловским монастырем, что у Галицкого озера 41 двор. За Николским монастырем, что в Галиче на посаде 23 двора. За Зачатейским девичим монастырем, что в Галиче на посаде 17 дворов. За Макарьевским Желтовоцким монастырем 318 дворов. За Благовещенским монастырем, что на Укороже 18 дворов. За Рождественным девичим монастырем, что в Галиче на посаде 6 дворов. За Богородицким Паисеиным монастырем

680 дворов. За Благовещенским монастырем Андреяновы пустыни, что на реке на Костроме 35 дворов. За Предтечевым монастырем что на Железном борку 502 двора. За Успенским Авраамиевым Новоозерским монастырем 310 дворов.

Арзамас. За Преображенским монастырем 247 дворов.

Темников. За монастырем Рождества Богородицы Пурдышевским 207 дворов.

Балахна. За Покровским монастырем 41 двор. За Дудиным монастырем 3 двора.

Юрьеvec Поволской. За Успенским монастырем Дорофеевы пустыни 384 двора. За Макарьевским Желтовоцким монастырем 7 дворов. За монастырем Иоанна Предтечи 3 двора. За Богоявленским монастырем 4 двора.

Путивль. За Молченским монастырем 189 дворов. За Борисоглебским монастырем 17 дворов. За Духовым девичим монастырем 21 двор. За Преображенским Новым монастырем 18 дворов.

Рылеск. За Николаевским монастырем Волынские пустыни 135 дворов. За Дмитриевскою пустынею Селунского 16 дворов.

Брянск. За Свинским монастырем в Брянском и в Белевском уездах 753 двора. За Петровским монастырем, что в Брянску на посаде 97 дворов. За Спаским монастырем 53 двора. За Спаским монастырем, что на Козьи степи 13 дворов. За Спаским монастырем, что на Ондrejaнове горе 8 дворов. За Жиздренским монастырем 22 двора. За Пятницким Молотковским монастырем 16 дворов.

Карачев. За Воскресенским монастырем Тихоновы пустыни 113 дворов.

**Роспись Новгородской епархии городом и монастырем и сколько за теми монастыри крестьянских и бобыльских дворов.**

Великий Новгород. Около Великого Новгорода ближние монастыри:

Юриев 674 двора, Хутынъ 1154 двора, Антоньев 288 дворов, Вяжицкой 784 двора, Духов 231 двор, Кирилов 88 дворов, Клопской 105 дворов, Деревяницкой 193 двора, Лисей 33 двора, Аркажской 12 дворов, Благовещенской 9 дворов,

Отенской 133 двора. Ковалевской 92 двора, Колмовской 90 дворов, Николаевской Белой 53 двора, Ситецкой 8 дворов, Сырковской 3 двора, Николаевской-Островской 76 дворов, Воскресенской на поле 4 двора, Сковороцкой 10 дворов, Болотов 5 дворов, Савинской на Вишере 16 дворов, Николаевской Липенской 10 дворов.

Великого Новагорода в уезде: В Шелонской пятине монастыри: Опоцкой 13 дворов, Посохотин 4 двора, Черноозерской 9 дворов, Сяберской 6 дворов, Леохнов 4 двора, Шклятинской 7 дворов, Молочковской 4 двора, Спаской у Порхова 4 двора, Демянской 19 дворов, Никандровской 8 дворов. В Воцкой пятине: Соловецкой 314 дворов, Николаевской, что в Ладоге 20 дворов, Ивонской в Ладоге ж 30 дворов, Васильевской в Ладоге ж 10 дворов, Николаевской Медвецкой 139 дворов, Полишской 14 дворов. В Деревской пятине: Иверской 2142 двора, Николаевской Боровецкой 12 дворов, Устволомской 3 двора, Подлютовской 2 двора, Галилейские пустыни 14 дворов. В Бежецкой пятине: Николаевской Крутецкой 17 дворов, Перетинской 8 дворов. В Обонежской пятине: Тихвинской 724 двора, Александровской 207 дворов, Николаевской Беседной 5 дворов, Папороцкой 28 дворов, Горвецкой 58 дворов, Ксенофонтов 14 дворов, Ильинской на Свере 4 двора. До Новгородского ж уезда в тех же пятинах города, а уездов у тех городов нет: В Воцкой пятине город Ладога. В Шелонской пятине город Порхов.

Да Новгородские ж епархии города с уезды: Город Луки Великие, на посаде монастырь Троицкой Сергиев, крестьян нет. В уезде монастырь Кулюбацкой 39 дворов. Город Старая Руса, на посаде монастырь Спаской 104 двора, в уезде Северской 2 двора. Город Колмогоры, в уезде монастыри Сийской 315 дворов, Николаевской Корельской 50 дворов, Чухченемской 29 дворов, Усть-Межигорской 7 дворов. Город Архангелской, на посаде монастырь Архангелской 48 дворов. Город Мезень. Город Кеврола. Город Пенег. И тех городов в уездах монастырей нет. Город Каргополь: на посаде монастырь Спаской 5 дворов. В уезде монастыри ж Крестной 869 дворов, Ошевенской 9 дворов, Спаской Пахомьев 5 дворов,

Кожеозерской 111 дворов, Сырьинской 7 дворов, Колодозерской 7 дворов, Кенской 1 двор. На Ваге Шенкурской острог, в уезде монастыри: Иванской Богословской 50 дворов, Уздринской 30 дворов, Клоповской 9 дворов, Сетринской 7 дворов, Агапитов 78 дворов. Бежецкого верху город Городецкой, на посаде Введенская пустыня 10 дворов. В уезде Николаевской Антонов 133 двора. Город Устюжно, на посаде монастырь Воскресенской 24 двора. Пусторжевской уезд, город Заволочье, в уезде монастыри: Никалаевской Плеской 93 двора, Хвоинской 3 двора. Город Торжек, на посаде монастыри: Борисоглебской 53 двора..... 54 двора. Николаевской пустынной 30 дворов. Город Олонец, в уезде монастыри: Муромской 23 двора, Палеостровской 12 дворов, Вышеостровской 32 двора. Город Кола, в уезде монастыри: Кондалажской, Печенгской и за теми монастыри крестьян нет. А пустые монастырские земли и угодья отдают на оброк в Великом Новгороде из Дворцового приказы, а в Митрополиче доме неведомы.

**Роспись Казанской епархии монастырем.**

В Казани Преображенской монастырь. В Свяжжк Богородицкой монастырь. В Козмодемьянску Спаской монастырь, что на Волге. В Чебоксарех Троицкой монастырь. В Синбирску Успенской монастырь. На Самаре Преображенской монастырь. На Уфе Успенской монастырь. На Осе Спаской Преображенской монастырь. На Уржуме Спаской Чепецкой монастырь. В Яранску Преображенская пустыня. На Кукарке Покровской монастырь. В Царево – Кокшайску Мирносицкая пустыня. Да приписные Троицкого Сергиева монастыря: в Казани Троицкой монастырь. В Свяжжк Троицкой же монастырь. Да Новоспаского монастыря в Тетюшах Покровской монастырь. В Казанском уезде на Каме реке Ураевская пустыня. А что за которым монастырем вотчин, и то ведомо в приказе Казанского Дворца по переписным книгам 186-го 187-го (1678 и 1679) годов.

**Роспись преосвященнейшего Никифора, митрополита Астараханского и Терского, что в ево епархии градов и монастырей.**

В начале богоспасаемый град Астарахань, а во граде монастырь Живоначальные Троицы, другой монастырь

Преображенской, третий Вознесение Боголепное. Град Терек, а в нем монастырь Благовещение Пресвятыя Богородицы, а ограды никакие нет, ветх, пуст и которая братья в нем живут и те питаютца Христовым именем. Град Саратов; а в нем монастырь Пресвятыя Богородицы Казанские и тот монастырь изволением Божиим и церкви Божии ныне погорело без остатка. Град Царицын, в нем монастырь Живоначальные Троицы. И тот весь оскудал, кормятца мирским подаянием. Град Черной Яр, град Красной Яр, град Яик. И в тех градах монастырей ничего не бывало и крестьян, и бобылей ни единого человека в Астараханской епархии нет.

А сю роспись писал з докладу архиерейского судных и духовных дел подъячишко Ивашко Козлов.

**Роспись Псковским мужским монастырем, сколько их в городе Пскове, и на посаде, и во Псковском уезде с пригороды против переписных книг 187-го (1679) году.**

Во Пскове городе Козмы и Дамьяна Гремяцкой монастырь, а за ним крестьянских и бобыльских 80 дворов. Николаевской Песецкой монастырь, а за ним 40 дворов. Златоустовской Медведев монастырь, а за ним 38 дворов. Спаской Надолбин монастырь, а за ним 10 дворов. Святотецкой монастырь, что за Псковою рекою, а за ним 2 двора. Лазаревской монастырь, что за Псковою рекою, а за ним 6 дворов. Григорьевской Путятин монастырь, а за ним 5 дворов. Да за городом около Пскова на посадах: митрополей приписной Николаевской Кожин монастырь, а за ним 80 дворов. Спаской Мирожской монастырь, а за ним 200 дворов. Дмитриевской монастырь, а за ним 21 двор. Введенской монастырь, а за ним 17 дворов. Обраской монастырь ис поля, а за ним 16 дворов. Никитцкой монастырь, а за ним 8 дворов. Климантовской монастырь в Завеличья, а за ним 20 дворов. Богоявленской Костелников монастырь, а за ним 3 двора. Николской Люботовской монастырь, а за ним 16 дворов, Петра и Павла Сорошинской монастырь, а за ним 32 двора. Да на посаде-ж Савинского Старожевского монастыря приписных: Николской Волковской, да Степановской Луговской два монастыри, а за ними 60 дворов. Да во Псковском уезде: Печерской монастырь, а за ним 1170 дворов. Снятогорской

монастырь, а за ним 400 дворов, Елизаровской монастырь, а за ним 150 дворов. Хрынецкой монастырь, а за ним 140 дворов Снятогорской монастырь, а за ним 82 двора. Великопустынской монастырь, а за ним 85 дворов. Толвицкой монастырь, а за ним 23 двора. Пригород Изборск. А в Изборском уезде Малской-Рожествен монастырь, а за ним 29 дворов. Пригород Гдов. А в Гдове на посаде Николаевской митрополей приписной монастырь, а за ним 80 дворов. Во Гдовском уезде: Покровской Озерской монастырь, а за ним 52 двора, Николаевской Полской монастырь, а за ним 13 дворов. Пригород Опочка. В Опочке на посаде Николаевской монастырь, а за ним 2 двора крестьянских; а в пригороде-ж в Острове и в Островском уезде мужских монастырей нет.

**190-году (1681) сентября в 25 день роспись, сколько в Тферской епархии городов и в них монастырей<sup>375</sup>.**

Тферь, а в ней монастырь Отроч вотчинной, монастырь Федоровской, приписан к монастырю Воскресенскому, вотчинной, монастырь девич Рождественской вотчинной, монастырь девич Афонасьевской вотчинной. В уезде: монастырь Желтиков вотчинной, монастырь Отминской вотчинной, монастырь Саватьевской вотчинной, монастырь Ванижской (? – Успенской, с. *Иванищи*) вотчинной, монастырь Дмитриевской вотчинной, монастырь Николаевской безвотчинной; монастыри приписные домовые: монастырь Оршин вотчинной, монастырь Савин вотчинной. Монастыри приписные к Воскресенскому монастырю: монастырь Страганской вотчинной, монастырь Дудин вотчинной, монастырь Видогожской, приписан к монастырю Донские Богородицы, вотчинной, монастырь Тутанской, приписан к Троецкому монастырю, вотчинной. В Кашине на посаде: монастырь Дмитриевской вотчинной, монастырь Клобуков вотчинной, монастырь девич Стретенской вотчинной. В уезде: монастырь Калязин вотчинной, монастырь Капшин (? – Знаменской, с. *Капино*) вотчинной, монастырь Рябов вотчинной, монастырь Ширинской вотчинной. В Старице на посаде монастырь Успенской вотчинной, монастырь девич Вознесенской вотчинной. В уезде монастыри: Покровской, Николаевской безвотчинные, монастырь Холохоленской

вотчинной, приписан к Троецкому монастырю, монастырь Опекалова пустыни, приписан ко Иосифову монастырю, вотчинной.

Клин, а в нем монастырь Успенской вотчинной, монастырь Успенской же, что слывет Засиминая пустыня, приписан к Воскресенскому монастырю, вотчинной.

**190-го (1681) года сентября в 22 день, роспись, что в Крутицкой епархии городов и в них монастырей.**

Вязма, а в ней Предтечев монастырь вотчинной, Ильинской девич монастырь безвотчинной. Серпейск, а в нем монастырей нет. Мещок, а в нем Егорьевской монастырь вотчинной. Да в уезде: Юхнов монастырь вотчинной, Дорогожанской монастырь вотчинной, Городеченская пустыня без вотчин. Козелеск, в уезде Обтина пустыня без вотчин. Белев, а в нем Преображенской монастырь вотчинной, Воздвижинской девич монастырь без вотчин. В уезде Жабынская пустыня без вотчин. Болхов, а в нем Обтин монастырь без вотчин, Рождественской девич монастырь без вотчин. Ливны, а в нем Сергиевской монастырь вотчинной, Николаевской девич монастырь без вотчин. Чернь, а в нем монастырей нет. Чернавск (?), а в нем Троицкой монастырь пуст. Адоев, а в нем монастырей нет. Мценск, а в нем Петровской монастырь без вотчин, Архангелской девич монастырь без вотчин. Лихвин, а в нем Афонасьевской девич монастырь вотчинной. Монастырь Михаила Малеина пусть. Да в уезде: Доброй монастырь вотчинной, Гремячей монастырь вотчинной, приписной Настасов монастырь, а за ним вотчин в Лихвинском. в Адоевском, в Белевском, в Новасилском уездах двести шестьдесят семь дворов. Новасиль, а в нем приписной Духов монастырь, а за ним сто сорок шесть дворов. Перемышль, а в нем приписной Николаевской монастырь, а за ним тридцать пять дворов. Егорьевской девич монастырь вотчинной. Да в уезде: Лютиков монастырь вотчинной, Шаровкин монастырь вотчинной. Воротынеск, в уезде приписной Спаской монастырь, а за ним дватцать восемь дворов.

**Роспись, что в епархии преосвященного Филарета, митрополита Нижегородского и Алатырского, вотчинных**



## **монастырей.**

В Нижнем Новеграде Печерской монастырь. Великого господина Святейшего Иоакима, патриарха Московского и всеа Росии, домовый Благовещенской монастырь. В Нижегородском уезде: ево-ж великого господина Святейшего Иоакима, патриарха Московского и всеа Росии, домовый же Дудин монастырь, Макариев монастырь Желтоводцкого, Орана поля (? – *Богородицкая, дерев. Ораны (Поляны)*). Словенская пустыня. В Лысцове Богородицкой монастырь. В городе Алатыре Троецкой монастырь, приписан к Троецкому Сергиеву монастырю. В городе Курмыше Рождественской монастырь, приписан к Воскресенскому монастырю. А сколько за теми монастыри вотчин, и крестьянских и бобыльских дворов и об том ведомо в Помесном Приказе и в Приказе Казанского Дворца по переписным книгам прошлого 186-го (1678) году. Да безвотчинных монастырей: В Нижнем Новеграде монастырь Сшествия Святого Духа. В Нижегородском уезде: Ворсомской, Островской Троецкой монастырь, Зеленых гор Отеренская пустыня, Кресто-Маровская пустыня, Архидьяконская пустыня, в Мурашкине Преображенской монастырь, в Ядрине пустыня Казанския Богородицы.

## **190-го (1681) году роспись, что в Коломенской епархии городов и в котором городе что монастырей.**

Город Коломна, вьнутре городе Брусенской девич монастырь. На посаде Спаской монастырь. Да в уезде: Голудвин монастырь да Бабренев монастырь.

Город Кашира. Против города на другой стороне Оки от города верста Троецкой Белопесоцкой монастырь, крестьянских и бобыльских дворов за ним в Каширском уезде в одном городе двести четырнадцать дворов; да в уезде: Пустыня Соколова, крестьян за монастырем четыре двора, да в уезде ж монастырь Березено пустынь, крестьянских и бобыльских четыре двора; да в уезде ж Севолодцкой монастырь.

Город Тула. На посаде монастырь Иоанна Предтеча, да Ружной девич монастырь, да в уезде Венев монастырь. Город Дедилов, в уезде Богоявленской монастырь.

Город Венева. В уезде Богоявленской монастырь. Город Ефремов. В уезде Спаской монастырь. Город Кромь. В уезде Троецкой монастырь. Город Кропивна. На посаде Троецкой монастырь. Город Арел. На посаде Богоявленской монастырь. Что за иными монастыри, которые писаны выше сего, крестьянских и бобыльских дворов, того неведома.

К сей росписи Коломенской домовых дел стряпчей Ивашко Гринев руку приложил.

**190-го (1681) года Сентября в 28 день роспись Вологодцкой епархии городам и монастырям и пустыням.** (На полях: в помесной приказ октября 17.)

Вологда, Белоозеро, Чаронская округа. В Вологодцком уезде степенные монастыри: Спасов-Каменной, Спасов-Прилуцкой, Павлов (Обнорский), Глушицкой-Корнильев. Да нестепенные монастыри и пустыни: Николаевской Озерской, Спасов Нуромской, Инокентьев, Лопотов, Спасов Рабанской, Евфимьев, Катромской, Спасов Печенской, Арсеньев Песочной, Сямской, Пречистенской, Подольной, Александрова пустыня, Репная пустыня. В Белозерском уезде степенные монастыри: Кирилов Белозерской. Ферапонтов. Да нестепенные монастыри и пустыни: Троецкой Устьшехонской, Кирилов Новозсрской, Никицкой, Благовещенской на Ворбозоме, Воронина пустыня, а те все монастыри и пустыни с вотчинами. А в Чаронской округе вотчинных монастырей и пустынь нет.

**Роспись Ростовской епархии монастырям.**

Ростов. Богоявленской монастырь и чудотворца Аврамия, Борисоглебской монастырь на Устье, Спасов монастырь на песках. Троецкой монастырь у Варниц, Петровской монастырь, Николской монастырь на Бою, Андреевской монастырь на посаде.

Ярославль. Спасов монастырь, Толской монастырь, Александрова пустыня, Пресвятыя Богородицы Дамская пустыня, Афонасьевской монастырь на посаде, Воскресенской монастырь на Обноре реке, Вознесенской монастырь на реке ж Обноре, Рождественской монастырь в Носкове, Рождественской монастырь на Елдоме.

Углечь. Воскресенской монастырь на посаде, Алексеевской монастырь, Покровской монастырь, Николской Улеменской монастырь, а ныне приписан к Воскресенскому монастырю, что на Истре, Афонасьевской монастырь на Мологе, а ныне приписан к тому же Воскресенскому монастырю, Учемской монастырь, Шалотской монастырь, Гурьева пустыня, Николской Модинской монастырь.

Романов. Богоявленской Островской монастырь.

Пошехонье. Андреянова пустыня. Златоустовской монастырь, Троецкой монастырь, Рябинина пустыня, Николской Тропской монастырь, Николской Выксинской монастырь.

Устюг Великий. (На полях: В Устюжской чети октября 17). Архангелской монастырь. Троецкой Телегов монастырь; Троецкой Гляденов монастырь, Николской Прилутской монастырь, Ивановской монастырь.

**190-го (1681) году октября в 28 день преосвященного Симеона, митрополита Смоленского и Дорогобужского, стряпчей Василей Истомин в приказе Большого Дворца боярину и дворецкому князю Василью Феодоровичю Одоевскому с товарищи сказал, что есть в пастве преосвященного митрополита монастырей.**

В городе Смоленску: Аврамьевской монастырь, Троецкой монастырь, Вознесенской девич монастырь.

В Дорогобужском уезде: Болдин монастырь, Бизюков монастырь, да пустыня Свирсковы Луки. В городе Рословле заводится Спаской монастырь вновь, а в нем живут четыре брата. А в городе Белой и в уезде монастырей нет. А что есть за теми монастыри великого государя жалованья крестьянских и бобыльских дворов, того мне неведомо, а отказные книги тех монастырских вотчин в приказе княжества Смоленской, то моя и скаска, а скаску писал митрополья казенного приказу подьячей Родка Стефанов.

**Роспись Суздальской архиепископии городам и монастырем.**

В Суздале монастыри с вотчинами: Спаской Еуфимиев монастырь, Покровской девич монастырь. Без вотчин: Васильевской монастырь, Ризположенской девич монастырь,

Троецкой девич монастырь, Александровской девич монастырь, Николаевской девич монастырь. В Суздалском уезде монастыри с вотчинами: Спаской-Кункоцкой монастырь, Борисоглебской Кидекоцкой монастырь. Без вотчин: Успенской монастырь, Золотниковская пустыня, Макарьевская пустыня, Богоявленская пустыня на Мстере, Ивановской девич монастырь, Кузмодемьянская пустыня, Николаевской монастырь, Пищикова пустыня, Петропавловской монастырь, Покровская пустыня, что в селе Иванове, Городецкая пустыня – девич монастырь, Покровской девич монастырь, что на Куксе, Богородицкой девич монастырь, что на Котме. Святозерская пустыня, Ламская пустыня, Холуйская пустыня. В Юрьеве: Архангелской монастырь с вотчинами, в уезде Черевской (Георгиевской?) монастырь, Дубовые церкви с вотчиною, Введенской девич монастырь без вотчин. В Шуре: Троицкой монастырь с вотчиною. В уезде: Николаевской Шартомской монастырь с вотчинами, Введенской девич монастырь без вотчин.

*(Тетрад писана скорописью столбцем на 44 листках).*

## Приложение 2

**Описание по справкам о расстоянии городов, в коих учреждаются епископы вновь, и о показании какими монастырями им владеть. (помета архива на обороте листа).**

*Описание по справкам, что расстояния от тех градов, где епископом быть до других городов, в которых владеть им придаточными монастыри.*

В Суздале быть епископу, а владеть в Шуйском уезде Николским Шартольским монастырем, а от Суздали до Шуи 75 верст. В Севску быть епископу, а владеть к Севским монастырем в прибавку в Рылском уезде Николаевским, да Дмитровским монастыри, и от Севска до Рыльска 60 верст. В Путивле быть епископу, а владеть к Путивльским монастырем в прибавку в Карачевском уезде Воскресенским монастырем и от Путивля до Карачева 240 верст. На Туле быть епископу, а владеть в прибавку к Тульским в Новосилском уезде Духовым монастырем, и от Тулы до Новосила 120 верст. В Колуге быть епископу, а владеть в прибавку в Мещоском уезде Георгиевским да Юхновым, да Троицким монастыри, а от Калуги до Мещеска 60 верст. На Луках Великих быть епископу, а владеть в прибавку в Старой Русе Спаским монастырем, что на посаде, а от Лук до Старой Русы 150 верст. На Колмогорах быть епископу, а владеть в прибавку у Архангелского города Архангелским монастырем, а от Колмогор до Архангелского города 55 верст. На Кевроли и Мезени быть епископу, а владеть в прибавку на Вологде Муромским Спаским монастырем, да Иноконтьевым, а от Кевроли и Мезени до Вологды 1000 верст, а от Вологды до Муромского монастыря 50 верст, а до Инокентьева 60 верст. На Олонце быть епископу, а владеть ему в прибавку в Новгородском уезде Вежицким монастырем и от Оленца до Новгорода 250 верст, а от Новгорода до Вежицкого монастыря 10 верст. В Колском остроге быть епископу, а владеть в прибавку в Вологодском уезде Лопотовым монастырем и от Колского острога до Вологды 1900 верст, а от Вологды до Лопотова

монастыря 30 в. На Чаронде быть епископу, а владеть в Вологодском уезде Котрским, Подолным, Рыбенским монастыри, и от Чаронды до Вологды 150 верст. На Терках быть епископу, а владеть Троицким монастырем, что в Астрахани, а от Астрахани до Терек 450 верст. На Тотме быть епископу, а владеть крестьяны в Вологодском уезде пяти монастырей, а от Тотмы до Вологды 250 верст. В Торопце быть епископу, а владеть в прибавку в Пусторжевском уезде Плеским монастырем, а от Торопца до Пустой Ржевы 170 верст. В Вязме быть епископу, а владеть в прибавку в Ярославце Малом Тихоновою пустынею, а от Вязмы до Ярославца 75 верст. В Кашине быть епископу, а владеть в прибавку в Клину Сосимским да Успенским монастыри, а от Кашина до Клину 110 верст. У Соли Камской быть епископу, – в Еренску быть епископу-ж, а владеть им обоим в Усолском уезде Вознесенским да Преображенским монастыри, а от Соли Камской до Еренска 800 верст. На Ливнах быть епископу, а владеть в прибавку Чарнеевым монастырем в Шатцку, а от Ливен до Шатцка..... верст.

*(Подлинник писан столбцом на четырех листках).*

### Приложение 3

**Роспись городом и монастырем, в которых городех быти епископом и в которых монастырех жити и что за теми монастыри крестьянских и бобыльских дворов по переписным книгам 186 году.**

Великого Господина Святейшего Иоакима, патриарха Московского и всеа Росии, области: на Костроме, Выпацком или в Богоявленском монастырех. За Ипацким 3643 двора, за Богоявленским 961 двор. В Галиче, – в Паисееве м., за ним 692 двора. В Юрьевце Поволском, – в Макарьевском м. Унженском<sup>376</sup>..... в (Арзамасе)<sup>377</sup>, в Темникове, Звенигороде, в Севску жити в Спаском м.; в Путивле, – в Молчинском м. 114 дворов, в Вязме, – Вывановском монастыре, в Белеве, – в Спаском м., по переписным книгам написано за Преображенским м. 200 дв., на Кошире – в Троицком – Белопесоцком м., 191 д., на Ливнах.

Корнилия, митрополита Новгородского и Великолуцкого: в Городецке, – в Николаевском Антонове м. 539 дв., на Олонце, – во Александрове монастыре Свирского 201 дв., на Двине, на Колмогорах, – в Сииском м. 325 дв., Пенеге и Кевроль и Пусто–Озеро ведать ему-ж, в Каргополе, – в Крестном м., что на устье Онеги реки 867 д., на Ладогге, – в Тихвинском м., в Кодеком остроге, – в Печенском м.

Иоасафа, митрополита Казанского и Болагарского: в Чебоксарех, – в Троецком м., в Синбирску, – в Успенском м., в Свияжску – н Богородицком м., на Уфе, – в Успенском м. на Уржуме, – в Троецком м., на Осе, – в Преображенском м.

Никифора, митрополита Астраханского и Угорского: на Терках монастыря нет, на Саратове, – в Богородицком м., на Царицине, – в Троецком м., Самара, ис Казанской епархии приписать, на Черном Яру, на Красном Яру.

Ионы, митрополита Вятцкого и Великопермского: у Соли Камской, – владети ему Пыскорским (? – с. *Пыскор (Канкор, Кангор) основан в 1558 г.*) м. 271 дв., в Еренску, в Кай-Городке, на Выме.

Филарета, митрополита Нижегородского и Алаторского: в Гороховце, на Балахне, на Курмыше, – в Рождественском м., в Ядрине, – в Макарьеве монастыре Желтовоцкого 220 дв.

Иосифа, митр. Резанского и Муромского: в Танбове, на Воронеже, в Успенском м. Борщов м. к нему ж приписать, в Шатцком владеть Чернеевым м., в Рязком, в Дмитровском м.

Маркела, м. Псковского и Изборского: в Торопцу, в Опочке, – в Николаевском м. 2 дв., во Гдове, – в Николаевском м., в Порхове.

Симиона, м. Смоленского и Брянского: в Трубческу быти епископу, а жити в Брянску в Успенском м., в Дорогобуже, – в Бизюкове м. 271 дв. крестьянских и бобыльских, на Белой, в Рословле.

Варсонофия, митрополита Тверского и Кашинского: во Ржеве Володимирове, в Старице, – в Успенском м. 189 дв., в Зубцове, в Клину, – в Успенском м. 19 дв., за Успенским-ж, что слово Зосимины пустыни, 50 д.

Павла, м. Тоболского и Кондийского: на Верхотурье, в Николаевском м., на Тюмени – в Преображенском м., в Томском, – во Алексеевском м., в Енисейском, – в Спаском м., на Лене, в Даурах монастыря нет.

Ионы, м. Ростовского и Ярославского: на Углече, – во Алексеевском м., на Романове, в Ярославле, – в Спаском монастыре, в Пошехоньи, – в Успенском м. Андреяновы пустыни, на Устюге, – в Архангелском м. половничьих 88<sup>378</sup> дворов, у Соли Вычегоцкой, – в Николаевском Коряженском м. половничьих 77 дв., 208 дворов крестьянских, 5 дворов бобыльских, 5 дворов вдовьих, на Тотме монастыря нет.

Мисаила, м. Белограцкого и Обоянского: в Курску, в Сумах, в Яблонице, в Ахтырке..... *Далее пришиты листы, писанные другим почерком и имеющие более изветшалый вид, а в них написано:* за Троицким Сергиевым м. в Володимире крестьянских и бобыльских 525 д.,<sup>379</sup> в Боровску 56 д., в Муроме 641 д., в Торусе 29 дв., в Ярославце Малом 160 дв., в Серпейску 143 д., в Кашине 89 дв., в Звенигороде 77 дв., в Великом Новгороде 71 дв., в Новасили 31 дв., в Верее 102 дв., на Луках Великих 18 дв., на Беле Озере 92 дв., на Вологде 84



дв., в Арзамасе 238 дв., в Переяславле Залеском 2167 дв., в Дмитрове 1003 дв., на Балахне 186 дв., в Клину 14 дв., в Юрьевце Поволском 108 дв., в Рубцове 18 дв., на Коломне 129 дв., в Юрьеве Полском 671 дв.

*Еще на новых листах и иным почерком идет далее новое перечисление монастырей с дворами при них (зачеркнуто: за Тихвинским 565 дворов, за Вяжецким 588 дворов). За Вышеостровским 32 двора. В Колском остроге: за святейшим патриархом 12 дворов, 41 вежа лопских. За Соловецким 72 двора, за Кондоложским 3 двора, за Печенским 9 веж лопских, за Николским Выксенским 104 двора. (Зачеркнуто: за Троицким Дорофеевы пустыни 4 двора, за Веденским Корнилевым 283 двора). У Соли Вычегоцкой: За Веденским 76 дворов половничих, за Николским Коряжевским 295 дворов.*

У Псковского: в Торопце за Троицким Кудиным 64 двора, за Троицким Небиным 4 двора, за Троицкою Новою пустынею 6 дворов, за Николским Тропским 72 двора, за Златоустовым Ротчие пустыни 67 дворов. В Каргополе: за Крестным 867 дворов, за Ошевенским 131 дв., за Палеозерским 111 дворов, за Спаским Вастьяновы Строкины пустыни 5 дворов, за Кенским 6 дворов, за монастырем, что на Юрьеве горе, 10 дворов. На Кевроли и на Мезени: (зачеркнуто: а по росписи Новгородской в тех городех монастырей нет) на посаде и в уездах 5 монастырей, а в них 2 человека строителей, 5 человек старцов, 16 человек церковников, а дворов крестьянских нет. На Олонце: (зачеркнуто: за Александровым монастырем Свирского 201 двор, за Росткиным 14 дворов, за Колмовым 14 дворов). За Муромским 23 двора, за Палеостровским 12 дворов. (Зачеркнуто: За Машеозерским 6 дворов). Да иных городов монастырских вотчин нет.

У Казанского: в Свияжску<sup>380</sup> За Богородицким монастырем 889 дворов. В Синбирску за Успенским крестьян нет. На Уфе за Успенским 132 двора. В Чебоксарех за Троицким 117 дворов. В Саранску за Преображенскою пустынею 16 дворов. На Уржюме за Спаским Чепоцким 121 двор. На Чаронде на посаде и в уезде монастырей нет. На Романове: (зачеркнуто: за Кривицким 39 дворов, за Архангелским 48 дворов). За Николаем Корелским 50

дворов, за Чюхченемским Николаевским 29 дворов, (*Зачеркнуто*: Соборные церкви за Преображением Господним на Курцове посаде 60 дворов, на Волоку за Пенезским монастырем 4 двора).

У Астараханского: на Терках монастырь Благовещения Пресвятыя Богородицы, крестьян за ним и иных монастырей нет. На Царицыне Троицкой<sup>381</sup> монастырь, крестьян за ним и иных монастырей нет. На Самаре за Преображенским.

У Сибирского: в Томску, в Енисейску, на Лене, на Верхотурье, на Тюмени, в Даурах.

У Ростовского: на Угличе: (*зачеркнуто*: за Черним 37 дворов). За Алексеевским 559 дворов, за Покровским 316 дворов, за Воскресенским 111 дворов, за Николским 191 двора (*зачеркнуто*: за Николским Антоновым 6 дворов) Афонасия и Кирила Александрийских 220 дворов. За Воскресенским 24 двора, за Гурьевою пустынею 21 двор, за Николаевским Лединским 51 двор. (*Зачеркнуто*: за Троецким Киржацкого 397 дворов). На Белеозере: За Кириловым 5430 дворов, за Вепревым 31 двор. (*Зачеркнуто*: за Троецким Махринским 98 дворов). За Покровским Антоньевы пустыни 36 дворов, за Николским, что на болоте 14. В Белеве: за Преображенским монастырем 200 дворов (*Зачеркнуто*: за Веревкиным 142 двора). В Темнике за Пурдышевским монастырем 207 дворов. На Коломне: за Спаским 16 дворов, за Голутвиным 203 двора, за Бобреновым 8 дворов. В Опочке за Николаевским 2 двора. Во Гдове за Николаевским за приписным 80 дворов, за Николаевским полским 4 двора, за Покровским Озерским 52 двора. Порхов<sup>382</sup> Новгороцкой пригород, а уезду у него нет, а на посаде за Спаским монастырем топко два двора крестьянских.

У Смоленского: – Во Брянску за Свинским 812 дворов, за Спаским 11 дворов, за Петровским 106 дворов, за Спаским Поликарповым 40 дворов, за Спаским, что на Андреянове горе, 8 дворов, В Трупческу за Чолнским 78 дворов. В Пошехонье: за Успенским Андреевою пустынею 440 дворов крестьянских (*Зачеркнуто*: за Троецким Павловым 286 дворов, за Никитцким Озерским 68 дворов). На Белой на посаде и в уезде

монастырей нет. В Вязме за Ивановским монастырем 128 дворов, (*зачеркнуто*: 12 д.).

У Тверского: Во Ржеве Володимерове за Троицким Селижаровым 109 дворов. (*Зачеркнуто*: За Спаским Хутынским 258 дворов). В Старице: за Успенским 199 дворов, за Покровским 3 двора, за Хлоголевским 22 двора, (*зачеркнуто*: за Пешловым Вознесенским 42 двора). В Торшку: (*Зачеркнуто*: За Троицким 11 дворов), за Борисоглебским 88 дворов, (*Зачеркнуто*: за Пятницким 7 дворов), за Николаевским пустынским 25 дворов, за Рождественным 51 двор. На Волоку Ламском: За Иосифовым 1394 двора, за Возницким 58 дворов, за Успенским Левкиевым 37 дворов.

У Вяцкого: у Соли-Камской: за Вознесенским 73 двора, за Преображенским (*зачеркнуто*: Выскарским) 271 двор. В Еренску на посаде и в уезде 3 монастыря, а в них 4 кельи жилых, да 7 дворов причетников, а крестьян за ними нет<sup>383</sup>. В Кай-городке: За Новопостроеною пустынею 4 двора.

У Нижегородского: В Арзамасе за Спаским 323 двора, на Курмыше Рождественской приписной к Воскресенскому монастырю крестьянских 132 двора. На Баланхе за Покровским 41 двор, за Дудиным 3 двора. В Ядрине за Макарьевым Жолтовоцкого 220 дворов. За (*зачеркнуто*: Соловецкою) пустынею 10 дворов.

У Рязанского: В Танбове за Троицким приписным Чюдова монастыря 80 дворов, монастырь Мамонтова пустыня, за нею 50 дворов. На Воронеже за Борщовым 175 дворов, (*зачеркнуто*: за Петровским 15 дворов) за Успенским 17 дворов, за Алексеевским Окатовой пустыни 18 дворов. (*Зачеркнуто*: за Карачюнским 21 двор). В Шацком: за Сергиевою пустынею 17 дворов, за Чернеевым 658 дворов. (*Зачеркнуто*: за Пурдышевым 283 двора). В Рязком: за Дмитровским монастырем 77 дворов, да за Семеновским монастырем 41 двор.

У Белогородцкого: В Курску, за Богородицким Знаменским 169 дворов. На Ливнах за Сергиевским 19 дворов. В Сумах, по справке с розрядом в Сумине в уезде монастырей нет. В

Ахтырке, по справке с розрядом на посаде и в уезде монастырей нет.

*(Подлинник писан скорописью столбцом на двадцати восьми листках).*

## Приложение 4

1682 г. № 8. (Из Актов о Московском церковном соборе 1681–1682 г.).

**Роспись, – сколько дворов за монастырями в области патриаршей и митрополичих.**

(Найдена в 1890 г. С. А. Белокуровым в неразобранных столбцах Архива). 1674–1690 г. Времени патриарха Иоакима. Росписание, в которых городах к патриаршей и митропол. кафедрам приписаны христьян. дворы (патриарш., и митропол. области) – *все это пометы архивные.*

*На обороте последнего листа помета, судя по почерку 17 в., при Иоакиме патриархе, в которых городех быть епископом и о иных,*

О епископех, в которых градех быть, написано «например». Великого Господина Святейшего Иоакима, Божию милостию архиепископа царствующего града Москвы, и всеа Росии патриарха, во епархий быти во градех епископом (*вставка: пребывательства имети им во градех при соборных церквах, а во удовольствие ему и домовым ево дати монастыри с вотчины, чем ему себя и дом свой епископль доволствовать, а десятины збирать на святейшего патриарха и на епископов в чьей сущей епархии и все будет чинить за ево святительским благословением и без воли ево ничто же может соорудити, но во всем должен повиноватися отцу своему и пастырю*). А в которых градех быть и что в тех городех монастырей и за теми монастырями крестьянских и бобыльских дворов, и то писано имянно: В Володимере, а монастыри в том граде и в уезде, а за теми монастырями крестьянских и бобыльских дворов: за Рождественным (1800) дворов, за Боголюбным<sup>384</sup> ... дворов, за Спаским, Золотовороцким..., за Покровским, что на устье реки Нерли..., за Егорьевским, что на посаде..., за Николским Волосова..., за Кузминским..... В Переславле Залеском за Горицким..., за Троицким–Даниловым..., за Никицким..., за Борисоглебским..., за Випревым..., за Покровским Антоновы пустыни..., за Николским, что на Болоте.... В Суздале за

Спаским Еуфимьевым монастырем. На Вологде, на Костроме, в Галиче, в Звенигороде бывшего архангелского епископа дом и вотчины ему в удовольствие.

На Белеозере, в Севску... в Путивле, на Туле, в Белеве, в Темникове, на Коломне. В Белеве, за Преображенским 200 дворов. В Колуге, за Рождественным Лаврентьевым 59 дворов. В Темникове, за Пурдышевским 270 дворов. На Коломне: за Спаским 46 дворов, за Голутвиным 203 двора, за Бобреновым 8 дворов. На Кошире: за Троицким Белопесоцким 191 двор, за Соколовою пустынею 4 двора, за Севолоцким 76 дворов.

Во епархиях преосвященных митрополитов: У Новгородского: на Городце, на Колмогорах, в Каргополе, на Кевроле и на Мезени, на Олонце, в Колском Остроге, на Ваге, на Чоронде. У Казанского: В Свияжску, в Синбирску, на Уфе, в Чебоксарех, в Саранску, на Уржуме. У Астраханского: На Терках, на Царицыне, на Самаре. У Сибирского: в Томску, в Енисейску... *На этом текст тетради обрывается. На обороте замечено:* роспись приписных крестьянских дворов к разным монастырем не весь росписан монастырского полаты.

*(Подлинник писан столбцом крайне небрежною скорописью на 9 листках).*

## Приложение 5

Концепт определения, учиненного с общего согласия между Государем Царем Феодором Алексеевичем и патриархом Иоакимом, о бытии и имяновании архиереев по степени и всякому архиерею иметь в своей епархии подвластных ему епископов, а также и патриарху иметь многих епископов же, с показанием имен городов и для содержания их довольствия монастырей<sup>385</sup> (помета архива).

И ноября в 27 день Великий Государь, пол.<sup>386</sup> советовав с Святем Дусе со отцем своим и богомолцем с Великим Господином, святейшим Иоакимом, Патриархом Московским и всеа Руси, изволил для украшения святыя церкви и для спасения и просвещения христианом, быти и имяноватись архиереом по степени, и коемуждо архиерею имети во своей епархии епископов, подвластных им, а святешему Патриарху, отцем отцу, имети многих епископов яко главе и пастырю. А в которых градах быти епископом и от чего им иметь доволство, и то писано имянно: На Костроме. А в удовольствие дати ему Воздвиженской м., а за ним 140 д., Шеренской м., а за ним 52 д., Ширтольской м., а за ним 37 д., всего 229 дворов. В Галиче. А во удовольствие дати ему Троицкую Гарнавину пустыню, а за нею 50 д., Спаской м., а за ним 19 д., Богородицкой верхней пустыни, а за ним 20 д., Ризположенской, а за ним 78 д., Фроловской, что у Галицкого озера, а за ним 35 д., Николаевской, что на Посаде, а за ним 16 д., два м. м. Благовещенские, что на Укороже да в Пустыне, а за ними 50 д., всего 268 дворов. В Звенигороде. – Доволствоватись бывшего Архангельского епископа домом и вотчинами, а пребывание свое имена Москве. В Севску, или в Путивле. А во удовольствие дати ему Спаской м., да Рогодитцкой, да Сталепской, а за ними 45 д., да в Рыльском уезде Николаевской м., а за ним 138 д., Дмитровской, а за ним 38 д., всего 218 дворов (должно: 221). На Туле, а во удовольствие дати Предтечев м., а за ним 54 д., да в Новосильском уезде Духова м. 146 д., всего 200 дворов. В Белеве, или в Колуге. А во

удоволствование дати Рожественской м., а за ним 59 д., Преображенской м., а за ним 200 д., всего 259 дворов. В Темникове. А во удоволствование дати ему Пурдышевской м., а за ним 270 дворов. На Беле-озере. А во удоволствование дати ему Троицкой м., а за ним 274 двора, да Никитиной, а за ним 46 дворов, всего 320 дворов. В Арзамасе. А во удоволствование дати ему Спаской монастырь, а за ним 323 двора. На Ливнях. А во удоволствование дати ему Сергиевской м., а за ним 19 дворов, да Чернеева м. из Шацкого 325 дворов, всего 344 двора.

Да в епархиях преосвященных митрополитов. У Новгородского: на Луках Великих. А во удоволствование дати ему Исаеву пустыню, да Настыцкой монастырь, а за ними 43 двора, да в Старой Русе Спаской монастырь, а за ним 110 дворов, да Северской, а за ним 4 двора, всего 157 дворов. На Городце. А во удоволствование дати ему Николаевской Антоновской монастырь, а за ним 539 дворов<sup>387</sup>. На Колмогорах. А во удоволствование дати ему Николаевской Корельской монастырь, а за ним 50 дворов, да Чюхченемской, а за ним 29 дворов, да у города Архангелского Архангелской м., а за ним 48 д., всего 127 дворов. На Олонце. А во удоволствование дати ему монастыри: Муромской, Палеостровской, Вышеостровской, а за ними 67 дворов, да Новгородского уезда Вежицкого м. 200 дворов, всего 267 дворов. На Ваге. А во удоволствование дати ему Богословской монастырь да Сидомскую пустыню, Узринской монастырь, Клопов монастырь, Сетринской да Агапитов монастыри, а за ними 182 двора.

У Казанского: в Симбирске. А во удоволствование дати ему ис Богородицкого монастыря (*зачеркнуто*: а за ним 889 дворов) 200 дворов. На Уфе. А во удоволствование дати ему Успенской монастырь, а за ним 132 двора.

У Астраханского: на Саратове. Пожалует Великий Государь оброчные рыбные промыслы.

У Сибирского: в Томску, в Енисейску, на Лене. Пожалует Великий Государь во удоволствование им ис своей Государевы казны.



У Ростовского: на Углече. А во удовольствие дати ему Алексеевской монастырь, а за ним 559 дворов. На Устюге. А во удовольствие дати ему Архангелской монастырь, а за ним 330 дворов.

У Псковского: в Торопце. А во удовольствие дати ему Кудин да Небин монастыри, да из Пусторжевского уезду Плеской монастырь, а за ними 161 двор.

У Смоленскою: во Брянску. А во удовольствие дати ему два монастыря Спаские, да Петровской, да Андреянов монастыри, а за ними 165 дворов. В Вязме. А во удовольствие дати ему Ивановской монастырь, а за ним 128 дворов, да ис Ярославецкого уезду Малого Тиханову пустыню, а за нею 90 дворов, всего 218 дворов.

У Тверского: в Кашине, или во Ржеве Володимерове. А во удовольствие дати ему Димитровской м., а за ним 61 двор. Клобуков м., а за ним 53 двора, да и с Клину Изосимин м., а за ним 50 дворов, Успенской, а за ним 19 дворов, всего 183 двора.

У Вятского: у Соли-Камской. А во удовольствие дати ему Преображенской да Вознесенской монастыри, а за ними 344 двора. На Кунгуре. А во удовольствие дати ему Тахтаровскую да Воздвиженскую пустыни, а за ними 82 двора.

У Нижегородцкого: на Алатыре. (*Зачеркнуто*: и монастырей никаких нет, а в уезде есть вотчина Троицы Сергиева монастыря 457 дворов). А во удовольствие дати ему на Курмыше Рождественской монастырь, а за ним 132 двора.

У Резанского: в Танбове. А во удовольствие дати ему Троицкой да Мамонтов монастыри, а за ними 130 дворов. На Воронеже А во удовольствие дати ему Борщов, да Успенской, да Алексеевской монастыри, а за ними 210 дворов. В Муроме. А во удовольствие дати ему из Шуи Николаевского Шартомского монастыря ис вотчин 200 дворов.

У Белогороцкого: в Курску. А во удовольствие дати ему Знаменской монастырь, а за ним 169 дворов.

*Далее пришта другая роспись на особых листах:..... Господина.... (Угол первого листа оторван)* Святейшего Иоакима, Патриарха Московского и всеа Росии, во епархии написано было быть епископом в городех по (*надписано и*

*зачеркнуто:* по прежней) росписи: В Володимере, а по нынешней<sup>388</sup> росписи не написано. В Суздале, а ныне написано, чтоб в Суздале быть архиепископу по-прежнему. На Вологде, а ныне написано, чтоб быть архиепископу по-прежнему. На Костроме, а по нынешней росписи быть епископу ж. В Галиче, по нынешней быть епископу-ж. В Звенигороде, и по нынешней епископ-же. В Переславле Залеском, а по нынешней не написано. На Белеозере, а по нынешней не написано. В Севску, а по нынешней, чтоб быть архиепископу вновь. В Путивле, а по нынешней приписан Путивль к Севскому архиепископу во епархию. На Туле, в Белеве, а по нынешней в тех городех не написано. В Темникове и по нынешней быть епископу ж. На Коломне, а по нынешней, чтоб быть архиепископу по-прежнему. На Кошире, в Колуге, в Серпухове, в Можайску, в Луху, в Юрьевце Поволском, а по нынешней росписи в тех городех епископом быть ли, того не написано. А сверх прежней росписи написано, чтобы быть епископу в Арзамасе.

Преосвященных Митрополитов во епархиях написано было быти в городех епископом по росписи: у Новгородцкого, на Луках Великих, а по нынешней росписи не написано. На Городце, и по нынешней быть Епископу-ж. На Колмогорах, а по нынешней чтоб быть архиепископу вновь. В Каргополе, а по нынешней приписан к Колмогорскому архиепископу. На Кевроли и Мезени, а по нынешней приписаны те города к Колмогорскому ж архиепископу. В Кольском остроге, на Олонце, на Ваге, на Чаронде, а по нынешней росписи в тех городех не написано.

У Казанского: в Свияжку, в Синбирску, в Чебоксарех, на Уржуме, а по нынешней росписи в тех городех (*зачеркнуто:* епископом быть ли) не написано. На Уфе, а по нынешней быть епископу ж.

У Астараханского: на Терках, на Самаре, а по нынешней росписи не написано. На Царицине и по нынешней быть епископу ж.

У Сибирского: в Томску, на Лене и по нынешней росписи быть епископом ж. В Енисейску, на Верхотурье, на Тюмени, в Даурах, а по нынешней росписи не написано.

У Ростовского: на Угличе, и по нынешней быть епископу ж. На Устюге, а по нынешней росписи, чтоб быть архиепископу вновь, В Ярославле, на Тотьме, в Пошехонье, у Соли-Вычегоцкой, а по нынешней росписи в тех городех не написано.

У Псковского: в Торопце, и по нынешней быть епископу ж. Во Гдове, а по нынешней не написано.

У Смоленского: во Брянску, и по нынешней быть епископу ж. В Дорогобуже, в Вязьме, а по нынешней росписи не написано,

У Тверского: в Кашине, в Старице, а по нынешней росписи не написано. Во Ржеве Володимерове и по нынешней быть епископу ж.

У Вятцкого: у Соли-Камской, в Еренску, в Кайгородке, на Кунгуре, а по нынешней росписи не написано, а написано вновь, чтоб в Вятцкой епархии быть епископу в Перми

У Нижегородского: в Арзамасе, на Балахне, на Алатыре, а по нынешней росписи не написано. На Курмыше и по нынешней быть епископу ж.

У Резанского: в Танбове, и по нынешней быть епископу ж. На Воронеже и по нынешней быть епископу ж. В Шацком, в Рязком, а по нынешней росписи не написано.

У Белогородского: в Курску, и по нынешней быть епископу ж. На Ливнах, а по нынешней не написано.

Да в нынешней же росписи написано, чтоб Крутицкого митрополита епархии быти по-прежнему, а пребывание бы ему имети ис ево ж епархии, в котором городе Великий Государь укажет.

И против прежней росписи оставлено из 75 городов 19, а против прежней росписи отставлено епископов 53 человека, а в то число прибыло 6 человек архиепископов. Обоего архиепископов и епископов написано 25 человек, то есть архиепископом быть бы по-прежнему: Вологоцкому, Суздальскому, Коломенскому, да вновь на Колмогорах и Архангелского города, на Устюге, в Сенску. Епископом во всех епархиях: на Костроме, в Галиче, в Звенигороде, в Темникове, в Арзамасе, на Городце, на Уфе, на Царицыне, в Томску, на Лене, на Угличе, в Торопце, во Брянску, во Ржеве, в Перми, на

Курмыше, в Танбове, на Воронеже, в Курску. А из прежней росписи ubyло: Володимер, Переяславль-Залеской, Белоозеро, Путивль, Тула, Белев, Кошира, Колуга, Серпухов, Можайск, Лух, Юрьевец Повольской, Луки Великие, Каргополь, Кевроль и Мезень, Кольской острог, Олонец, Вага, Чаронда, Свияжск, Синбирск, Чебоксары, Уржум. Терек, Самара, Енисейск, Верхотурье, Тюмень, Дауры, Ярославль, Тотьма, Пошехонье, Соль Вычегоцкая, Гдов, Дорогобуж, Вязьма, Кашин, Старица, Соль Камская, Еренск, Кайгородок, Кунгур, Балахна, Алатырь, Шацкой, Ряской, Ливны. А буде Великий Государь укажет митрополии Крутицкой быть, то в ево епархии быть епископу на Ливнах.

*(Подлинник, писан столбцом на шестнадцати листках).*

## Приложение 6

**Концепт определения о именовании архиереев теми городами, кои в России имянити суть и о прибавке в Сибирскую епархию для ее пространства архиереев (помета архива).**

*Сверху современная происхождению документа помета:* таково письмо в тетрати чтено святейшему патриарху и влаstem и поднесено 190 году Февраля 6 день.

В нынешнем во 190 году Сентября во 2 день Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержец, изволил о Святем Дусе отцу своему и богомолцу Великому Господину святейшему Иоакиму, Патриарху Московскому и всеа Росии, и всему собору возвестить о делех (о нужных потребах), которые требуют исправления в начале (ко умножению имени в Троице славимого Бога, а потом на)<sup>389</sup> ко ограждению святыя церкви, а потом Христианом (же) на распространение, противником же церковным на искоренение. И по тому его царскому возвещению Святейший Патриарх, вкупе со освященным собором, начало тому учинили: преосвященным митрополитом и архиепископом по степеням быти так (потому), как в том ево царском возвещении написано, соизволили. А чтоб, для подобающей их архиерейской чести, (для подобающей чести их архиеерейское звание) на умножение хвалы Божия, имяноватися им архиереом теми грады, которые в ево царской державе имяниты суть, того не исполнено. Такожде и о Сибирской стране, чтоб для ее пространства и множественного народа, Христа не знающего быти (ради дальнего расстояния) в прибавку архиереом, того не учинено ж. Да и во иных, (которые от архиерейского пребывания имеют дальнее расстояние), градах, потому ж для дальнего расстояния быти архиереом для исправления и спасения людей, пребывающих в тех градах, того в совершение не приведено-ж.

И чтоб ныне те, (недокончалные) доброначатые з Богом, дела исправляти. Понеже (во епархиях град от града вместо от

места имеют расстояния не малая) в Сибирской стране от столичного града тоя епархии до Даурских и Нерчинских и Албазинского острогов и до иных тем же подобных многих мест во едино лето, и в полтора, и в два едва преходят, а в тех далних местех христианская вера не расширяется, развратники ж святые церкви там умножаются, да не токмо в такой далней и пространной стране, но и выных многих (местех) градах, а имянно в Путивле и в Севске, в Галиче, на Костроме и выных многих местех противники умножились, зане не имеют себе возбранения за расстоянием далним, понеже во епархиях град от града и место от места имеют расстояния не малая и пристойно в тое Сибирскую епархию, для ее расширения и вышеписанного непотребства, и выные города прибавить архиереов (и чтоб епархия владения своего болши двусот верст не имела)<sup>390</sup>.

*(Подлинник писан столбцом на четырех листках).*

## Приложение 7

**Два<sup>391</sup> определения о назначении в Новгородскую и Казанскую епархии подвластных им епископов, с показанием имен городов, в коих им жить и чем себя довольствовать (помета архива).**

Сих листов написано 12 (*цифра в подлиннике замарана*) коемуждо митрополиту по степени и где быть епископом и что дать удовольствия из росписи, какова дана Святейшему Патриарху Февраля в 6-й день, а те листы писаны февраля в 8-й день. (*Современная происхождению документа надпись*).

Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержец, изволил, о святем Дусе, Отцу своему и Богомолцу Великому Господину Святейшему Иоакиму, Патриарху Московскому и всеа Руси. и всему собору возвестити о нужных делах, которые требуют исправления на украшение святыя церкви и на спасение и просвещение христианам, а которые дела требуют исправления и то писано ниже сего.

**а.**

Вниде в ево царская слуха от многих градов, что многие неразумные человецы, оставльше святую церковь, учинили в домех своих молбища и собрався чинят чюже христианству, а на святую церковь износят страшные хулы, чего потонку и исписати невозможно, а то чинитца для того, что не имеют себе возбранения и учения архиерейского за расстоянием далним, понеже во епархиях град от града и место от места имеют великое расстояние, и чтоб для ближайшего учения быти в прибавку архиереом на исправление и спасение людей, пребывающих в тех градах, и пристойно в Новгороцкой епархии, для ее расширения, быти епископом, подвластных ему: на Луках Великих, а во удовольствие дати Исаеву пустыню, да Настыцкой монастырь, а за ними 43 двора, дав Старой Русе Спаской монастырь, а за ним 110 дворов, да Северской, а за ним 4 двора, всего 157 дворов; на Городце, а во удовольствие дати ему Николаевской Антоновской

монастырь, а за ним 539 дворов; на Колмогорах, а во удовольствие дати ему Николаевской Корелской монастырь, а за ним 50 дворов, да Чухченемской, а за ним 29 дворов, да у города Архангелского Архангелской монастырь, а за ним 48 дворов, всего 127 дворов; на Олонце, а во удовольствие дати ему Муромской, Палеостровской, Вышеостровской монастыри, а за ними 67 дворов, да Новгородцкого уезду Вежицкого монастыря 200 дворов, всего 267 дворов; на Ваге, а во удовольствие дати ему Богословской монастырь да Сидомскую пустыню, Узринской монастырь, Клопов монастырь, Сетринской, да Агапитов монастыри, а за ними 182 двора.

В письме Казанскому митрополиту, буквально сходном с приведенным, назначено вновь быт епископом подвластным ему: в Синбирске, а во удовольствие дати ему из Богородицкого монастыря 200 дворов, на Уфе, а во удовольствие дати ему Успенской монастырь, а за ним 132 двора. На этом же письме Казанскому митрополиту помета: Таких писем написано двенадцать листов по степени коемуждо митрополиту и города, где епископом быть со удовольствием ис росписи, какова дана святейшему патриарху в тетратех февраля в 6-м числе.

В письме Тверскому митрополиту, также буквально сходном с письмом Новгородскому митрополиту, назначено вновь быт епископу подвластному ему: в Кашине или во Ржеве Володимерове, а во удовольствие дати ему Димитровской монастырь, а за ним 61 двор, Клобуков монастырь, а за ним 53 двора, да в Клину Изосимин монастырь, а за ним 50 дворов, всего 183 двора.

*Далее, на особой четвертушке помета:* 190 году Февраля в 6-й день таново письмо и под письмом епископом со удовольствием роспись написаны в полудестовую тетрадь и чтено Святейшему Патриарху и всем влаstem у Святейшего Патриарха в хоромах и та тетрати после прочтения поднесена ему святейшему патриарху сего-ж вышеписанного числа в понедельник, Таковы-ж тетратки написаны принял Ларион Иванович Февраля того-ж числа, только Звенигорода в них не написано по ево-ж приказу. *Еще на особой четвертушке:* И 190 году Февраля в 8 день, по указу Великого Государя отдано при



Святейшем Патриархе в крестовой митрополитом письма о епископах, где им в их епархиях быть и чем доволствоватись: Новгородцкому, Ростовскому, Псковскому, Нижегородцкому, Резанскому, таковы, каково на листу написано выше сего. А остались еще наготовленные такие ж письма и не отданы: Казанскому, Астараханскому, Сибирскому, Смоленскому, Тверскому, Вятцкому, Белогороцкому.

*(Подлинник писан в четвертую долю листа полууставом на семи листках).*

## Приложение 8

**Челобитная Государю Царю Феодору Алексеевичу от всего духовного собора об устройении вновь в дальних городах епархий и о бытии им особыми, а не подвластными митрополитам (надпись архива).**

Лета 7190 Февраля в 8 день Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержцу, бьют челом митрополиты и архиепископы, чтобы Великий Государь милостивно ко архиерейскому чину рассмотрение положил и вновь где, в пристойных местех и в дальних городех и многонародных, архиереов устроить, архиепископов, или епископов, особыми их епархии, а не под митрополитами быть подвластным, для того чтоб во архиерейском чине не было какова церковного разгласия и меж себя распри и высости, и в том несогласии и в нестроении святой церкви преобидения и от народа молвы и укоризны, и общим советом и согласием Великого Господина Святейшего Иоакима, Патриарха Московского и всеа Росии, и преосвященных митрополитов, и архиепископов, и епископов на соборе приговорили в которых градах быти вновь архиереом:

Святейшего Патриарха из епархии во градах: в Галиче, в Севске, в Арзамазе. Новгородского митрополита из епархии во градах: на Колмогорах, в Каргополе. Казанского митрополита из епархии во граде на Уфе. Сибирского митрополита из епархии во градах: в Томску и в Енисейску, а в далних градах, на Лену в Дауры ис тех же епархий посылать от духовного чину архимандритов и игуменов или священников добрых и учителных для учения христианского закона и просвещения неверных, а епископом в тех далних городех ныне быть неудобно малолюдства ради христианского народа. Ростовского митрополита из епархии во градах: на Устюге Великом. Из Ростовской же и из Вологодцкой на Белоозеро с Пошехоньем. Рязанского митрополита из епархии во градах: в Танбове, на Воронеже. Крутицкого митрополита из епархии во градах? на Ливнях и с Навосилем. Белгородского митрополита из епархии

во градах: в Курску. Коломенского архиепископа из епархии на Орле с Кромами. У митрополитов же из епархии Астараханского, Псковского, Смоленского, Нижегородского, у архиепископов: у Суздальского, у Тверского, из их епархий не исчево быть вновь архиереом: епархии малоградны и расстоянием не далны. Вятскую епископию учинить архиепископию, а вновь прибавить архиерея не исчево, потому что во градах церквей мало. На Колмогорах быти архиепископу, на Устюге Великом быти архиепископу, а в протчих градах вышеписанных быти епископом. *(На особой четвертушке)*: А ис каких доходов тех новоученных архиереов соборные церкви и их архиерейские дома и архиерейские одежды также и причетников церковные одежды и всякая церковная утварь построить, как Великий Государь укажет, а из приписных монастырей, которые им будут даны, невозможно вскоре того управить и всякова доволства архиерейскова чина исполнить. *На другом листе*: И по сему писму быти вновь двум человеком архиепископом да 13 человеком епископом. А по листу, каков от Великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии Самодержца, послан к Великому Господину Святѣйшему Иоакиму, Патриарху Московскому и всеа Росии, Ноября в 27 день, не назначено быти архиереом: на Костроме, на Туле, в Белеве или в Колуге, в Темникове, на Луках Великих, на Городце, на Олонце, на Ваге, в Синбирску, на Саратове, на Лене, на Углече, в Торопце, во Брянску, в Вязме: в Кашине, у Соли Камской, на Кунгуре, на Алаторе, в Муроме<sup>392</sup>.

*(Подлинник писан полууставом в четвертую долю листа на шести листках).*

## Приложение 9

**Концепт письма от Государя Царя Феодора Алексеевича к патриарху Иоакиму и ко всему патриарху Иоакиму духовному собору, состоящего в шести статьях, т. е. о раскольниках, монастырях, посвящении зарубежных попов, о чиновнике и проч. с учиненным от патриарха соборным на оное ответом (надпись архива).**

«Таково писмо написано вдвое в тетради полудестовые Февраля в 8 й день и поднесено святейшему Патриарху одна тетрадь и всем властем в крестовой сегож вышеписанного числа» (помета современная происхождению документа).

Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержец, изволил о святем Дусе Отцу своему и Богомольцу Великому Господину Святейшему Иоакиму, Патриарху Московскому и всеа Росии, и всему собору, возвестити о нужных делех, которые требуют исправления на укрепление и на украшение святыя церкви и на спасение и просвещение християном, а которые дела требуют исправления и то писано имянно:

**А.**

Вниде в ево царская слуха от многих градов, что многие неразумные человецы, оставльше святую церковь, учинили в домех своих молбища и собрався чинят чюже християнству, а на святую церковь износят страшныя хулы, чего потонку и исписати невозможно.

**Б.**

В царствующем ево Великого Государя граде Москве и во всех градах, от предков ево Государских, Великих Государей, Царей и Великих Князей Росийских, построены монастыри на прибежище желающим восприяти чин монашеский, на тихое и безмолвное пристанище, дабы весма чюжду быть мирских пристрастий, а на препитание тех благоизволяющих, приходящих в те построенные монастыри, даны многие села и деревни и всякое доволство, чтоб все имели пищею и одежду готовую и но помышляли б ни о чем, кроме душевного

спасения, а для престарелых и в болезнях сущих монахов устроены больницы. И в тех монастырях ныне общего пребывания и болничного строения нет, а где и учинили б то Богу угодное дело, и тех монастырей монахи, не хотя быть в послушании, отходят выные монастыри и тем монашеское крепкое житие упразднилось.

҃.

В монастырях же для совершенного воздержания и крепкого монашеского жития возбранено святыми отцы, чтоб отнюдь пития хмелного не имели, а ныне то пренебрежено и чинитца от того многая душевная пагуба.

҂.

При отчинах ево Великого Государя при Великом Новеграде, при Пскове, при Смоленске имеютца в близости границы короля Полского и короля Свейского, а по давным свободам еще есть в тех местах благочестивые церкви и христианское жителство и аще тому и гонения великого нет, однакож, скудости ради иереов, не токмо приходят к расширению, но и досталные искоряютца, а которые б благочестивые и похотели имети при себе священников и им того получитьи невозможно, для того, что тех градов архиереи в те зарубежные места иереов не поставляют и от того и досталные христиане, будучие за рубежом, совершенно искоряютца.

҃.

Великого Государя, Ево Царского Величества, всяких чинов людей во всякой верности, також и во всяких росправных делах, приводят ко уверению истинного обещания пред святым Евангелием, по чиновной печатной книге, а в той книге многие страшные и непрощаемые клятвы положены, которые к тем делам и неприличны.

҃.

В прошлых годах предки Ево Великого Государя Великие Государи, Цари и Великие Князи Росийские к новопостроенным монастырем давали свое Государево жалованье руги, денги и хлеб для того, что, кроме того их государева жалованья, тоя

братье прокормитца было нечим. А как умножилось братьи и тогда даны в те монастыри вотчины великие и всякие промыслы, чтоб было общее житие монахом, к томуж и вкладчики, всяких чинов люди, давали выслуженные свои, и родовые, и купленные вотчины в вечное поминовение, а как те вотчины даны и тогда те ружные дары отставлены-ль, того сыскать не почему, для того что в прошлом во 134-м году в большой пожар те книги и всякие письма погорели без остатку и по указу деда ево Государева, блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всеа Великия и Малые и Белые Росии, велено окладные книги сделать с прежних жалованных грамот и со всяких писем, и тех монастырей старцы по прежним жалованным грамотам те прежние руги, что им дано было преж вотчин, справили, – и от того времени вотчинами владеют и ругу емлют..... *(оторвано)*.....И чтоб о тех делех Великий Господин Святейший Иоаким, Патриарх Московский и всеа Руси, с преосвященными митрополиты и со архиепископы советовали, а что усоветуют, о том Великому Государю объявили, чтоб тем всем делам определение учинить ныне преж архиерейского отпуску с Москвы.

*(Далее пришиты особые листы с ответами на все статьи письма).*

Лета 7190 Февраля в 10-й день. По указу Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия, и Малыя, и Белые Росии Самодержца, прислано писание на собор ко святейшему Иоакиму, патриарху Московскому и всеа Росии, и преосвященным митрополитом, ко архиепископом и епископом, а в том писании 6 статей положено и о тех статьях соборне ответ сотворить и Великому Государю о том объявить.

Первая статья о раскольниках

И о том ответствуют соборне Святейший Патриарх со архиереи. И прежние соборы святейших Патриархов со всеми архиереи блаженные памяти отцу ево Государеву соборне доносили о тех развратниках и отступниках святые церкви и обругателях святых Христовых тайн, о самочинных их ересех,

по наказанию церковному и по многому архиерейскому учению и прошению которые отступники и развратники упорно стояли во своем упрямстве, святой церкви не покорялись и во истинное покаяние не приходили: и блаженные памяти Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержец, ревнуя по Господе Бозе и обороняючи мать свою святую церковь, указал тех врагов, святыя церкви противников, отсылать ко грацкому суду и по своему Государеву рассмотрению, кто чево достоин, указ чинить. И ныне потому же, просим и молим соборне Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержца: которые развратники и отступники, по многом церковном учении и наказании и по нашем архиерейском прощении к их обращению истинного покаяния, явятца противны, святой церкви непокорны, и таких противников указал бы Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержец, отсылать ко грацкому ж суду и по своему Государеву рассмотрению, кто чево достоин, указ чинить. И о том воеводам и приказным людям в города и в села, которые ныне есть на воеводствах, послать грамоты а впредь всем воеводам и приказным писать в наказы, чтоб то дело было под ево Государевым страхом в твердости, а вотчинником и помещиком, и их прикащиком, у кого такие противники есть и будут, потомуж объявлять в городех архиереом и воеводам, а которые расколники где объявятца и по посылкам архиерейским учинятца силны, и им воеводам и приказным по тех расколников посылать служилых людей, а во вся епархии, ко всем архиереом послать о том грамоты.

О второй статье

*(Более мелкий почерк и другая рука:)* О монастырском строении и общем жителстве, о пищи и одежде и о прехождении монахов из монастырей, и о всяком монастырском благочинии соборне утверждаем: во всех монастырех повелеваем пианственного пития не держати, архимандритом и игуменом и строителем жити благочинно и братью ко благочинию наставляти, во всем собою образ являти, особые пищи и пития

не держати, и в келиах своих з гостми особых трапез не поставляти, ходити во вся дни в трапезу з братиею ясти и пити обще, а из трапезы хлеба и всякие пищи и пития не износити и в келиах не держати, а пищу и питье в трапезе поставляти по уставу. А будет кому прилучитца от мирских людей приехать по обещанию помолитися, и ему дати упокоение по монастырскому чину, пищу и питье, чем братия питаютца в гостинной келье, и приставить искусного старца, кому о том смотреть, а особова пития про гостей отнюдь не держати, такожде и от гостей, что привезут вина и всякого хмелного пития, в монастырь отнюдь не принимать и перед нево в монастыре не поставлять. А желающих спасения, приходящих от мирских людей, скудных и не имеющих у себя имения, и их принимать безвкладно в монастырь, с рассмотрением и постригать правильно, по монастырскому чину, свободных и не беглых от законных своих жен и от господей своих. А одежду имети всякую настоятелем и братии обще, давати из монастырские казны, а денгами настоятелем и братии ис казны отнюдь не имать и братии не давать. А о престарелых труждающихся братиях немощных попечение о них имети и в болнице всякое строение надзирати, чтоб пред прочиею братиею кокова оскудения в пищи и в питии не было. И из монастырей в монастыри монахом бес повеления коеяждо епархии архиереов не преходити, и архимандритом, и игуменом, и строителем не отпускати, а не покоривых и строптивных ослушников смирят по монастырскому чину, тако ж и приходящих монахов, бес повеления архиереов и бес отпускных не принимать. И архимандритом и игуменом смотреть накрепко, чтоб священники из монастырей в домах мирских людей мужеска и женска полу не постригали и при смерти, а будет кто бесстрашник не послушает нашего повеления, станет и в домах постригать, и архимандритом и игуменом и строителем таких бесчинников отсылати ко архиереом коеяждо епархии, а архиереи по святым правилам станут о том указ чинить. А которые чернцы в монастырех не живут в послушании, и бесчинно живут на Москве и в городех, ходят по кабакам и по корчмам и по мирским домам, упиваются до пьяна, и валяются по улицам, и на таких бесчинников, Великого Государя



повелением и святейшего Патриарха благословением, Живоначальные Троицы Сергиева монастыря властям построить прежде бывший Пятницкой монастырь, огородить стоячим высоким тыном и построить четыре кельи с сенми, по монастырскому чину, и таких бесчинников в той монастырь с Москвы ссылатъ, а влаstem им пищу и одежду давать по монастырскому чину, а за монастырь их отнюдь не спускать, а архиереом такожде во своих епархиях учинить по рассмотрению о бродящих чернцах. А женска полу которые бесчинно постригались вне монастыря, в домах своих, и ныне ходят по мирским домом и садятца по улицам и по переулкам, просят милостыни, и на таких стариц, бесчинно постриженных, коемуждо архиерею во своей епархии приискать мужеские монастыри с вотчинами, по своему рассмотрению, (потому что девических монастырей мало с вотчинами и прокормитца без вотчин в монастырех нечим) и устроить монастыри старицам, которые б монастыри были не в далном расстоянии от того архиерея, в котором граде архиерей живет, для того чтобы всякое устроение самому смотреть, и выбрать к ним из женских монастырей стариц добрых, кому над ними началствовать. А по мужеским и женским монастырем, для всякого монастырского строения и для вотчинного управления, от мирских людей никого не посылать, а посылать архиереом от духовною чина добрых и искусных по своему рассмотрению.

А в нынешнее время многие попы и диаконы живут бесчинно, и упиваются безмерным пьянством, и дерзают бесстрашием не изтрезвився служат божественную литоргию и прочая церковные службы, утрени, вечерни, молебны, панихиды, такожде и церковные тайны, святое крещение, миромазание и благословение брака, и исповедание, и святое причащение и над болящими елеосвящение действуют пьяные, и от такова бесчинного пьянства в покаяние не приходят и не пристають, и божественного писания не внимают и архиерейское запрещение презирают, и таких бесчинников и пьяниц архиереом от священства извергать по правилом... Такожде и вдовых священников засматривать, как овдовеют и им давать святую литоргию и прочая служения действовать на един год

для их домовного устройства, а болши года отнюдь не давать священнодействовать, а грамоты их ставленные имати в домовую казну, для того что живут все вдовы попы неправильно, овии упиваются безмерным пьянством, овии у себя в домах держат зазорные лица, а иные живут у своих детей и у сродников, а дети их и сродники в розных чинех и дома своя строят, держат работниц и всякие зазорные лица, а иные живут по дворам у всяких чинов людей служат у крестов, и от тех попов многое всякое являетца бесчиние, а на священнический чин поношение и бесчестие, и ис тех вдовых попов которые бесстрашники впредь учнут без архиерейского благословения и без грамот служить у всяких чинов людей в домах, и таких бесчинников имать и ссылатъ по монастырям под крепкой начал, или отдавать в работу. А мирским людям наказывать, чтоб таких в свои дома не принимали (без благословения архиерейского), а будет кому из великих людей, из бояр, и из околничих, и из думных, кому невозможно быть без церковного служения, для домашних своих священника держать у себя в дому, и им бить челом на Москве святейшему патриарху, а в городех архиереом. И тем людям указ чинит святейшему патриарху и архиереом по своему рассмотрению, дать благословение священнику не вдовому, а вдовым попам и иеромонахом отнюдь не давать благословения в мирских жит домах служить и службы церковные совершать.

А о пьянственном питии третьяя статьи положена во второй статье.

О четвертой статье

О посвящении попов в зарубежные города державы королей полского и свейского, о том Великий Государь повелит общий совет положить з бояры и с полатными людьми, по Ево Государеву указу посылаютца послы и посланники о таких, делех. Как положено в договорах, про то нам не ведомо, чтобы в том деле каким образом не учинить ссоры.

О пятой статье

О чиновной книге, по которой приводят всяких чинов людей к вере, а в ней положено три статьи, первой и второй статье быть, только требуют исправления, а что от церкви положено в

прещении поучение, и тому и впредь також быть, а по третьей статье, (книге) Великому Государю донести, чтоб Великий Государь указал отставить церковные казни, клятвы на люди не налагать и вечною смертию их не убивать, для того что в той статье писано в ево Государевых делах и во всяких зборах многие люди грешат, по обещании своем пред святым Евангелием того не исполняют и тем себя вечною смертию убивают, чтобы Великий Государь изволил тем людям наложить свой Государев указ, прещение и страх по градским законом, кто чево за какую вину достоин.

О шестой статье

А в ней писано о монастырех, чтобы рассмотреть, в которые монастыри дается государево жалованье денежное и хлебное, а у них вотчины – и всякие угодья, о том определение учинить: без государева денежнаго и хлебнаго жалованья ружнаго можно-ли пробыть, и о том святейший патриарх, и преосвящении митрополиты, и архиепископы, и епископы согласие положили на ево Великого Государя волю, для того о таком деле нам архиереом определения положить невозможно. У которых монастырей отнять или впредь в которые монастыри давать, то в их государственной воли, по своему обещанию прежде сего великие князи и благочестивые цари, где жаловали милостыню ружную давали. И ныне Великий Государь, где изволит в которые монастыри свое государево ружное жалованье давать, и в которые не изволит давать, то в ево Государеве воле, как ему Великому Государю о том Бог возвестит.

*В конце подпись другими чернилами: «Таковы шесть статей написаны в полдесть и святейшему патриарху поднесены Февраля в 8-й день».*

*(Подлинник написан столбцом на восемнадцати листках),*

## Приложение 10

1. Концепты пятнадцати предложений, учиненных от 2. Соборное постановление по Государя Царя Феодора предложениям царя, об учреждении Алексеевича патриархунов епархий, о предании Иоакиму и всему раскольников градскому суду, о освященному собору, о церковном и монастырском устройении в России вновь благочинии, о исправлении архиерейских епархий и Чиновной книги, о хранении Ризы исправлении дел, Господней и Святых мощей, о касающихся до церковного призрения нищих, и воспрещении всякого благочиния строить новые пустыни и продавать воспоследовавшими на разные выписи из книг оные соборными ответами. Божественного Писания и пр.. (помета архива).

Иоаким, милостью Божиею патриарх царствующего великого града Москвы и всеа Росии. Егда благочестивейшего Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержца, ради искреннего приращения о благосостоянии святыя церкви и о Божиих людех в содержании скипетра его промысл особищный, яко истинного благочинного делания попечителя, написанный свиток (в нем же разные подлоги суще, требующие соборного суждения) нам принесется, нынешнего 7190 лета месяца Ноемврия... дня: тогда мы, приемше оный и созерцавше в нем ко славе Божии и расширению

святыя наша православныя веры  
и к духовному и гражданскому  
благочинию приличествующи и  
зело потребнейши дела, во-  
первых, всех добродетельств  
виновника и смыслов подателя  
Господа Бога благодарихом, яко на  
сие лепотворное и достолепное во  
всем многонародном Российском  
царствии дело даровал Его  
Царского Величества  
благожеланному сердцу  
промышление стяжати и, яко  
есть(по Писанию) во мнозе совете  
спасение, с нами, ради лучшего  
изрядства и церковного согласия,  
благоволил ему Великому  
Государю, во общую пользу,  
 совеща́тися, дабы вси людие, вси  
народи, яко во обладании его, тако  
иностранныи, якоже в духовнейшем  
чинном благокрасотстве  
лепотственное пребывание, такоже  
и в гражданстве всех вещей  
удобрение зряще и от устен  
возношение хвалы Божия  
непрестанное слышавше, в  
веселии сердца своего хвалили  
нераздельное Божество,  
триипостасную единицу, Бога Отца  
и Сына и Святого Духа, яко той  
дает силу и державу и во  
благопромышление, таже дабы вси  
небогознаннии языцы, видяще в  
державе Росийского Царствия сия  
вся благочинная делания,  
возглаголали: воистину Бог с ними

есть. Сего ради, Великого Государя к лучшему устроению промыслительные оные подлоги прочтошася пред нами, при всех Российских архиереях, и соборные оные судивше ответованием нашим единомудренным, общим церкви смыслом, настоящего ныне лета 7190, индиктиона же 5 решихом. на всякое же вопросительное предложение сотворихом отвещание, иже суть написаны ниже сего особыми разделении, их же да благоволит Его Царское Величество, яко истинный веры православная хранитель и во всем царствии своем всякого доброделия и во всем благолучества желатель преизряднейший, рассудя, вся во славу Божию и в честь приснопетые Владычицы наша Пресвятые Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых Божиих устроить, их же молитвы. ему, Великому Государю, да помогут к содеянию, сему же прирадети должное нам, и мы есми готови, не отреченного же ради нашего соборного совещания ответы вси руками нашими подписахом. Присутствующие же архиереи ту и с нами соответавшие сии... (оставлено место для рукоприкладств). Писася сие от миротворения 7190 лета, индиктиона 5.

Нынешнего настоящего 7190 Нынешнего настоящего 7190 году,

году по указу Великогопо указу Великого Государя, Царя и  
 Государя, Царя и ВеликогоВеликого Князя Феодора  
 Князя ФеодораАлексеевича, всеа Великия и  
 Алексеевича, всеа ВеликияМалые и Белые Росии Самодержца,  
 и Малые и Белые Росииприслано писание его царского  
 Самодержца, присланоизволения на собор ко  
 писание ево царскогосвятейшему... ..... и т. д.  
 изволения на собор кокак в концептах 15 предложений.  
 святейшему Иоакиму,.....  
 патриарху Московскому и..... град от града и место от  
 всеа Руси, иместа имеют расстояния не малая.  
 преосвященным А где быти в прибавку архиереом и  
 митрополитом, кокакия дела требовали исправления,  
 архиепископом и епископом,и то от Великого Государя  
 а в том писании такоЦаря.....  
 писано: (Другой почерк и....., предложено. И Великий  
 листы) Божиею милостиюГосподин Святейший Иоаким.....  
 Великий Государь, Царь исоветовав с Великим Государем и т.  
 Великий Князь Феодорд. Зачеркнутых слов, здесь нет.  
 Алексеевич, всеа Великия и  
 Малые и Белые Росии  
 Самодержец, изволил о  
 святем Дусе отцу своему и  
 богомольцу великому  
 господину Святейшему  
 Иоакиму, Патриарху  
 Московскому и всеа Руси,  
 и всему собору возвестить о  
 делех, которые требуют  
 исправления: вначале ко  
 ограждению святыя церкви,  
 а потом христианам на  
 распространение  
 (Зачеркнуто: противником  
 же церковным на  
 искоренение для того) (на  
 обороте листа вставка: во-

первых о прибавлении  
вновь архиереев)по градом,  
и что множатца церковные  
противники и о иных  
нуждах, которые требуют  
исправления, о чем  
явственно изображено будет  
ниже сею. А то  
архиерейское вновь  
прибавление потребно и  
нужно для того), что  
Сибирская страна  
пространна и в ней  
множество народа, Христа  
незнающего, такожде и  
иные грады от  
архиерейского пребывания  
имеют далнее расстояние, а  
имянно в Сибирской стране  
от столичного града тоя  
епархии до Доурских и  
Нерчинских и Албазинского  
острогов и до иных тем же  
подобных многих мест во  
едино лето и в полтора, и в  
два едва преходят, а в тех  
далних местах христианская  
вера не расширяется,  
развратники-ж святые  
церкве там умножаются, да  
не токмо в такой далней и  
пространной стране, но и в  
иных многих градах, а  
имянно в Путивле и в  
Севске, в Галиче, на  
Костроме и в иных многих  
местех противники



умножились, зане не имеют себе возбранения за расстоянием далним, понеже во епархиях град от града и место от места имеют расстояния не малая (зачеркнуто: Пристойно в тое Сибирскую епархию для ее расширения и вышеписанного непотребства, и в иные грады прибавить архиереев и иные многие дела требуют исправления). А где быта в прибавку архиереом и какие дела требовали исправления, и то от Великого Государя, I Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержца; великому господину, Святейшему Иоакиму, Патриарху Московскому и всеа Руси, предложено. (Зачеркнуто: советовав Великий Государь, Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малые и Белые Росии Самодержец, советовав о Святем Дусе со отцем своим и богомолцом). И Великий Господин Святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа Росии, советовав с Великим

Государем, Царем и Великим Князем Феодором Алексеевичем, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Руси Самодержцем, и на соборе говоря с преосвященными митрополиты и архиепископы, на те все дела соборной ответ учинили. (Зачеркнуто: изволил для украшения святыя церкви и для спасения и просвещения Христианом те все дела привести к совершению). А о каких делех от Великого Государя святейшему Патриарху и (сверху: всему собору) было возвещение и каков ответ на соборе в крестовой его патриарше палате на те дела учинен и то изображено явственно.

Предложение первое<sup>1-е</sup> предложение царского царского благоволения. благоволения.

Чтобы коемуждо<sup>1-е</sup> предложение дословно сходно. митрополиту имети во своейНа сие ответ соборной: «Великому епархии епископов,Государю, Царю и Великому Князю подвластных им, аФеодору Алексеевичу, всеа Великия святейшему Патриарху,и Малыя и Бѣлыя Руси отцем отцу, имети многихСамодержцу, бьют челом епископов, яко главе имитрополиты и архиепископы, пастырю, а в которых градахчтобы.... ... из епархии во градах: быти епископом, и от чегов Галиче епископу, в Арзамасе им имети доволство, и тоепископу, в Севске архиепископу, а предложено имянно. На сиек Севску городов: Брянск,

ответ соборной: (И по тому *Трубчевск, Путивль, Рылеск.*  
 предложению *Великий Новгородского митрополита* из  
 Господин *святейший епархии во градах: на Колмогорах и*  
 Иоаким, *патриархна Ваге с пригороды архиепископу:*  
*Московский и всеа Руси, Архангельской город, Мезень,*  
 прислал письмо, а в нем *Кевроль, Пустозеро, Пинега.*  
*написано,—это зачеркнуто).* *Казанского митрополита* из  
 Великому Государю, Царю и *епархии во граде на Уфе с*  
 Великому Князю *Феодору пригороды епископу. Сибирского*  
*Алексеевичу, всеа Великия митрополита* из *епархии в*  
 и *Малые и Белые Росии Енисейску с города, с пригороды и*  
 Самодержцу, бьют челом *с острожки архиепископу. А в*  
 митрополиты *(подклеенная грады на Лену в Дауры из*  
 листик, а на нем *другим той же епархии посылать от*  
 почерком:) и архиепископы, *духовного чину архимандритов и*  
 чтобы *Великий Государь игуменов, или священников добрых*  
 милостивно *кои учителей, для учения*  
 архиерейскому *чину христианского закона и*  
 разсмотрение *положил и просвещения неверных, а*  
 вновь где, в *пристойных епископом в тех далних городех*  
 местех и в *далних городех и ныне* *быть* *неудобно,*  
 много *народных, архиереов малолюдства ради христианского*  
 устроити, *архиепископов народа. Ростовского*  
 или *епископов, особыми их митрополита* из *епархии во*  
*епархии, а не под градах, на Устюге Великом, и на*  
 митрополитами *быть Тотме, и у Соли Вычегодской,*  
 подвластным, для того, чтобы *архиепископу. Рязанского*  
 во *архиерейском чине не митрополита* из *епархии во*  
 было *какого церковного градах: в Танбове с города:*  
*разгласия и меж себя Козловым, Доброе городище,*  
*распри и высости, и в том епископу; на Воронеже с городами:*  
*несогласии и в нестроении Елец, Романов, Орлов. Костянеск,*  
*святой церкви приобидения Коротьяк, Усмонь. Соколской*  
 и от *народа молвы и острожек — епископу. Крутицкого*  
 укоризны (на полях: и сего *митрополита* из *епархии во граде*  
 ради *применяясь ко Болхове с городами: Мценск,*  
 изволению *Великого Новосил, Карачев, Кромы Орел —*

Государя) (и)общим советом епископу. *Белгородской*  
и *согласием* великого митрополита из епархии во граде  
господина *святейшего* Курску с городами *быть* епископу.  
Иоакима, Патриарха *Вятскую* епископию *учинить*  
Московского и всеа Росии, *и* архиепископию. А из каких доходов  
преосвященных *тех* новоучиненных архиереев  
митрополитов, *исоборные* церкви, *и* их  
архиепископов, *и* епископов *архиерейские* дома, *и* *архиерейския*  
на соборе приговорили (*во* одежды, *также* *и* причетников  
которых градах) *быти* *вновь* церковные одежды, *и* всякая  
архиеом: *святейшего* церковная *утварь* *вновь*  
Патриарха из епархии *во* *построить*, как Великий Государь  
градах; в Галиче, Севске, *вукажет*, а из приписных  
Арзамасе епископом. *монастырей*, которые им будут  
Новгородцкого митрополита *даны*, не возможно вскоре того  
из епархии во градах: *на* *управить* *и* всякого доволства  
Колмогорах архиепископу, *вархиерейского* чина исполнить. А  
Каргополе (епископу). *монастырями* *владеть* *и*  
Казанского митрополита *из* доволство свое тем архиереем *и*  
епархии во граде на Уфедомовным их людем *иметь* по  
епископу. Сибирского *благоволению* Великого Государя:  
митрополита из епархии во *Галицкому*: Троецкою Варнавиною  
градах в Томске *и* *в* *пустынею*, Спасским монастырем,  
Енисейску епископом. А в *Богородицкою* Верхнею пустынею,  
далних градах на Лену, в *Ризположенским* монастырем  
Дауры, из тех же епархий *Фроловским*, что у озера,  
посылать от духовного чину *Николаевским*, что на посаде, 2  
архимандритов *и* игуменов, *монастыри* *Благовещенскими*, что  
или священников добрых *и* на Укоруже, да в пустыне, со  
учителных, для учения *крестьяны*, а за ними 268 дворов.  
*христианского* закона *и* *Арзамаскому* из Спасского  
просвещения неверных, а *монастыря* *уделить* *половина*  
епископом в тех далних *вотчин*, *крестьян* *и* всяких угодей  
городах *ныне* *быть* *особо*, а за ним 323 двора.  
*неудобно*, *мало* *людства* *Севскому* в Рылском уезде  
ради христианского народа. *Николаевским* монастырем со  
Ростовского митрополита *из* *крестьяны* *и* со всеми угоды.

епархии во градах: на Колмогорскому: Чюхченемским  
 Устюге Великом монастырем, да Чюхченемскою  
 архиепископу. Изволюсть чтоб Великий Государь  
 Ростовской же и пожаловал. Уфинскому Успенским  
 Вологодцкой на Белоозере монастырем со крестьяны, а за  
 Пошехоньем епископу. 132 двора. Енисейскому  
 Рязанского митрополита изволюет Великий Государь из  
 епархии во градах: в своей Государевы казны.  
 Танбове, на Воронеже Устюжскому: Архангельскою  
 епископом. Крутицкого монастыря вотчин со крестьяны  
 митрополита из епархии вои со всякими угодия уделить  
 градах на Ливнах и споловина, а за ним 330 дворов.  
 Новосилем епископу. Танбовскому: Мамонтовым  
 Белогородцкого монастырем со крестьяны и со  
 митрополита из епархии во всякими угодья. Воронежскому:  
 градах в Курску епископу. Борщевым, да Успенским, да  
 Коломенского архиепископа Алексеевским монастыри, а за  
 из епархии на Орле с ними 210 дворов. Болховскому:  
 Кромами – епископу. У Воскресенский Карачевской  
 митрополитов же из епархии монастырь со крестьяны и со  
 Астраханского, Псковского, всякими угодья. Курскому:  
 Смоленского, Знаменского монастыря уделить  
 Нижегородского, вотчинных крестьян со всякими  
 архиепископов: угодья, а за ним 169 дворов.  
 Суздальского, у Тверского  
 из их епархий не исчево  
 быть вновь архиереом:  
 епархии малоградны и  
 расстоянием не дальние.  
 Вятскую епископию учинить  
 архиепископию, а вновь  
 прибавить архиереа не ис  
 чево, потому что во градах  
 церквей и монастырей  
 мало. На Колмогорах быти  
 архиепископу, на Устюге  
 Великом быти архиепископу,

а в протчих градех  
вышеписанных быть  
епископом. А ис каких  
доходов тех новоучиненных  
архиереов соборные церкви,  
и их архиерейские дома, и  
архиерейские одежды, так-  
же и причетников церковные  
одежды, и всякая церковная  
утварь вновь построить, как  
Великий Государь укажет, а  
ис приписных монастырей,  
которые им будут даны, не  
возможно вскоре того  
управить и всякова  
доволства архиерейскова  
чина пополнить. А  
монастырями владеть и  
доволство свое тем  
архиереом и домовным их  
людем имети по  
благоволению Великого  
Государя (Зачеркнуто: и по  
сему писму быть вновь 2  
человеком архиепископом  
да 13 человеком епископом,  
а имянно): (В)Севскому (–  
вску епископ. Во  
удовольствование дати)  
Дорогодицким (ой), да  
Столепским (ой) монастыри  
(за ними 45 дворов), да в  
Рылском уезде  
Николаевским (ой  
монастырь, за ним 138  
дворов), да Дмитровским  
(ой за ним 38 дворов всего)

монастыри со крестьяны, а  
за ними 218 дворов. (В)  
Арзамаскому (–асе епископ.  
Во удовольствие дати  
ему) Спаским (ой)  
монастырем (рь) со  
крестьяны, а за ним 323  
двора. (В) Арзамаскому (–  
асе епископ. Во  
удовольствие дати ему)  
Спаским (ой) монастырем  
(рь) со крестьяны, а за ним  
323 двора. (На)  
Колмогорскому (-ах  
архиепископ. Во  
удовольствие дати ему)  
– Николаевским (ой)  
Корелским (ой, за ним 50  
дворов), да Чюхченемским  
(ой, а за ним 29 дворов)  
монастыри, да у города  
Архангелскова  
Архангелским (ой)  
монастырь, за ним 48  
дворов и всего) со  
крестьяны, а за ними 127  
дворов. (В) Каргополскому  
(ле епископ. Во  
удовольствие дати ему)  
Ошевенским (ой монастырь,  
за ним 131 двор), да  
Ниожерским (ой за ним 111  
дворов всего) монастыри со  
крестьяны, а за ними 242  
двора. (В) Галицкому (че  
епископ. Во  
удовольствие дати ему)

Троицкою (ую) Варнавиной (ну) пустыней (ню, за нею 50 дворов), Спаским (ой) монастырем (–рь за ним 19 дворов). Богородицкою (ой) Верхнюю (ие) пустынею ( – ни за ним 20 дворов), Ризположенским (ой за ним 78 дворов), Фроловским, что у озера (за ним 350 дворов), Николаевским (ой), что на посаде, (за ним 16 дворов), два монастыри (–ря) Благовещенскими (ие), что на Укороже да в пустыне (за ними 50 дворов всего) со крестьяны, а за ними 268 дворов. (На) Уфимскому (–фе епископ. Во удовольствие дати ему) Успенским (ой) монастырем (рь) со крестьяны (за ними) 132 двора. (В) Томскому (–ку епископ. Во удовольствие) пожалует великий государь из своей государевы казны. (В) Енисейскому ( – ску епископ. Во удовольствие) пожалует великий государь из своей государевы казны. (На) Белоозерскому (Беле–Озере и в Пошехонье епископ. Во удовольствие дати ему) Троецким (ой монастырь за ним 274 двора), да Никицким (ой, за ним 46



дворов, всего) монастыри  
со крестьяны, а за ними 320  
дворов. (На) Устюжскому (–  
ге архиепископ. Во  
удовольствование дати ему)  
– Архангелским (ой)  
монастырем (рь) со  
крестьяны, а за ним 330  
дворов. (В) Танбовскому (–  
нбове епископ. Во  
удовольствование дати)  
Троицким (ой) да  
Мамонтовым (ов)  
монастырем (ри) со  
крестьяны, а за ними 130  
дворов. (В) Воронежскому  
(же епископ. Во  
удовольствование дати)  
Борщовым (в), да  
Успенским (ой), да  
Алексеевским (ой)  
монастыри, а за ними 210  
дворов. (На) Ливенскому (–  
не с) и Новосильскому (–  
силью епископ. Во  
удовольствование дати ему)  
Сергиевским (иев  
монастырь за ним 19  
дворов), да из Шацкого  
Чернеева монастыря  
крестьяны, всего 325  
(дворов). (В) Курскому (–ку  
епископ. Во  
удовольствование дати ему)  
– Знаменским (ой)  
монастырем (рь) со  
крестьяны а за ним 169

дворов. (На) Орловскому (–  
ле и Кромах епископ. Во  
удовольствие дати)  
Троицким, да  
Богоявленским, да из  
Белева Преображенским  
монастыри со крестьяны, а  
за ними 246 дворов.

Предложение 2.

Предложение 2-е.

Вниде в ево царская слухаДословно сходно. Ответ  
от многих градов, чтособорной. Святейший патриарх со  
многие неразумныеархиереи и прежние соборы  
человецы, оставше святуюсвятых Патриархов со всеми  
церковь, учинили в домехархиереи, блаженные... и т. д.  
своих молбища и собрався.....

чинят чюже христианству, а  
на святую церковь износят  
страшные хулы, чего  
потонку и исписати  
невозможно. Ответ  
соборной. Святейший  
Патриарх со архиереи. И  
прежнии соборы святых  
Патриархов со всеми  
архиереи блаженные памяти  
отцу ево Государеву  
соборне доносили о тех  
развратниках и отступниках  
святые церкви и  
обругателях святых  
Христовых тайн, о  
самочинных их ересех, по  
наказанию церковному и по  
многому архиерейскому  
учению и прошению которые  
отступники и развратники  
упорно стояли в своем

упрямстве, святой церкви не покорялись и во истинное покаяние не приходили: и блаженные памяти Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии Самодержец, ревнуя по Господе Боже и обороняючи мать свою святую церковь, указал тех врагов, святыя церкви противников, отсылать ко градцкому суду и по своему Государеву рассмотрению, кто чѣво достоин, указ чинить. И ныне, потому ж, просим и молим соборне Великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии Самодержца: которые развратники и отступники, по многом церковном учении и наказании и по нашем архиерейском прошении к их обращению истинного покаяния, явятца противвы, святой церкви непокорны, и таких противников указал бы великий Государь, Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии

Самодержец, отсылать ко градцкому ж суду и по своему Государеву рассмотрению, кто чего достоин, указ чинить. И о том воеводам и приказным людям в города и в села, которые ныне есть на воеводствах, послать грамоты, а впредь всем воеводам и приказным писать в наказы, чтобы то дело было под ево Государевым страхом в твердости, а вотчинником и помещиком, и их прикащиком, у ково такие противники есть и будут, потому же объявлять в городех архиереом и воеводам, а которые раскольники где объявятца, и по посылкам учинятца архиерейским силны, и им воеводам и приказным по тех расколников посылать служилых людей, а во вся епархии ко всем архиереом послать о том грамоты.

Предложение 3-е.

Предложение 3-е.

В Царствующем евоСходно с *текстом 3-го Великого Государя градепредложения концептов. Ответ Москве и во всех градах, отсоборной. О монастырском предков ево Государских,строении и общем жительстве, о Великих Государей, Царей ипищи и одежде..... Великих Князей Росийских.....* построены монастыри *наприискать мужеские монастыри с*

прибежище желающих в отчинах, по своему  
восприяти чин монашеский, усмотрению, потому что  
на тихое и безмолвное девицких монастырей мало с  
пристанище, дабы весма в отчинах и прокормиться без  
чужду быть мирских в от чин в монастырех нечем, и  
пристрастий, а на устроить монастыри старицам,  
пропитание тех которые в монастыри были не в  
благоизволяющих, далом.....  
приходящих в те.....  
состроенные монастыри, по деревням не ездить и меж  
даны многие села и деревни мирских домов не жить, а быть  
и всякое доволство, чтоб тем дворянам в послушании у  
все имели пищу и одежду архиереов и всякое монастырское  
готовую и не помышляли б внешнее устройство строить по  
ни о чем, кроме душевного благословению сущего там  
спасения, а для архиерея, а в духовное управление  
престарелых и в болезнях между стариц и церковных  
сущих монахов устроены причетников дворянину не  
болницы, И в тех вступаться и ни в чем не ведать.  
монастырех ныне общего Да и о том соборне утверждаем,  
пребывания и болничного чтоб мирские люди вдовых  
строения нет, а где и священников в домах своих у  
учинили б то Богу угодное крестов не держали, а буде кому  
дело, и тех монастырей из великих людей, из бояр, и из  
монахи, не хотя быть во колничих, и из думных, кому не  
послушании, отходят в иные возможно быть без церковного  
монастыри, и тем служения, для домашних своих  
монашеское крепкое житие священника держать у себя в  
упразднилось; так же бы и дому, и им бити челом на Москве  
хмельного питья в Святейшему Патриарху, а в  
монастырех отнюдь не городех архиереом, и тем людям  
держат. Ответ соборной. Оуказ чинить святейшему  
монастырском строении и патриарху и архиереом по своему  
общем жительстве, о пищах и рассмотрению, дать  
о одежде, и о прехождении благословение священнику не  
монахов из монастырей, и овдовому. А вдовым попам и  
всяком монастырском ером монахом отнюдь не давать

благочинии, соборнеблагословения в мирских домах утверждем: во всехжить и службы церковные монастырех повелеваемсовершать, для того что в пианственного пития ненынешнее время многие попы и держати, архимандритом, идиаконы живут бесчинно и игуменом, и строителемупиваются безмерным пианством, жити благочинно и братиюи дерзают бесстрашием не ко благочинию наставляти,истрезвився служить во всем собою образбожественную литоргию и прочия являти, особые пищи ицерковные службы, утрени, пития не держати, и ввечерни, молебны, паннихиды, келиах своих з гостьмитакожде и церковные тайны, особых трапез несвятое крещение, миропомазание, поставляти, ходити по всии благословение брака, и дни в трапезу с братиеюисповедание, и святое исти и пити обще, а изпричащение, и над болящими трапезы хлеба и всякияелеосвящение действуют пьяные, пищи и пития не износить ии от такового бесчинного в келиах не держати, а пищупианства в покаяние не приходят и питье в трапезеи не престают, и божественного поставляти по уставу. Аписания не внимают, и будет кому прилучится отархиерейское запрещение мирских людей приехать попрезирают: и таких бесчинников и обещанию помолитися, ипианиц архиереом от священства ему дати упокоение поизвергать по правилом..... монастырскому чину, пищу и(многоточие в тексте А. И.) и из питье, чем братия питаютца,тех вдовых попов, которые в гостинной келье, ибесстрашники впредь учнут без приставить искусногоархиерейского благословения и без старца, кому о томграмот служить у всяких чинов смотреть, а особова питиялюдей в домех, и таких про гостей отнюдь небесчинников иматъ и ссылатъ по держати, такожде и отмонастырям под крепкой начал, гостей, что привезут вина или отдавать в работу. А всякого хмелного пития вкоторые люди без архиерейского монастырь, отнюдь неблагословения учнут в дома свои принимати и перед нево втаких бесчинных вдовых и

монастыре не поставляти. А отлученных попов призывать для желающих спасения, церковные службы и церковных приходящих от мирских потреб, и такие люди под людей, скудных и нецерковною епитимиею будут имеющих у себя имения, и подлежать.

их принимать безвкладно в монастырь, с рассмотрением, и постригать правильно, по монастырскому чину, свободных и небеглых от законных своих жен и от господей своих. А одежду имети всякую настоятелем и братии обще, давати из полу которые бесчинно постригались вне монастыря, в домах своих, и ныне ходят по мирским домом и садятца по улицам и по переулкам, просят милостыни, и на таких стариц, бесчинно постриженных, коемуждо архиерею во своей епархии приискать мужеские монастыри с вотчинами по своему рассмотрению, и устроить монастыри старицам, которые бы монастыри были не в далном расстоянии от того архиерея, в котором граде архиерей живет, для того, чтобы всякое устройство самому смотреть, и выбрать к ним из женских

монастырей, стариц добрых, кому над ними началствовать. А по мужеским монастырем для всякого монастырского строения и для вотчинного управления от мирских людей никого не посылать, а посылать архиереом от духовного чина добрых и искусных по своему рассмотрению. На обороте: а которые девические монастыри многовотчинные, и в те б монастыри указал Великий Государь выбрать и послать дворян старых добрых для управления вотчин тех монастырей, чтоб старицам из монастырей по деревням не ездить и меж мирских домов не жить... В нынешнее время многие попы и диаконы живут бесчинно, и упиваются безмерным пианством, и дерзают бесстрашием не истрезвився служат божественную литоргию и прочая церковные службы: утрени, вечерни, молебны, паннихиды, такожде и церковные тайны: святое крещение, миропомазание, и благословение брака и исповедание, и святое



причащение, и над  
болящими елеосвящение  
действуют пьяные, и от  
такового бесчинного  
пианства в покаяние не  
приходят и не пристають, и  
божественного писания не  
внимают, и архиерейское  
запрещение презирают: и  
таких бесчинников и пианиц  
архиереом от священства  
извергать по правилом.  
Такожде и вдовых  
священников  
рассматривать. Как  
овдовеют и им давать  
святую литоргию, и прочая  
служения действовать на  
един год для их домовного  
управления, а больше года  
отнюдь не давати священно  
действовать. А грамоты их  
ставленные имать в  
домовую казну, для того что  
живут все вдовы попы не  
правильно, овии упиваются  
безмерным пианством, овии  
у себя в домех держат  
ззорные лица. А иные  
живут у своих детей и у  
сродников, а дети их и  
сродники в розных чинех и  
домы своя строят, держать  
работниц и всякия ззорные  
лица, а иные живут по  
дворам у всяких чинов  
людей, служат у крестов, и

от тех попов многое всякое является (безчиние, а на священнический чин поношение и бесчестие. И ис тех вдовых попов, которые бесстрашники впредь учнут без архиерейского благословения и без грамот служить у всяких чинов людей в домех, и таких бесчинников имать и ссылатъ по монастырям под крепкой начал, или отдавать в работу. А мирским людям наказывать, чтоб таких в свои дома не принимали, а будет кому из великих людей, и бояр, и из околничих, и из думных, кому не возможно быть без церковного служения, для домашних своих священника держать у себя в дому, и им бити челом на Москве святейшему патриарху, а в городех архиереом. А тем людям указ чинить святейшему патриарху и архиереом по своему рассмотрению, дати благословение священнику не вдовому. А вдовым попам и еромонахом отнюдь не давать благословения в мирских жить домах,

служить и службы  
церковные совершати.

Предложение 4-е.

Предложение 4-е.

При отчинах ево Великого *Текст тот же, что и в концептах.*  
Государя: при Великом *Ответ соборной.* Иереов в  
Новеграде, при Пскове, при зарубежные города державы  
Смоленске имеютца *Королей.....*

вблизиности границы короля  
Полского и короля  
Свейского, а по давным  
свободам еще есть в тех  
местах благочестивые  
церкви и христианское  
жительство: и аще тому и  
гонения великого нет,  
однакож скудости ради  
иереов не токмо приходят к  
расширению, но и  
досталные искореняютца, а  
которые б благочестивые и  
похотели имети при себе  
священников, и им того  
получить не возможно, для  
того что тех градов  
архиереи в те зарубежные  
места иереов не  
поставляют, и от того и  
досталные християне,  
будучие за рубежом,  
совершенно искореняютца.  
Ответ соборной. (Сначала  
было написано: О  
посвящении попов в  
зарубежные города  
державы королей Полского  
и Свейского зело надобно  
иметь прилежание и дать о

том ево Великого Государя грамоты ко архиереом, такожде и ево святейшего патриарха грамоты послать, Буде которые благочестивые учнут того желать и архиереом к тем церквам священников и диаконов поставлять, а кроме церкви никому за рубежом во священство не благословити). Но потом все это перемарано и написано так: Иереов в зарубежные города державы королей Полского и Свейского посвящать и дать о том ево Великого Государя грамоты к архиереом також и ево святейшего патриарха грамоты послать с таковым остерегательством: буде которые благочестивые учнут того желать, а скажут, что церковь благочестивая стоит пуста, а священника нет и положат о том свидетельство, или прежняя грамоты, или о строении церквей вновь грамоты тех Государей, или сенаторския, и таковых посвящати.

Предложение 5-е.

Предложение 5-е.

Великого Государя, ево *Тоже, что и в концептах. Ответ Царского Величества, соборной. Сходно с исправленным всяких чинов людей воответом концептов. всякой верности, так-же и*

во всяких расправных делах приводят ко уверению истинного обещания пред святым Евангелием по чиновной печатной книге, а в той книге многие страшные и не прощаемые клятвы положены, которые к тем делам и не приличны. Ответ соборной. О чиновной книге, по которой приводят всяких чинов людей к вере, а в ней положено три статьи, первой и второй статье быть, толко требуют исправления, а что от церкви положено в прещении поучение и тому и впред також быть, а по третьей статье (зачеркнуто: книге Великому Государю донести), чтоб Великий Государь указал отставить церковные казни, клятвы на люди не налагать и вечною смертию их не убивать, для того что в той статье писано, в ево Государевых делах и во всяких зборах многие люди грешат, по обещании своем пред святым Евангелием того не исполняют и тем себя вечною смертию убивают, чтобы Великий Государь изволил тем людям наложить свой Государев

указ, прещение и страх по градцким законом, кто чево за какую вину достоин.

Предложение 6-е.

Предложение 6-е.

Бог Всемогущий по своей неизреченной благодати даровал святейшей церкви пребогатое и неоцененное сокровище, часть Животворящего Древа, на нем же распятся и пострадал яко человек, такожде и Ризу свою божественную, яже есть хитон, от них же истекают многая и различная исцеления с верою приходящим, которое сокровище блюдомо есть в велицей соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы от многих лет и до ныне: в мимошедшия ж лета, изволением предков ево Государских, вкупе же и благословением святейших патриархов тогда бывших, то пребогатое сокровище разделено на многие части, и устроено в разные ковчеги, и блюдомо не во едином месте, и того ради явилось пренебрегомо, и некоторые части от соборных церквей той божественной Ризы едва не отлучены-ль. И сего ради он

Тоже, что и в концептах. Ответ. По исправленному тексту концептов.

церкви пребогатое и неоцененное сокровище, часть Животворящего Древа, на нем же распятся и пострадал яко человек, такожде и Ризу свою божественную, яже есть хитон, от них же истекают многая и различная исцеления с верою приходящим, которое сокровище блюдомо есть в велицей соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы от многих лет и до ныне: в мимошедшия ж лета, изволением предков ево Государских, вкупе же и благословением святейших патриархов тогда бывших, то пребогатое сокровище разделено на многие части, и устроено в разные ковчеги, и блюдомо не во едином месте, и того ради явилось пренебрегомо, и некоторые части от соборных церквей той божественной Ризы едва не отлучены-ль. И сего ради он

Великий Государь изволяет:  
то пребогатое и  
неоцененное сокровище,  
часть Животворящего Древа  
устроить в уготованном  
ковчеге и держать в  
соборной церкви во особом  
твердом к тому устроенном  
месте, со всяким опасством,  
а Ризу Господа Бога и Спаса  
нашего Иисуса Христа, все  
отделенные части, такожде  
собрать, и устроить во  
едином ковчезе, и держать  
вкупе с частию  
Животворящего Древа, и  
воздвизать единожды в год,  
в день спасительных ево  
Христовых страстей, еже  
есть в великий пяток, а на  
просвещение всегда  
православным христианом,  
приходящим в соборную  
церковь и в дома  
желающим для исцеления  
всяких раз личных  
болезней, имети прежней, к  
тому устроенной, ковчег с  
частию тоя божественные  
Ризы, и хранити ево в  
прежнем устроенном месте,  
на западной стране в угле, и  
утвердить ныне то  
соборным изложением, чтоб  
впредь того пребогатого  
сокровища па части отнюд  
не разделить. Ответ. Зело

то ево Великого Государя  
намерение благоприятно ко  
украшению святыи церкви и  
их крепости недвижимой того  
пребогатого и неоцененною  
сокровища. (После  
написано другими  
чернилами: сие утверждаем  
такое быти, как писано в  
предложении царском).

Предложение 7-е.

Предложение 7-е.

Мощи великого пророка и *Тоже, что и в концептах. Ответ.*  
Предтечи, Крестителя *Тот же, что в 15 концептах до*  
Господня Иоанна и протчих *слов, заключенных в скобки.*

святых, которые от многих  
лет собраны и блюдомы  
суть в церкви Благовещения  
Пресвятыи Богородицы, что  
у нево Великого Государя на  
сеньях, и единожды в год, в  
день спасительных страстей  
Господа Бога и Спаса  
нашего Иисуса Христа, еже  
есть в великий пяток,  
приносятца в великую  
соборную церковь Успения  
Пресвятыи Богородицы ко  
омовению, и тем  
освящается вода на  
просвещение и исцеление  
приемлющих с верою, и по  
омовении относятца в  
прежнее место: и утешения  
ради места многие мощи  
полагаютца небрегомо и  
бывают безо всякого  
призирания, о чем слышати



странно. И сего ради он, Великий Государь, изволяет: те многоцелебные мощи, для лутшего устроения и почести, и на просвещение людем, отдать в монастыри, и в соборы, и к приходцким церквам, в знатные места, где тех всех святых, Богу угодивших, состроены церкви, во имя их каменным зданием, а которые мощи затем останутся, и те потому ж устроить во особое место, благочинным устроением и затвердить ево Государскою печатью, чтоб всегда было цело и нерушимо, а в день спасительных страстей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа те мощи вкупе с теми, которые отданы будут в соблюдение к церквам, приносить к омовению в великую соборную церковь по прежнему церковному чину. Ответ. Сему соборне утверждаем быть так, как писано в предложении царском, а в которые монастыри к церквам, такожде и к приходским церквам же, которые мощи отдать, то должно чиниться по воле Великого Государя.

(Раньше было и зачеркнуто:  
зело то ево Великого  
Государя намерение  
благоприятно ко украшению  
святые церкви и крепости  
недвижимой того  
пребогатого и неоцененного  
сокровища. Сему соборне  
утверждаем быть так, как  
писано в предложении  
царском, а в которые  
монастыри к церквам,  
такжде и к приходским  
церквам же, которые мощи  
отдать, о том что Великий  
Государь укажет).

Предложение 8-е.

Предложение 8-е.

В царствующем евоТоже, что и в концептах. Ответ.  
Великого Государя велицемТот же, что и в концептах по  
граде Москве некоторыедополненному тексту,  
мужеские и девические  
монастыри состроены  
междо дворов мирских  
людей пребывания, и от  
всякого дому в те  
монастыри устроены входы,  
и теми входы в день и в  
ночь входят в монастыри, и  
то чинитца противно  
общему пребыванию,  
такжде многие вкладчики  
построили в тех монастырех  
особые церкви и пределы,  
будто в вечное поминовение  
родителей своих, и к тем  
церквам для службы  
нанимают белых

священников, и подаяние, которое было довелось дать в общину братии, то дают тем священником, и от того те монастыри стали в расстройении и братия, не имея чем питаться, разошлись и скитаютца в мире и по мирским домом ходят и просят себе пищи, и то стало бесчинно и отеческому преданию противно, потому монахом достоит весма отлучатися от мирских пристрастий и быти в монастыре, яко в тихом пристанище. И сего ради он, Великий Государь, изволяет, чтоб монахи не имели общего пребывания с мирскими и чтоб все входы в монастыри от мирских домов затвердить, а буде где не возможно, и те б монастыри с вотчины для благочиния перевести в иные места, где пристойно, чтоб монашеское пребывание было свободно от мирских. Ответ. Сие дело богоугодное и монашескому жительству ко спасению, и которые монастыри во утеснении от мирских (зачеркнуто: людей) домов, те б прелести на иное угодное и пристойное место,

где Великий Государь укажет, а которые монастыри мочно определить от мирских домов, и тем б быть по прежнему, а входы прежние, которые учинены были из домов в монастыри, те б затвердить и никому теми пути в монастырь не входить и общему житию препоны не чинить. (Другим почерком прибавлено: то утверждаем соборне).

Предложение 9-е.

Предложение 9-е.

По ево Великого Государя, *Тоже, что и в концептах. Ответ.*  
Царя и Великого Князя *Тоже, что и в концептах.*

Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, указу в царствующем ево Великого Государя граде Москвѣ о нищих рассмотрение учинено и велено их разобрать, и странных и больных держати в особом месте со всяким доволством от ево Государевы казны, и чтоб великий господин святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа Росіи, изволил и преосвященным митрополитом и архиепископом приказать потому ж и во градех

учинить пристанище нищим,  
чтоб нищие не скитались  
без призирания и ленивые  
б, имеющие здравие  
телесное, пристали к  
работе. Ответ. Сие  
предложение, угодное Богу  
и спасение христианом, и  
соборне утверждаем: да  
будет тако.

Предложение 10-е.

Предложение 10-е.

Чтоб нищие в церквах во  
время церковного пения  
милостыни не просили и  
тем во церкви стоящим  
христианином мятежа не  
чинили. Ответ. Сие

*Тоже, что и в концептах. Ответ.*

*Тот же, что и в концептах со  
сделанным там добавлением.*

предложение, угодное Богу  
и спасение христианом  
(другим почерком после  
добавлено: да будет тако).

Предложение 11-е.

Предложение 11-е.

Чтоб протопопы, и попы, и  
церковные причетники на  
церковных землях, которые  
даны в погребение телес  
умерших христиан, изб, и  
лавок, и анбаров не  
строили, и никого на те  
земли жить не пускали, и  
тем церквам Божиим  
утеснения и пакости не  
чинили, и ту б землю  
загородили в надолбы, чтоб  
бесчинно на ту землю никто  
не ходил и не ездил. Ответ.  
Чтоб Великий Государь

*Тоже, что и в концептах. Ответ.*

*Тоже, что в концептах по  
исправленному тексту.*

указал послать из Земского Приказу, (надпись сверху другою рукою: кого пригоже) и те все земли измерять и очистить по дачам (на полях: что прежних земель по писцовым книгам) кладбищи и что из под дворов придано (на полях: после морового поветрия) и те все земли огородить, а из ево Патриарша Приказу тем духовным будет приказано накрепко. А что х которой церкви по старым писцовым книгам земли, и что к той земле дано в прибавку после морового поветрия, и из чьих дворов порознь дано, о том бы для ведома указал Великий Государь прислать из Земского Приказу в ево Патриарш Приказ книги.

Предложение 12-е.

Предложение 12-е.

В которых монастырях и в *Тоже, что в концептах.* Ответ. прихоцких церквах бывает *Тот же, что в концептах с* празднество настоящего *добавлением, заключенным в* того праздника, и в то-бскобки.

время к тем церквам со всякими ядомыми харчи, и с квасом, и ни с каким питьем никого не припускать и тем святой церкви не бесчестить, чтоб в том бесчинство не чинилось. Ответ. Сие предложение,

угодное Богу и спасение  
христианом, паче ж всего ис  
того будет украшение  
святой церкви и благолепие.  
(после другой рукой  
прибавлено: и утверждаем  
соборне быти тако).

Предложение 13-е.

Предложение 13-е.

Многие монахи мужескаТоже, что в концептах. Ответ.  
полу и женска, не хотя бытьТот же, что в концептах со  
у наставников своих подделанной там припиской.

послушанием, отходят из  
монастырей и начинают  
жити в лесах, и помалу  
прибирают к себе таких же  
непослушников, и устрояют  
часовни, и служат молебны,  
а потом бьют челом о  
грамотах святейшего  
Патриарха и у архиереев о  
строении на тех местах  
церквей, и имянуют их  
пустынями, и в тех  
новопостроенных пустынях  
церковное пение  
отправляют не по  
исправным книгам, и для  
того приходят к ним многие  
люди и селятца блиско их, и  
имеют их за страдалцов, и  
от того урастает на святую  
церковь противление, и чтоб  
великий господин  
святейший Иоаким,  
Патриарх Московский и всеа  
Росии, со освященным  
собором впред таковым

быти не попускали. Ответ. О сем Великому Государю быют челом митрополиты, архиепископы, чтоб Великий Государь милостивно ко архиерейскому чину рассмотрение положил и (зачеркнуто: вновь) своих государевых грамот о строении вновь пустынь отпускать не указал, а они те пустыни, при которых блиско поселение мирских людей, переведут в монастыри, а в тех местех устроят приходские церкви. (После приписано другой рукой: и сие предложение соборне утверждаем, да будет тако).

Предложение 14-е.

Предложение 14-е.

На Москве всяких чинов *До оторванного листа текст* люди пишут в тетратех, и *натот же, что в концептах, а* листах, и в столпцах *потом: церкви книги является* выписки, имая *из книг* многая ложь, а простолудины, не Божественного Писания, *иведа* истинного писания, продают у Спаских врат и *приемлют* себе за истину и в том во иных местех, и в тех *согрешают, паче же* вырастает писмах на преданные *из того на святую церковь* святых..... (лист *противление: и чтоб святейший* оторван)..... Ответ. *Иоаким, патриарх Московский и* ..... (Начало *всёа Росии, изволил того* оторвано) *лживыми* приказать *остерегать* и писмами, и тех *имая* свидетельствовать с Печатной) приводить в ево Патриарш *Двора.* Ответ. По сему Приказ и чинити смирение, *предложению указал бы Великий* смотря по вине, и имати *Государь* приставить *особого*



пени по рассмотрению, а человека, а он Святейший  
для вспоможения тем Патриарх особого человека из  
выборным людям давать с духовных изберет же, чтоб они  
караулов стрелцов, когда купе того постерегали: и  
понадобится, некоторые объявятся с такими.....  
непослушников. а далее тот же текст, что на

уцелевшем листе концептов.

Предложение 15-е.

Предложение 15-е.

Которые книги прежних Тот же, что и в концептах.  
печатей учнут всяких чинов Ответ. Кто каких ни есть чинов  
люди продавать, и у тех бы учнет книги приносить прежних  
людей те книги иметь на печатей и тем людям  
Печатный Двор, а вместо новых исправные книги даны будут  
того давать исправленные без цены.

книги, чтоб в том во святых  
церквах несогласия, а меж  
людьми сомнения не  
было.....

(Тетрад весьма ветхая и  
часто составленная из  
клочков причем заметно, что  
ответы в большинстве  
приклеены к листкам с  
предложениями. Писана  
разными почерками: все  
предложения, исключая  
части 2-го, а также 3-го, 4-го  
и 5-го, писаны одной рукой  
полууставным почерком, а  
ответы другим. Чрез всю  
тетрад прошла одна рука  
(третья), делавшая  
поправки и приписки,  
особенно в ответах, почерк  
этой руки весьма  
небрежный, заметно, что  
именно эта рука дала

соборным ответам ту редакцию, в которой они напечатаны в 5 т. Актов Исторических под № 75. Нумерация предложений сделана тою же небрежною рукою. Вес подлинник написан в столбец на сорока девяти листках).

Предложение 16 е.

На Москве во многих местех учинены палатки и деревянные анбарцы, и в них поставлены из монастырей святыя иконы, и называют часовнями, и держат в тех часовнях священников, и служат молебны: и во дни Господских и Богородичных праздников и в воскресные дни собираются у тех часовен многой народ и, оставя святую церковь и в ней совершаемую божественную тайну, слушают тех молебнов, и чтоб отныне в тех часовнях священником не быть, разве не во многих и определенных пристойных особых местех, и то с повелением Великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца, и за благословением великого господина святейшего Иоакима, патриарха Московского и всеа Росии. Ответ. Чтоб в часовнях святым иконам быть, которые близко караулов, а старцом при тех



## Примечания

<sup>1</sup> - «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Отд. 5-й «Царь Феодор Алексеевич», стр. 467. С.-Петербург 1874 г.

<sup>2</sup> - «История России с древнейших времен», т. 13 стр. 311 Москва 1863 г.

<sup>3</sup> - «История России с древнейших времен», т. 13 стр. 313.

<sup>4</sup> - «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Отд. 5-й «Царь Феодор Алексеевич», стр. 467–469.

<sup>5</sup> - «История русского раскола, известного под именем старообрядчества» 2 пер. гл. 5 стр. 328. С.-Петербург 1855 г.

<sup>6</sup> - протоиерей П. Ф. Николаевский. «Патриаршая область и русская епархия в XVII в.» 1888 г. «Христианское чтение». № 1–2. (январь-февраль), стр. 150–189.

<sup>7</sup> - «Руководство по истории русской церкви» Вып. 3 (1589–1700), стр. 223 и др. Москва 1889 г.

<sup>8</sup> - «История Русской церкви». Период 4-й (1589–1720), стр. 16–17 сравн. 55 Москва 1857 г.

<sup>9</sup> - «Руководство к русской церковной истории» 2-е изд., стр. 242 сравн. 273 и др., Казань 1876 г.

<sup>10</sup> - «О Московском соборе 1681–1682 г.» стр. 14 примечание 18-е и самый текст исследования.

<sup>11</sup> - Если считать год по современному с января по январь, то по Воробьеву выходит, что деяния собора начались в Ноябре 1680 года, а не 1681 года и окончились в апреле 1682 г., т. е. должны быть приурочены им к трем годам: 1680, 1681 и 1682-му. Относя-же 16 месяцев время заседаний собора – на 1681–1682 гг., Воробьев, очевидно, имел в виду здесь, к большому недоумению современного читателя, сентябрьские годы, а не современные нам – январские. По-современному нам счету годов заголовок его сочинения нужно прочитать так: «О Московском соборе 1680 1681 и 1682 годов», а не 1681–82, как значится у него.

<sup>12</sup> - Страницы 108–118.

<sup>13</sup> - «Патриаршая область и русская епархия в XVII в.», «Христианское чтение». 1888 г. кн. I стр. 186 примеч. 1.

<sup>14</sup> - В 4-й долю листа на 79 страницах, вставлено в рукописный сборник принадлежавший П. М. Строеву.

<sup>15</sup> - В сравнении с черновым он приведен в приложении к настоящему исследованию под № 10.

<sup>16</sup> - Как видим сейчас ниже в I-й главе.

<sup>17</sup> - Текст этого документа в сравнении его с черновым рукописным подлинником помещен в приложениях к настоящему исследованию № 10.

<sup>18</sup> - Эти надписи, как вполне выражающие предмет содержания каждой тетради, удержаны и при напечатании этих тетрадей в приложениях к настоящему исследованию.

<sup>19</sup> - При нижеследующем описании документов автор имеет в виду читателя, ознакомившегося предварительно с текстом их по приложениям.

<sup>20</sup> - По листам скреплена роспись Тверская, но разобрать имя и фамилию стряпчего невозможно, так как листы на местах скрепы отрепаны.

<sup>21</sup> - Последняя помета сохранялась на полях росписи.

<sup>22</sup> - «Чтения в обществе истории и древностей Российских» 1894 г. кн. 4 стр. 34.

<sup>23</sup> - Во второй половине XVII в. освященный собор иногда назывался и синодом. В. О. Ключевский. «Боярская дума древней Руси». Издание 2-е. Москва. 1883 г. стр. 494.

<sup>24</sup> - Московский архив Министерства Юстиции. Сибирский приказ столбец № 592 Грамота цари Алексея Симеону, архиепископу Тобольскому. По книге «Дворцовые разряды» можно наглядно проследить, как, сменяясь одни другими, архиереи 17 века постоянно пополняли состав освященного собора. Там есть несколько указаний на то, как одних из них отпускали «с Москвы» в свои епархии, а других на их место вызывали в Москву для присутствования в соборе точно в наше время – для присутствования в Синоде. Так, например, под 1674 годом значится: «сентября в 8 день посланы по указу Великого Государя из большого дворца, от боярина и

оружничего Богдана Матвеевича, да от думного дворянина от Александра Савостьяновича Хитрово, да от думного дьяка Феодора Михайлова с товарищи грамоты: в Нижней Новгород по Филарета, митрополита Нижегородского и Оратурского, да в Белгород по Мисаила, митрополита Белогородского и Обоянского, а святейший Иоаким патриарх Московский и всеа Росии велел послать к ним же из своего разряду другую грамоту. И велено быть им к Москве тотчас, не мешкав, а приехав к Москве, велено им про себя известить и про свои приезды в большом дворце боярину и оружнику Богдану Матвеевичу Хитрово с товарищи»... Далее, под тем же годом читаем: «декабря в 26 день пожаловал Великий Государь и Святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа Росии, отпустили властей с Москвы: Корнилия, митрополита Нижегородского и Великолуцкого, Иоасафа, митрополита Казанского и Свияжского, Иону, епископа Вятцкого и Великопермского и у руки на отпуске у Великого Государя и у благословения Святейшего Иоакима, патриарха Московского и всеа Росии были»... «Дворцовые разряды» т. 3 стр. 1008, 1156, 1180 и друг. По тем же «Дворцовым разрядам» можно видеть, как члены «освященного собора» во всю 2-ю полов. 17-го столетия в течение круглого года совершают богослужение по разным церквам Москвы, что также указывает на их постоянное присутствие здесь.

<sup>25</sup> - Приложение 6., сравн. «Собрание Государственных Грамот и Договоров». т. 4. № 131.

<sup>26</sup> - «Акты Исторические». т. 5. № 75 стр. 108.

<sup>27</sup> - В этой же главе.

<sup>28</sup> - Приложение 7.

<sup>29</sup> - Приложение 8.

<sup>30</sup> - Приложение 9.

<sup>31</sup> - Дополнения к 13 т. «Истории России» С. М. Соловьева, напечатано в 14 т. изд. 1864 г. Москва. «Разряд без мест Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малые и Белые Росии самодержца 190 году».

<sup>32</sup> - «Промыслительные оные подлоги (предложения царя) прочтошася пред нами при всех Российских архиереях, и соборне оные судивше отговорением нашим единомудренным, общим церкви смыслом настоящего ныне лета 7190 г. индиктиона же 5 решихом». «Акты Исторические». т. 5. № 75 стр. 109.

<sup>33</sup> - Именины приходились в среду на первой неделе Великого поста, и потому празднование их было перенесено на сырную неделю.

<sup>34</sup> - Дополнения к 13 т. «Истории России» С. М. Соловьева, напечатано в 14 т. изд. 1864 г. Москва. «Разряд без мест Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа великия и малые и белые Росии самодержца 190 году».

<sup>35</sup> - Там же.

<sup>36</sup> - «Нынешнего 7190 году, прислано писание его царского изволения на собор ко святейшему патриарху и преосвященным митрополитом, ко архиепископом и епископом, а в том писания тако писано: «Божиею милостию Великий Государь изволил». (и т. д. текст письма от 6 февраля). «И великий Господин святейший Иоаким..., на соборе говоря с преосвященными митрополиты и архиепископы, на те все дела ответ учинили. А о каких делех.. было возвешение и каков ответ на соборе... на те дела учинен в то изображено явственно», следует изложение предложений и соборных ответов на них. «Акты Исторические». т. 5 № 75.

<sup>37</sup> - Приложение 5., ср. «Собрание Государственных Грамот и Договоров». 4 т. № 128. «Полное Собрание Законов Российской Империи» т. 2. № 898.

<sup>38</sup> - Возможно впрочем, что они находятся где нибудь среди неразобранных еще архивных документов.

<sup>39</sup> - «Собрание Государственных Грамот и Договоров». № 130.

<sup>40</sup> - Приложение 7-е: «190 году Февраля в 8-й день по указу Великого Государя отдано при Святейшем Патриархе в крестовой митрополитам письма о епископах: Новгородскому, Ростовскому, Псковскому, Нижегородскому, Рязанскому...

<sup>41</sup> - «Разряд без мест»... Дополнения к 13 т. «Истории России» С. М. Соловьева, напечатано в 14 т.

<sup>42</sup> - Возбуждает некоторое сомнение присутствие на заседании 8-го февраля еще архиереев: Астраханского, Смоленского, Тверского и Вятского, так как по раздаче на этом заседании митрополитам писем о том, где быть в их епархиях вновь архиереям, оказалось что «остались еще изготовлены такие ж письма и не отданы митрополитам: Казанскому, Астраханскому, Сибирскому, Смоленскому, Тверскому Вяцкому и Белгородскому» (прилож. 7). Но причина, почему 9-го февраля не отданы были этим архиереям заготовленные для них письма, едва-ли заключалась в их, кроме Сибирского и Белгородского, отсутствии на этом заседании. Накануне заседаний они были в Москве несомненно, «отпуска» из Москвы им не могло быть, так как царь указал обсудить это предложения «прежь отпуску архиереев с Москвы», стало-быть на заседаниях собора они должны были находиться обязательно. Не взяты же ими письма эти, может быть, просто за ненадобностью, так как у митроп. Астраханского наприм. предполагался в епархии вновь всего лишь один епископ и этот вопрос ему можно было обсудить и без особого письма, а архиереи Вятский, Тверской и Смоленский именуются в письмах митрополитами, между тем они не имели еще в действительности такого титула и не взяли писем, может быть, поэтому. Могли они и случайно или по своим личным обстоятельствам не явиться на это заседание, хотя и были в Москве.

<sup>43</sup> - «Разряд без мест», «История России» С. М. Соловьева, напечатано в 14 т. в дополнениях.

<sup>44</sup> - Примеры эти Воробьеву дали право утверждать, что на соборе 1682 г. «вероятно присутствовали еще и архимандриты знатнейших монастырей». «О Московском соборе 1681–82 гг.» стр. 13.

<sup>45</sup> - Приложение 9.

<sup>46</sup> - В Крестовой соборне судили Никона и здесь же происходили соборные заседания и других соборов.

<sup>47</sup> - Помета на документе, напечатанном в приложении 9.



<sup>48</sup> - «Акты Исторические», т. 5. № 75 стр. 110, 1-й столб., сравн. приложен. 10.

<sup>49</sup> - Может быть упоминаемым в документах Иларионом Ивановичем.

<sup>50</sup> - Сравн. Приложение 10-е.

<sup>51</sup> - Так это представляется и у Гр. Воробьева. «О Московском соборе 1681–82 г.», стр. 12.

<sup>52</sup> - Смотр. Приложение 3-е.

<sup>53</sup> - Приложение 4-е.

<sup>54</sup> - И. М. Покровский («Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы». в 2-х т. Казань. т. I. 1897 г.) высказал неосновательную догадку (стр. 339 прилож. 1), что это «Описание», составлено после подачи челобитья и царских предложений» т. е. после соборного заседания 8 февраля 1682 г., но тогда это «описание» было уже совсем и не нужно, а главное в нем указывается расстояние от тех кафедральных городов до монастырей, которые были проектированы таковыми в первоначальной росписи Феодора Алексеевича, а не от тех, в которых постановлено было быть вновь архиереям по соборной челобитной.

<sup>55</sup> - Приложение 8-е.

<sup>56</sup> - См. Приложение 5., сравн. Вступление под буквой в.) И монастыри, назначенные по соборной челобитной «для удовольствования» новых архиереев, взяты те же и с таким же количеством приписных к ним дворов, как предположено было по проекту, поступившему чрез патриарха на обсуждение освященного собора в 1681 г. Ноября 27 дня.

<sup>57</sup> - «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских» 1894 г. кн. 4 стран. 34.

<sup>58</sup> - Приложение 4.

<sup>59</sup> - Любопытную редакцию позднейшей росписи представляет между прочим та «нынешняя роспись», которая сравнивается «с прежней»; по ней предполагалось учредить «обоего архиепископов и епископов 25 человек, то есть архиепископом быть-бы по прежнему (т. е. с сохранением самостоятельности епархий: Вологоцкому, Суздальскому,

Коломенскому, да вновь (архиепископские епархии) на Колмогорах и Архангельского города на Устюге, в Севску; Епископом во всех епархиях: на Костроме, в Галиче, в Звенигороде, в Темникове, в Арзамасе, на Городце, на Уфе на Царицыне, в Томску, на Лене, на Угличе, в Торопце, во Брянску, во Ржеве, в Перми, на Курмыше, в Тамбове, да Воронеже, в Курску». (Приложение 5-е, сравн. «Полное Собрание Законов», № 898, «Собрание Государственных Грамот и Договоров». 4 ч., № 128). Стремление редакции удержать самостоятельность архиепископских кафедр (чтобы им не быть подвластными митрополитам) общее с тем, какое замечается и в соборной челобитной, дает право предполагать, что эта «нынешняя» роспись принадлежит перу представителя церковной администрации м. б. самому патриарху. А то обстоятельство, что и в челобитной архиерейской предназначено быть также архиепископам в Колмогорах и Устюге, удержана самостоятельность архиепископий – Суздальской, Коломенской, Тверской и Вятской – и те же новые епископские города, какие названы в «нынешней росписи», показывает, что ею отчасти руководствовались архиереи при составлении своего постановления на соборе 1682 года.

<sup>60</sup> - «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских», 1894 г. кн. 4. 171 ст. 36.

<sup>61</sup> - Там же, стр. 35, по проекту царя, действительно, как мы видели, предполагались между прочими 12-ю митрополии: Тверская, Псковская и Смоленская, где доселе были лишь архиепископии, митрополии Сарской не должно было быть, почему она теперь и закрывалась.

<sup>62</sup> - Там же. Что все эти начинания следует отнести ко времени до февральских заседаний собора 1682 года и именно к концу 1681 года показывают между прочим точные данные о поставлении в Звенигород и переводе оттуда в Коломну Никиты и о поставлении архиепископом, а не митрополитом в Тверь 5 Февраля 1682 года Сергия, Никита 6 Ноября 1681 г. поставлен епископом в Звенигород, а 24 Декабря уже переводится в Коломну. В Твери должно было быть митрополиту Варсонофию,

но еще до февральских заседаний собора, отвергших проект Феодора Алексеевича «в Тверь паки поставиша архиепископа».

<sup>63</sup> - См. стр. 42, примеч. 3. (примеч. 55), сравн. приложен. 8-е: «а полноту, каков от В. Государя послан патриарху Ноября в 27 день, не назначено»... и т. д.

<sup>64</sup> - См. прилож. 5, сравн. приложен. 8.

<sup>65</sup> - См. приложен. 7.

<sup>66</sup> - «Чтобы коемуждо митрополиту имети во своей епархии епископов, подвластных им, а святейшему Патриарху, отцем отцу, имети многих епископов, яко главе и пастырю, а в которых градах быти епископом и от чего им имети довольство в то предложено имянно». (Предл. 1-е. «Акты Исторические», т. 5. № 75) сравн. черновую редакцию в приложен. 10-м.

<sup>67</sup> - Сравн. прилож. 1-е к кн. И. М. Покровского «Русские Епархии в XVI–XIX вв.» Казань., т. 1. 1897 г.

<sup>68</sup> - Пожалует В. Государь оброчные рыбные промыслы.

<sup>69</sup> - Полный текст росписи см. в прилож. 5-м и «Полном Собрании Законов» т. 2 № 898. сравн. приложение 7-е.

<sup>70</sup> - См. прилож. 4 и 6.

<sup>71</sup> - См. приложен. 8-е, ср. «Акты Исторические», т. 5 № 75.

<sup>72</sup> - Профессор П. Ф. Николаевский также полагает, что Феодор Алексеевич имел в виду открыть в округе каждого митрополита особые епархии, подвластные митрополитам. «Патриаршая область и русская епархия в XVII в.» 1888 г. «Христианское чтение». № 1–2, стр. 182–183.

<sup>73</sup> - «Материалы для истории раскола за первое время его существования» под ред. Н. И. Субботина, т. 1–9. Москва 1874–1894, т. 2. 1876 г., стр. 381.

<sup>74</sup> - «Материалы для истории раскола» т. 2., стр. 382.

<sup>75</sup> - Выдержка взята из соч. Е. Е. Замысловского «Царствование Феодора Алексеевича» ч. I приложение III, стр. XXXIV–XXXV. С.-Петербург 1871 г. Рукоп. «Икона или изображение дел патриаршего престола» составл. в 1700 г. в списке хран. в Публичной Библиот. в отд. рук. М. П. Погодина,

описание рукописи см. в каталоге В. М. Ундольского: «Славяно-Русские рукописи» с № 1 по № 579., Москва 1870 г. № 210.

<sup>76</sup> - В архиве Казанского архиерейского дома хранился очень интересный документ, относящийся к делам по вопросу о русских епархиях на соборе 1682 года. Вернее всего, этот документ прислан был из Москвы вместе с листом о том, где предполагалось открыть новые епархии у Казанского митрополита. Копия или выдержка из него в 1742 году прислана в Синод, когда заходила речь о степенях епархий и теперь хранится в Синод. Архиве при деле 1742 г. № 115. Из него видно, как предполагалось назвать митрополитов по городам, которые в русской державе именити суть: «именоватися архиереем тако, како ниже сего объявлено: Корнилий, митрополит Новгородского царства; Иосиф, митрополит Казанского царства; Никифор, митрополит Астраханского царства; Павел, митрополит Сибирского царства; Иона, митрополит великого княжения Ростовского; Маркелл, митрополит Псковского государства; Симеон, митрополит княжения Смоленского. Тем же подобием Тверскому именоватися. Иона, митрополит Вятского княжения; Филарет, митрополит Нижегородской земли; Павел, митрополит Рязанского княжества; Мисаил, митрополит всея Украины, Вологодского княжения архиепископ; Суздальского княжения архиепископ; Коломенского княжения архиепископ». Документ напечатан у И. М. Покровского в его книге «Русские епархии в XVI–XIX вв.» в прилож. I. Казань 1897 г.

<sup>77</sup> - Здесь уместно обратить внимание на поразительное в общих чертах сходство предполагавшегося этими двумя проектами областного устройства Русского государства с тем положением об устройстве губерний, какое введено было при брате Феодора Алексеевича Петре В. и окончательно сложилось в течение XVIII в. Известно, что еще Петром I-м территория Русского государства была разделена на округа, тонко названные им губерниями, а не наместничествами, губернии же разделены на провинции: при чем губернии эти в своем большинстве вполне почти совладали с Феодоровым делением на наместничества даже и по своему наименованию:

Московская, Сибирская, Казанская, Нижегородская, Астраханская, С-Петербургская, (тоже что наместничество Новгородское), Рижская (заключавшая в себе наместничество Смоленское), Архангелогородская, Киевская, Азовская, Эстляндская. «Полное Собрание Законов Российской Империи». т. 5., № 3380. Возможно, что Великий преобразователь при проведении этой реформы, как и во многих других случаях, воспользовался задуманным еще до него, именно братом его, планом если и не в точном его виде, то основною его мыслью. В настоящее время соответствие губерний и епархий в территориальном и во многих других отношениях у всех на глазах.

<sup>78</sup> - «Акты Исторические», т. 5 № 75 срав. прилож. 6.

<sup>79</sup> - Приложение 7-е.

<sup>80</sup> - «Материалы для истории раскола» т. 2, стр. 381, 427–428.

<sup>81</sup> - «Современный календарь» А. Д. Ступина на 1899 г., Москва. 1898 г.

<sup>82</sup> - «Церковные ведомости», 1891 г. № 52.

<sup>83</sup> - Патриарх Московский и всея Руси, Митрополиты: Новгородский, Казанский, Астраханский, Сибирский, Ростовский, Сырский, Рязанский, Нижегородский и Белгородский. Архиепископы: Вологодский, Смоленский. Псковский, Суздальский, Тверской и Коломенский. Епископ Вятский. («Созерцание Краткого лет 7190–91–92» стр. 171; Срав. «История российской иерархии», епископа Амвросия (Орнатского)).

<sup>84</sup> - П. Ф. Николаевский. «Патриаршая область в 17 в.». «Христианское чтение» 1888 г. т. I, Количество городов и монастырей, входивших в состав их видно из росписей тех и других, составленных в 1681 г. См. текст росписей в приложении 1-м.

<sup>85</sup> - «Материалы для истории раскола» т. 7. 145 стр.

<sup>86</sup> - «Акты Исторические», т. 5. № 75, стр. 109, «Собрание Государственных Грамот и Договоров» т. 4. № 131, прилож. 6-е.

<sup>87</sup> - Грам. Михаила Феодоровича. 1627 г. («История Русской церкви» митрополита Макария (Булгакова), XI т. 218 стр. издан. 1882 г.): Память Патр. Иоасафа тиуну Манойлову и поповскому старосте Панкратию («Акты Археографической экспедиции» т. 3 № 254); Грам. Алексея Михайловича («Акты Исторические», т. 4 № 35); Окружное послание п. Никона («Начертание жития и деяний Никона Патриарха Московского и Всея России» архимандрита Аполлоса, стр. 129–132); «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России». кн. 2., Половина 2. М., 1854., отд. 6. стр. 57–61; «Дворцовые разряды» т. 3 стр. 1288, 1428; «Акты Исторические», т. 3 № 137; «Акты Археографической экспедиции» т. 3 №№ 176, и 197, т. 4 № 18; «Собрание Государственных Грамот и Договоров» 3 т. № 138: Улож. Алексея Михайловича гл. 25 ст. 16.

<sup>88</sup> - Колдунов жгли на кострах (Г. К. Котошихин. «О России в царствование Алексея Михайловича», гл. 7., стр. 34), Б. В. Голицин жаловался, что вынули у него след. (Записки Желябужского стр. 21). При обвинении государственных деятелей в преступлениях, когда не было настоящего повода к их осуждению, но было нужно их удалить от двора, в самодовлеющую вину им поставлялось занятие чародейством и пр., что видно из суда над Матвеевым, Голицыными, С. Медведевым и т. п. (С. М. Соловьев, т. 14 стр. 135, 187, 301). При Петре I-м судили «жонку» за намерение «вынуть царский след».

<sup>89</sup> - «Мораеть бо гость», пишет Крижанич, «из царския руки, или от царского стола принимать напойницы; и на такову тесноту бывает приведен, да или супротив Бога, или супротив царю морает прегрешить... Пиростройцы есуть удумали дивные, остудные, премерзкие и нигде на свету невидимые способы и промыслы ко скорому упоению, на коих гости не на пир, но на грех, не на любовь, но на остуду бывают званы. Многи бо из них, не пообедавши и не окусивши хлеба, голодные ся повращают домов, а трезен паки николи никто ся несть повратил из тех пиров. Ничего бо иного не промышляет и не чинит господарь, неже како бы гостей, что наискорее опоил и из людей свиньями учинил... Истинно есть, яко на всем широком свете несть такого

мерзкого пьянства, каково есть у нас... пьянчивы все народно от мала до велика мирски и церковны, наинижи и наивыши». (Ю. Крижанич «Русское Государство в половине 17 в.» в 2 т., изд. П. А. Бессоновым. М., 1 т. 1859, стр. 298, 299, 175). О пьянстве духовенства чит. Адам Олеарий «Путешествие в Московию» М. 1870, 2 кн., 14 гл. 93 стр.; 3 кн., стр. 182 – 183.

<sup>90</sup> - Ю. Крижанич «Русское Государство в половине 17 в.» в 2 т., изд. П. А. Бессоновым. М., 2 т., 1860, 230–232 стр.; Адам Олеарий «Путешествие в Московию» кн. 3, стр. 178–179 и т. п.

<sup>91</sup> - Даже дети, едва выучивались говорить, начинали сквернословить: «не скаредное ль сие есть дело», пишет Посошков, «яко еще младенец не научился как и хлеба назвать, или чего иного нареци. или попросить, до чего ему нужда какая есть а родители научают его сквернословить и грехотворить. Чем было в начале учить младенца как Бога назвать и указывать на небо с речением, что там Бог, и так бы младенец с самых пелен научился Бога знать, а родители вместо такого учения, отец учит мать бранит сие: мама кака, мама бя-бя, а мать учит отца бранить подобно: тяти бя-бя, а как младенец станет блякать, то отец и мать тому радуются... а когда мало повозмужает младенец и говорить станет ясней, то уже учат его совершенному сквернословию и всякому неистовству (И. Т. Посошков. «Книга о скудости и богатстве» 1724, ч. 2., стр. 313).

<sup>92</sup> - Ю. Крижанич «Русское Государство в половине 17 в.» в 2 т., изд. П. А. Бессоновым. М., 1 т. 1859, 273, 290, 292 стр.

<sup>93</sup> - И. Т. Посошков. «О разбое» XII гл., стр. 154; сравн. «Полное Собрание Законов» 1 т. № 256. 423, 787.

<sup>94</sup> - Ю. Крижанич «Русское Государство в половине 17 в.» в 2 т., изд. П. А. Бессоновым. М., 1 т. 1859, 21 стр.

<sup>95</sup> - Адам Олеарий «Путешествие в Московию» М. 1870, стр. 214–216.

<sup>96</sup> - Подробнее об успехах раскола в это время см. в 3. гл. исследования.

<sup>97</sup> - Кафедры новых епархий определено было открыть в Нижнем Новгороде, Пскове, Ржеве, Великом Устюге,

Белозерске, Брянске, Дмитрове.... («Собрание Государственных Грамот и Договоров». ч. II № 59).

<sup>98</sup> - «Материалы для истории раскола» I т. 9–14 стр., ср. Дополнение к 3 т. «Дворцовых разрядов» С.-Петербург 1854 г. стр. 110.

<sup>99</sup> - Мы здесь приводим текст челобитной по окончательной ее редакции, в каковой она вошла в соборное деяние как 1-е постановление по соответствующему царскому предложению, первоначальный ее текст, значительно отличающийся от этой редакции, смотр. в приложениях к настоящему исследованию 8 и 10-м.

<sup>100</sup> - В первоначальной редакции челобитной, сохранившейся среди черновых бумаг собора, архиереями к открытию вновь было сначала намечено 15 епархий; в окончательной, сей-час приведенной редакции, челобитной не признано возможным поставит епископов из означенных там городов: в Каргополь, Белоозеро, Томск и Орел. Смотр. Приложение 8-е. Сверх этого определили «епископии Вятской быти архиепископию».

<sup>101</sup> - Как свидетельствует митрополит Иоаникий 2-й в так называемом правиле – черноризцу Иакову, «Русские Достопамятности» ч. 1. под ред. К. Ф. Калайдовича. Москва. 1815 г., стр. 102 и у преосвщ. Макария в его «Истории Русской Церкви» т. 2, изд. 2, стр. 376.

<sup>102</sup> - «Написание о вдовых попах» 48 стр. «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских» 1848., кн. II. отд. IV.

<sup>103</sup> - «История Русской Церкви» Преосв. Макария, XII т. 268 стр.

<sup>104</sup> - Там же, стр. 376–377.

<sup>105</sup> - «Летописи русской литературы и древности» т. V, М. 1863., стр. 176..

<sup>106</sup> - По Г. К. Котошихину: за патриархом числилось 7000 дворов, за 4 митрополитами 12000 дворов, за прочими архиереями 16000 дворов, за монастырями 83000 дворов. XI ст. 6.



- <sup>107</sup> - «Акты Исторические» т. 5 № 69; «Акты Археографической экспедиции». т. 4-й № 205.
- <sup>108</sup> - «Материалы для истории раскола» т. 4, 296 стр.
- <sup>109</sup> - «Полное Собрание Законов» т. 6. № 3718 стр. 324–325.
- <sup>110</sup> - «История России» С. М. Соловьева, XIII т. стр. 154. О правеже над духовенством смотр. «Акты Исторические» т. IV № 240 и др..
- <sup>111</sup> - Е. Е. Замысловский. «Царствование Феодора Алексеевича» ч. I. приложение III., стр. XXXV.
- <sup>112</sup> - В. Н. Татищев «История Российская» кн. 1 часть 2., стр. 573.
- <sup>113</sup> - Смотр. черновую челобитную в приложении 8.
- <sup>114</sup> - Смотр. редакцию челобитной в «Актах исторических» т. 5. № 75 сравн. черновик в приложении № 8.
- <sup>115</sup> - «История Русской церкви». Период 4-й (1589–1720), стр. 15., изд. 4-е.
- <sup>116</sup> - А. П. Щапов. «Русский раскол старообрядства». Казань. 1859, стр. 359.
- <sup>117</sup> - «О Московском соборе 1681–1682 г.», стр. 53.
- <sup>118</sup> - «Дополнения к Актам историческим», т. I № 4 стр. 7.
- <sup>119</sup> - Е. Е. Голубинский. «История русской церкви». I т. I-я пол., М., 1880, стр. 297.
- <sup>120</sup> - «Материалы для истории раскола». 2 т. стр. 246, 430.
- <sup>121</sup> - «Древняя Российская Вивлиофика» ч. XVIII стр. 111–113.
- <sup>122</sup> - Сравн. «Акты Исторические», т. 5. № 75, 1-й ответ и приложение № 5.
- <sup>123</sup> - Эту же причину, которую мы только не отрицаем между другими как препятствовавшую архиереям согласиться на открытие большего числа новых епархий, профессора П. Ф. Николаевский и Е. Е. Голубинский признают одним из главнейших тормозов в деле увеличения на Руси епархий вплоть до 18 столетия. Смотр. «Патриаршая область и русские епархии в XVII в.». «Христианское чтение» 1888 г. № 1–2, стр.

179 и друг.; «История русской церкви» I т. I-а полов., 1880 г., стр. 297 и друг.

<sup>124</sup> - Время вторичной женитьбы Феодора Алексеевича.

<sup>125</sup> - «Разряд без мест», «История России» С. М. Соловьева, напечатано в 14 т. в дополнениях. XXI-XXII стр.

<sup>126</sup> - От титула митрополитов, предположенного по проекту царя для 12 архиереев русские иерархи как будто не отказались: по крайней мере все существовавшие до-селе епархии, названные в проекте цари митрополиями, после февраля 1682 г. стали и в действительности считаться таковыми, за исключением Тверской и Вятской. В первую 5 февраля 1682 г. был поставлен вновь архиепископ Сергей, которого, очевидно неудобно было сразу возводить в сан митрополита, а Вятскую епископию на февральских заседаниях постановлено было «учинить архиепископию», и «12 Марта по указу Великого Государя учинен Иона Епискуп Вяцкий и Велико-Пермский Архиепископом, а степени ему учинена».. Но за то, вместо Вятского, остался митрополитом Варсанофий Сарский и сделаны вновь митрополитами архиепископы: Смоленский, Суздальский и Псковский. Итак, на Руси с 1682 г. стало при патриархе 12 митрополитов, почти так, как того хотелось и царю: Новгородский, Казанский, Астраханский, Сибирский, Ростовский, Псковский, Смоленский, Сарский, Нижегородский, Рязанский, Суздальский и Белгородский. «Созерцание Краткое лет 7190–91–92», стр. 36; «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских». 1894 г. кн. 4.

<sup>127</sup> - Письма митрополитам. Приложение 7-е.

<sup>128</sup> - Акты Исторические», т. 5 № 75.

<sup>129</sup> - «Дополнения к Актам историческим», т. 5. № 102 стр. 457.

<sup>130</sup> - «Щит православия соч. п. Лазаря» гл. 28, напечатано в IV т. «Материалов для истории раскола». Конечно, эта цифра преувеличена, но все же, чтобы сделать такое заявление с уверенностью, необходимо было иметь для сего хоть какие-нибудь основания.

<sup>131</sup> - А. П. Шапов. «Земство и раскол» вып. 1. Санкт-Петербург. 1862 г., стр. 46–47; Н. С. Соколов. «Раскол в Саратовском крае» Саратов. 1888 г. стр. 15–16.

<sup>132</sup> - «Акты Исторические», т. 5. № 91, № 100, 117, 122 и др.

<sup>133</sup> - «Древняя Российская Вивлиофика», 18 т. стр. 92.  
«История Нижегородской губернии».

<sup>134</sup> - «Полное Собрание Законов», 2 т. № 1310; С. М. Соловьев «История России», XIII т. стр. 308, «Послать государева ж грамота на Дон к донским атаманам и казакам, чтоб они с Дону от себя послали на Хопер и Медведицу реки, где живут собрався неведомо какие люди белцы и чернцы и чинят церковные расколы, посылку в станицы, и тех бы людей переловить и городки их разорить велели» (1680 г.). «Памятники дипломатических сношений с Римскою империею» т. 5 стр. 784 и 785. С.-Петербург 1858 г. (Цитир. у Е. Е. Замысловского «Царствование Феодора Алексеевича» стр. 103).

<sup>135</sup> - «Собрание Государственных Грамот и Договоров», 4 т. № 128 и 131.

<sup>136</sup> - С. М. Соловьев «История России», 13 т. стр. 309–311.  
«Дополнения к Актам Историческим», т. 8 № 50.

<sup>137</sup> - С. М. Соловьев «История России», 12 т. стр. 289. 1878 г.

<sup>138</sup> - «Древняя Российская Вивлиофика», т. 15 стр. 264.  
Слово Благодарственное п. Иоакима.

<sup>139</sup> - Заключение в скобки четыре слова вставлены в ответ, как кажется, случайно и к дальнейшему тексту совершенно не подходят. Получились они здесь, по-видимому, таким образом; в ответах собора на шесть статей царского письма это постановление начиналось словами: «Первая статья о раскольниках. И о том ответственуют соборне Святейший Патриарх со архиереи. И прежние соборы святейших патриархов..... Слова «Святейший Патриарх со архиереи» служили здесь подлежащим к сказуемому – «ответствуют», а переписчик отнес их как подлежащее к следующему ниже сказуемому – «доносили», отчего и получилась некоторая несообразность речи.

- <sup>140</sup> - Текст ответов приведен в 5 т. «Актів Исторических».
- <sup>141</sup> - Обстоятельное выяснение этих моментов в происхождении раскола можно читать в статье проф. В. О. Ключевского «Западное влияние в России 17-го века» (Историко-психологический очерк) «Вопросы философии и психологии». Сентябрь-Октябрь 1897 г. Срав. статьи о расколе проф. Е. Е. Голубинского в «Богословском Вестнике» за 1892 г.
- <sup>142</sup> - «Материалы для истории раскола» т. 2, деяние 3-е, 6-е. стр. 79, стр. 94, и др. Москва 1876 г.
- <sup>143</sup> - Там же деяние 4-е стр. 82.
- <sup>144</sup> - Также деяние 5-е стр. 86–87.
- <sup>145</sup> - Там же деяние 6-е стр. 93–94.
- <sup>146</sup> - А. П. Шапов. «Русский раскол старообрядства», стр. 91.
- <sup>147</sup> - «Акты Археографической экспедиции», т. 4 № 191 стр. 245.
- <sup>148</sup> - «Акты Исторические», т. 5 № 223.
- <sup>149</sup> - «Собрание Арх. Грамот», рукописный сборник Соловецкой библиотеки под № 20 (цит. у А. П. Шапова «Русский раскол старообрядства». стр. 107).
- <sup>150</sup> - «Акты Исторические», I т. № 104, стр. 147.
- <sup>151</sup> - И. Т. Посошков (цитир. раньше).
- <sup>152</sup> - «Акты Исторические», т. 5 № 93. Вероятно, подобные грамоты были разосланы и другим воеводам.
- <sup>153</sup> - «Акты Исторические», т. 5 № 101, 117, 127, 223; «Акты Археографической экспедиции». т. 4 № 184, 191, 284; «Полное Собрание Законов» т. 2 № 1310, т. 3 № 1629, т. 5 № 2862, 2991, 2996, 3161, 3232, т. 6 № 3765, 3891 и т. д.
- <sup>154</sup> - «Акты Археографической экспедиции». т. 4 № 284. срав. «Полное Собрание Законов», т. 2 № 1102. Софьею был между прочим издав в 1685 году указ в 12-ти «статьях», которым повелевалось упорных «хулителей» Церкви, после троекратного допроса, жечь в срубе, равно «казнить смертью» самосожигателей и «тех, которые перекрещивали», перекрещивавшихся, если раскаются, бить кнутом; а прочих,

принесших покаяние у казни отсылать в монастырь под строгий «начал» и отпускать на поруки не иначе, как убедившись в искренности их раскаяния, а неженатых и безродных не выпускать из монастыря до конца жизни. Кнуту и ссылке в дальние города подлежали и те которые уличены были в укрывательстве раскольников; даже которые держали у себя раскольников, не зная об их принадлежности к расколу, и с тех повелевалось брать денежные пени от пяти до пятидесяти рублей. Имущество казненных и ссылаемых раскольников, а также недобросовестных за них поручителей отбирать в государственную казну.

<sup>155</sup> - Конечно, это свидетельство следует принимать с осторожностью, но все же поводы к таковым рассказам раскольников, несомненно, существовали.

<sup>156</sup> - В царской грамоте Двинскому воеводе князю Никите Урусову, при назначении Афанасия Холмогорским архиепископом, 2 сентября 1682 года сделан был наприм. такой наказ об обязанности его содействовать архиерею в борьбе с расколом: «буде он архиепископ к тебе, боярину нашему и воеводе и к дьяку учнет присылать для приставов, и пушкарей, и стрельцов на ослушников во всяких церковных и духовных делах, и ты-б, боярин наш и воевода, и дьяк велели ему архиепископу для ослушников приставов, и пушкарей и стрельцов, давать сколько человек понадобится, безо всякого мотчанья (не мешкая)... а которых всяких чинов людей, во всяких церковных и в духовных делах, и церковных раскольников по распросным речам, для подлинного розыску учнет к вам присылать и ты, боярин наш и воевода, и дьяк велели у него таких людей принимать и к нам Великим Государем об них писали имянно, а их до нашего.. указу держали в крепких термах, как и иных таких же их братью раскольников». («Акты Исторические», т. 5 № 93).

<sup>157</sup> - «Полное Собрание Законов», 1 т. № 390 ст. 3 и 6.

<sup>158</sup> - С. М. Соловьев «История России», 13 т. 248 стр.

<sup>159</sup> - Там же II т. 112 стр.

<sup>160</sup> - Запустение Киевской области рисует Иоанн де Плано-Карпини в своем путешествии к Монголам («Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам, в XIII, XIV и XV столетиях» СПб., типография департамента народного просвещения. 1825).

<sup>161</sup> - Акт конфедерации, заключенный дворянством в Вильне в 1599 г. Митр. Евгений в прибавлении о софийск. соборе № 15.

<sup>162</sup> - Речь Древинского напечатана у Н. Н. Бантыш-Каменского в «Историческом известии о возникшей в Польше унии...», стр. 69–73

<sup>163</sup> - архиепископ Филарет (Гумилевский) «История Русской церкви» Период 4. 75 стр. 150 примечан.

<sup>164</sup> - Н. Н. Бантыш-Каменский «Историческое известие о возникшей в Польше унии...», стр. 95, 101.

<sup>165</sup> - «Акты Исторические», 4 т. № 115 стр. 261.

<sup>166</sup> - Там же № 261.

<sup>167</sup> - Н. Н. Бантыш-Каменский. «Историческое известие о возникшей в Польше унии...», стр. 116, 120–122.

<sup>168</sup> - С. М. Соловьев «История России», 13 т. 264 стр.

<sup>169</sup> - Там же стр. 278.

<sup>170</sup> - «Акты Исторические», т. 5 № 142 стр. 243.

<sup>171</sup> - «Дополнения к Актам историческим», 1 т. № 28 стр. 27–30, № 43 стр. 57–60. № 32 стр. 33–34.

<sup>172</sup> - епископ Амвросий (Орнатский) «История российской иерархии» в 6 ч., Москва, 1807–1815, 1 т., стр. 20.

<sup>173</sup> - «Акты Археографической экспедиции», 3 т., № 128 стр. 182–183.

<sup>174</sup> - Там же № 107 стр. 146–147.

<sup>175</sup> - Там же № 108 стр. 147–149.

<sup>176</sup> - Там же № 127 стр. 179.

<sup>177</sup> - Там же № 127, 128 стр. 179. 183 ст.; № III, стр. 154–155.

<sup>178</sup> - Там-же № 155 стр. 221.

<sup>179</sup> - Там-же № 179 стр. 261.

- <sup>180</sup> - Адам Олеарий – «Путешествие в Московию», гл. 2, стр. 79. в переводе П. П. Барсова изд. в Москве 1870 г.
- <sup>181</sup> - С. М. Соловьев «История России», т. 13, 278 стр.
- <sup>182</sup> - Там же стр. 280.
- <sup>183</sup> - Сравн. Приложение 9.
- <sup>184</sup> - Ответ собора 4-й. «Акты Исторические», т. 5 № 75 сравн. тот-же ответ собора в Приложении 9, 10.
- <sup>185</sup> - «Дополнения к Актам историческим», т. 3 № 327 стр. 479–481.
- <sup>186</sup> - Там же № 328 стр. 481–482.
- <sup>187</sup> - «Акты Исторические», т. 5. № 142 стр. 244.
- <sup>188</sup> - См. Приложение 9.
- <sup>189</sup> - «Акты Исторические», т. 5-й № 142-й.
- <sup>190</sup> - М. О. Коялович. «История воссоединения западных Униатов старых времен (до 1800)», стр. 1. С.-Петербург, 1873 г.
- <sup>191</sup> - В письме с 6 ст. эта, поставленная в скобках, прибавка составляла особое предложение, которое читалось так: «В монастырех же для совершенного воздержания и крепкого монашеского жития, возбранено св. отцы, чтоб отнюдь пития хмельного не имели, а ныне то пренебрежено и чинится от того многая душевная пагуба».
- <sup>192</sup> - «Акты Исторические», 1 т. №№ 5, 24, 37, 265, 276. и др.; «Акты Археографической экспедиции» т. 1. №№ 108 и 381; «Акты Исторические», 4 т. № 151; 5 т. № 65; «Акты Археографической экспедиции», 4 т. 37, 116, 118, 162, 165, 116, 161, 162, 165..
- <sup>193</sup> - «Материалы для истории раскола», изд. Субботина. Москва 1876 г. т. 2 стр. 140 и др.
- <sup>194</sup> - «Апокрифическая беседа преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев о нестроении последнего времени». «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских» 1859 г. кн. 3, отд. III, стр. I–VIII, 1–16. («Рассуждение инок – князя Вассияна о неприличии монастырям владеть отчинами», с предисловием О. М. Бодянского). О. М. Бодянский ошибочно приписал «Беседу»

Вассияну Патрикееву. Вскоре А. С. Павлов высказал сомнение в авторстве Патрикеева и отнес «Беседу» ко второй половине XVI века, гипотеза О. М. Бодянского надолго утвердилась в литературе. «Беседа» вышла отдельным изданием в 1889 г. – В. Г. Дружинин и М. А. Дьяконов. «Беседа преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев» Апокрифический памятник XVI в. СПб. Тип. И. Н. Скороходова. 1889 (На обл. год изд.: 1890).

<sup>195</sup> - «Сказание о известном иночьском житии...».

«Сочинения преподобного Максима Грека», в 3 ч. Казань. 1859–1862., ч. 2. стр. 89–115. 1860 г.

<sup>196</sup> - «Стоглав» изд. Субботина. Москва 1890 г. вопросы: 8, 13, 15, 16, 17, 19 и 37; стр. 51, 56, 58, 59, 61, 74; «Послание к игумену Косме с братиею» «Акты Исторические», 1 т. № 204.

<sup>197</sup> - «Акты Исторические», 5 т. №№ 152, 183, 191, 203, 211; «Акты Археографической экспедиции», т. 6. №№ 253, 281, 311, 312 и 315.

<sup>198</sup> - «Полное Собрание Законов», 3 т. № 1486; 4 т. №№ 1834, 1948; 6 т. № 4022; сравн. «Регламент» Петра I в главе «о монахах»

<sup>199</sup> - Грамотами князей монастырям предоставлялось перезывать на свои земли и в1 своя села как «тутошних старожильцев», если они прежде еще куда либо переселились, так и людей «пришлых» из чужих мест. Впрочем в грамотах делалось ограничение; чтобы не из своих княжеств призывали, а «из зарубежных» «Акты Археографической экспедиции», I т. № № 4, 16, 21, 34, 38 и друг. в «Актах Археографической экспедиции», т. I № II исчисляются подробно повинности крестьян к монастырю.

<sup>200</sup> - А. Х. Востоков. «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» СПб. В типографии Императорской Академии наук. 1842. № 53 стр. 83 и след. Срав. 1-е тт. «Актон Исторических», «Дополнений к Актам историческим» и «Актон Археографической экспедиции».

<sup>201</sup> - «Акты Археографической экспедиции», I т. № 15, относится к 1400 г.



- <sup>202</sup> - В одном только I-м т. «Акты Археографической экспедиции» насчитывается до 100 таких грамот.
- <sup>203</sup> - Смотр. в приложении 9-м 6-ю статью.
- <sup>204</sup> - По описи 1651 г. за монастырями числилось 87.907 дворов (Преосв. Макарий. «История Русской Церкви». II т. стр. 201). По Г. К. Котошихину 83.000 двор., XI ст. 6.
- <sup>205</sup> - Список жалованных грамот с 14–17 в. в «Описании русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» А. Х. Востокова. № 52 стр. 75 и след.
- <sup>206</sup> - Цитировано у А. П. Щапова. «Русский раскол старообрядства», 87 стр.
- <sup>207</sup> - Salomon Henning. «Lifflendische Churlendische Chronica von 1554 bis 1590». Leipzig. 1594 г., стр. 55 Цитирован. А. Олеарием в его «Путешествии в Московию» стр. 355.
- <sup>208</sup> - «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки», отд. 3, ч. 1. Москва 1869 г., стр. 96. № 366. «Служебник Ионы Ростовского».
- <sup>209</sup> - Адам Олеарий. «Путешествие в Московию» в переводе П. П. Барсова изд. в Москве 1870 г., стр. 855..
- <sup>210</sup> - Юрий Крижанич «Русское Государство в половине 17 в.» в 2 т., изд. П. А. Бессоновым. М., 1 т. 1859, стр. 110.
- <sup>211</sup> - «Стоглав». 8 вопр. стр. 51. Изд. Субботина Москва 1890 г.
- <sup>212</sup> - Напр. Филарет Никитич, инок Вассиан; много лиц невольно постриженных во времена Годунова, Грозного, Шуйского и других.
- <sup>213</sup> - Г. К. Котошихин. «О России в царствование Алексея Михайловича», 13 гл. ст. 10 стр. 125.
- <sup>214</sup> - Адам Олеарий. «Путешествие в Московию» в переводе П. П. Барсова изд. в Москве 1870 г., стр. 214–215.
- <sup>215</sup> - «Стоглав». 52 гл. стр. 257.
- <sup>216</sup> - Попытки в этом роде у нас были при Иоанне 3-м, Феодоре Иоанновиче и Алексее Михайловиче, но не увенчались успехом.

<sup>217</sup> - В наше время заводят церковно-приходские школы при монастырях, и некоторые монашествующие (с высшим образованием) проводят и в жизнь убеждение, что современный инок должен служить обществу и среди него, а не скрываться за стенами монастыря.

<sup>218</sup> - «Акты Исторические», т. 5 № 75 ответ на 3-е предложение.

<sup>219</sup> - «Полное Собрание Законов», 2 т. № 875.

<sup>220</sup> - «Акты Исторические», т. 5. № 75.

<sup>221</sup> - Полный текст смотр. в приложении 9-м.

<sup>222</sup> - Н. П. Турчанинов. «О соборах, бывших в России со времени введения христианства до царствования Иоанна IV Васильевича» СПб., 1829 г., стр. 59, 69; «Акты Археографической Экспедиции», в дополн. № 363; «Стоглав» изд. Субботина, вопр, 18 стр. 60; «Полное Собрание Русских Летописей», т. 6. Софийская 2-я летопись стр. 186; А. П. Шапов. – «Русский раскол старообрядчества» стр. 205; Адам Олеарий. «Путешествие в Московию» в переводе П. П. Барсова изд. в Москве 1870 г., кн. 3 стр. 93, 207, 351 и 364; «Акты Исторические», т. 4 № 62.

<sup>223</sup> - «Материалы для истории раскола», т. 2. Москва 1876 г. стр. 384–85 – «понеже бо не жены ради поп или диакон и не жены ради умертвия запрещаются священнодействия, но за порок невоздержания.... известно-же сотворися святому собору, яко ныне в российском народе обретаются священники и диаконы, имущие разум Божественных писаний, еще же ведущие и правильные вины и житие имущие чистое... таковым повелеваем.... невозбранно да служат, аще ключится и овдови которому».....

<sup>224</sup> - Г. К. Котошихин говорит, что в его время «у болших не у многих бояр учинены на дворах своих церкви, а у которых церквей нет и они болшие и середних статей бояре, которым позволено держать в домах своих попов, заутреню, и часы, и молебен, и вечерню отправляют у себя в своих хоромех.... и дают они бояре и ближние люди попам своим жалованье по сговору, погодно... вдовы попы едят с боярами своими вместе

за столом, у кого что прилучалось». «О России в царствование Алексея Михайловича», XIII гл. стр. 118. Сравн. Олеария «Путешествие в Московию», кн. 3 гл. 28 и В. Н. Берха «Царствование Феодора Алексеевича и история 1-го стрелецкого бунта», стр. 65. Сравн. «Деяния собора 1666–1667 г.» «Материалы для истории раскола», т. 2 стр. 123, 138 и 207.

<sup>225</sup> - П. В. Знаменский. «Приходское духовенство на Руси». «Православное Обозрение» 1867 г. 22 т., стр. 199.

<sup>226</sup> - «Могущий по домом своим начата держати вдовых священников без благословения и без свидетельства архиерейокаго, инии же из тех священников мнози не патриарши области, но иных епархий и мнози под запрещенми и изверженми, оставльше своего архиерея, служат по домом в царствующем граде Москве»... «Бреши накрепко во всех приходех, которые кому приказаны, чтобы в домех у бояр или иных людей, священники крестовые были с грамотами ставленными.... и чтобы иных епархий митрополичих, архиепископских и епископских, без отпусковых грамот никакого священнодействия вечернего и утреннего, и псалиды, и молебнов отнюдь не действовали, також и в протчих епархиях чужим ставленником»... «Деяния собора 1666–1667 г.» «Материалы для истории раскола», т. 2 стр. 123 и 138.

<sup>227</sup> - «Дворцовые Разряды» т. 3., стр. 1122.

<sup>228</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 4 т. № 326; П. В. Знаменский. «Приходское духовенство на Руси». «Православное Обозрение» 1867 г. 22 т., стр. 181–221; Г. М. Любимов «Историческое обозрение способов содержания христианского духовенства». СПб., 1851 г., стр. 166–167.

<sup>229</sup> - «Полное Собрание Законов», 6 т. № 4022 ст. 22 стр. 706..

<sup>230</sup> - «Полное Собрание Законов», № 832 т. 2 стр. 275: № 891; № 1704, §§ 3–4.

<sup>231</sup> - «Книга о скудости и богатстве» (1 гл. «о духовности») стр. 24, 27, 28. «И. Т. Посошков. Сочинения». Изд. М. П. Погодина, М. Типография Николая Степанова, 1842.

<sup>232</sup> - «Стоглав». 7 вопр. 50 стр. изд. Субботина; «Полное Собрание Законов», I т. № 412 гл. 2; «Акты Археографической Экспедиции», 4 т. № 204, стр. 4, «Инструкция Старостам Поповским или Благочинным Смотрителям, от Святейшего Патриарха Московского Адриана» стр. 52, 55, 57, 59, 60; «Древняя Российская Вивлиофика», 15 отд., стр. 393–405.

<sup>233</sup> - «Акты Исторические», 4 т. № 240, «Древняя Российская Вивлиофика», т. 15 стр. 393.

<sup>234</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 3 т. № 130.

<sup>235</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 4 т. № 176.

<sup>236</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 3 т. № 115 и др.

<sup>237</sup> - «Акты Исторические», т. 5 № 122.

<sup>238</sup> - «Акты Исторические», т. 4. № 205.

<sup>239</sup> - С. М. Соловьев. «История России», 11 т. 291 стр.

<sup>240</sup> - «Акты Исторические», 1 т. № 104.

<sup>241</sup> - И. Т. Посошков. «Книга о скудости и богатстве», 1 гл. стр. 31.

<sup>242</sup> - «Регламент Духовный», 138 стр. С.-Петербург. 1820 г.

<sup>243</sup> - Там же 133 стр.; П. В. Знаменский «Приходское духовенство в России со времени реформы Петра» Казань. 1873., стр. 187; «Регламент Духовный», 91 стр.

<sup>244</sup> - «Полное Собрание Законов», 7 т. № 4499.

<sup>245</sup> - «Духовный Регламент», 117 стр.

<sup>246</sup> - П. В. Знаменский «Приходское духовенство в России со времени реформы Петра» Казань. 1873., стр. 689.

<sup>247</sup> - Проект напечатан в сочинении В. Н. Берха: «Царствование Феодора Алексеевича и история 1-го стрелецкого бунта», ч. 2., 17 гл. стр. 86–100, С.-Петербург 1834–5 года; в лучшей редакции он был напечатан еще в 1818 г. в изд. «О общественном призрении в России». В 1843 г. тот же памятник был напечатан в «Молодике», ч. 3, на 1844 г. стр. 131–141. Харьков. сравн. «Журнал Министерства Внутренних Дел» 1851 г. – 10 и 11 в ст. Я. В. Ханькова. Е. Е. Замысловский в своем сочинении «Царствование Феодора Алексеевича» на стр. 22–26 приводит разночтения этого памятника, сличая редакции

его, помещенные в «Молодике», у В. Н. Берха и в издан. «О общественном призрении в России» 1818 г. Он-же, вопреки С. М. Соловьеву, относившему этот памятник к петровскому времени («История России» XIII т. пр. 218) довольно убедительно доказывает (стр. 26–29) принадлежность его именно времени царствования Феодора Алексеевича.

<sup>248</sup> - Ко времени царствования Феодора Алексеевича относит его А. В. Горский. «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки». Отдел 2. Часть 3. Москва. 1862 г. № 261.

<sup>249</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 4 т. № 228; «Полное Собрание Законов», II т. № 156.

<sup>250</sup> - Адам Олеарий. «Путешествие в Московию» в переводе П. П. Барсова изд. в Москве 1870 г., 3 гл. XXXII ст. стр. 368.

<sup>251</sup> - Г. А. Воробьев. «О Московском соборе 1681–1682 г.» стр. 130.

<sup>252</sup> - Юрий Крижанич. «Русское Государство в половине 17 в.» в 2 т., изд. П. А. Бессоновым. М., 1 т. 1859, стр. 292.

<sup>253</sup> - Адам Олеарий. «Путешествие в Московию» в переводе П. П. Барсова изд. в Москве 1870 г., 3 кн. гл. 6 стр. 87–88.

<sup>254</sup> - «Записки Желябужского с 1682 года по 2 июля 1709 г.». Изд. с замечаниями и объяснениями Д. И. Языкова. СПб., 1840. стр. 115–116.

<sup>255</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 3 т. № 264.

<sup>256</sup> - «Материалы для истории раскола», т. 2 стр. 137.

<sup>257</sup> - «Житие Феодосия», напеч. О. М. Бодянским в «Чтениях в Обществе Истории и Древностей Российских». 1868 г. кн. 3.

<sup>258</sup> - Лаврентьевская летопись, стр. 89. («Летопись по Лаврентьевскому списку». Издание Археографической комиссии. СПб, 1872., 2-е изд. – СПб, 1897).

<sup>259</sup> - Там-же стр. 163.

<sup>260</sup> - Там-же стр. 185.

<sup>261</sup> - Там-же стр. 195.

<sup>262</sup> - «Историческая Хрестоматия, для изучения истории русской церковной проповеди...» Сост. Свящ. М. А.

Поторжинский. Киев 1879. стр. 35. 28.

<sup>263</sup> - Е. Е. Голубинский. «История русской церкви» I т. I-я пол. стр. 207–214.

<sup>264</sup> - «Акты Исторические», I т. № 3.

<sup>265</sup> - архиепископ Филарет (Гумилевский) «Обзор русской духовной литературы, 862–1720».

<sup>266</sup> - «Акты Исторические», I т. № 16.

<sup>267</sup> - Лаврентьевская летопись, стр. 56–57.

<sup>268</sup> - Там же стр. 65. 85, 92, 129, 156, 188.; «Руская Летопись по Никонову списку» ч. 3 стр. 135.

<sup>269</sup> - «Духовная Владимира Мономаха», в «Исторической Христоматии церковно-славянского и русского языка» А. Д. Галахова М., 1848. т. 1, стр. 37.

<sup>270</sup> - Лаврентьевская летопись, стр. 176–197; С. М. Соловьев. – «История России», т. 13 стр. 98.

<sup>271</sup> - «Дополнения к Актам историческим», I т. № 1.

<sup>272</sup> - Устав Владимира «Дополнения к Актам историческим», I т. № 1.; грамота Ростислава Мстиславича Смоленского на епископию Смоленскую. «Дополнения к Актам историческим», I т. № 4.; грамота Святослава Новгородского о десятине. «Русские Достопамятности» ч. I. под ред. К. Ф. Калайдовича. Москва. 1815 г., 82 стран.

<sup>273</sup> - Преосв. Макарий. «История Русской Церкви». 6 т. стр. 128.

<sup>274</sup> - «Акты Исторические», I т. № 163 стр. 248.

<sup>275</sup> - «Деяния Московского собора 1666–67 г.» изд. братства св. Петра. 1881 г. стр. 45. «Материалов для истории раскола», т. 2 стр. 137.

<sup>276</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 4 т. № 298; «Полное Собрание Законов», 2 т. № 956.

<sup>277</sup> - И. М. Снегирев. «Памятники московской древности», стр. 200.

<sup>278</sup> - Проект о призрении нищих у В. Н. Берха: «Царствование Феодора Алексеевича и история 1-го стрелецкого бунта», 2 ч. стр. 87

<sup>279</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 4 т. № 228.

<sup>280</sup> - В. М. Рихтер («История медицины в России» ч. 2 1820 г.) подробно излагает содержание указа 1682 г., копия которого сохранилась в делах аптекарского приказа и который относится к царст. Феодора Алексеевича. В этом указе, данном от имени царя аптекарскому приказу чрез боярина Ивана Михайловича Милославского предписано было учредить больницы на Гранатном дворе, у Никитских ворот и богадельню в Знаменском монастыре «для болящих, бродящих и лежащих нищих по улицам». Рихтер упоминает о рукописях, в которых находятся вычисления издержек, необходимых для первоначального обзаведения гошпиталя и в которых показаны доходы с имений, назначенных для содержания нового учреждения (стр. 282). «Напоследок», говорит Рихтер, в сем указе замечено; «время уже искоренить нищих. Между последними находятся многие, достойные наказания за похищение детей и воровство; они, не будучи больными, нарочно уродуют некоторые члены своего тела, дабы чрез сие подвигнуть к состраданию, а иногда, возбуждая ужас, причиняют вред, когда жены чреваты бывают. Таким образом, в празднотии своем употребляют во зло добросердечие подобных себе, за сие они должны быть наказаны и «о учреждении рабочих домов упражняемы в трудах с пользою» (стр. 285). В заключении обзора правительственных распоряжений о призрении нищих в царствование Феодора Алексеевича Рихтер по подлиннику, найденному им в бумагах аптекарского приказа, излагает содержание сейчас названного проекта о призрении нищих. Податель проекта («О общественном призрении в России») замечает: что содержащаяся здесь предположения были частью приведены в исполнение, ибо, во 1-х, около того времени не существовал приказ строения богаделен, вероятно, потому, что при новом образовании сей части не настояло в нем более надобности – а во 2-х, и переписка в том же 1682 году была о приеме на сей предмет в ведомство аптекарского приказа разных дворцовых отчин и Гранатного двора. Дальнейшее же выполнение всего предположенного остановила, как кажется, смерть государя»,

(стр. 39). Выдержки приведены у Е. Е. Замысловского «Царствование Феодора Алексеевича» стр. 20–27.

<sup>281</sup> - Конечно, по всем епархиям и даже в некоторых уездных городах тогдашней Руси существовали богадельни, на это есть много указаний в письменных памятниках того времени, но эти учреждения вовсе не были результатом организации правильной общественной благотворительности, а носили случайный характер, будучи основаны и содержимы или на личные средства частных благотворителей (напр. Ртищевская в Москве) и архиереев (напр. Никоновские в Новгороде), или же на субсидию от казны (как напр. в Курмыше, в Симбирске, смотр. Окладную роспись расходов на 1681 г. в «Чтениях в Обществе Истории и Древностей Российских» 1893 г. кн. 4, стр. 54, 57 и др.) и при том были крайне малолюдны (в Курмыше на 10 человек, в Симбирске на 12, в Самаре на одного – там же стр. 64) и без рабочих домов при них.

<sup>282</sup> - «Полное Собрание Законов», 3 т. № 1424, 1454; 4 т. № 1856; 5 т. № 3212, 3213; 6 т. № 3945 и т. д.

<sup>283</sup> - И. Т. Посошков. «Книга о скудости и богатстве», гл. 3 стр. 103–104.

<sup>284</sup> - «Регламент Духовный», стр. 101. С.-Петербург. 1820 г.

<sup>285</sup> - П. М. Строев. «Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год)» М., 1844. смотр. для примера: 1680 г. с Сен. 1-го до 1681 г. авг. 22-е стр. 688, 669, 690, 692, 693, 694, 695, 699, 700.

<sup>286</sup> - «Дворцовые разряды» т. 4 для примера: 1674–1678 г., стр. 26, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 49, 50, 54, 55, 67 и др..

<sup>287</sup> - Адам Олеарий. «Путешествие в Московию», 3 кн. 17 гл. 342 стр..

<sup>288</sup> - «Дополнения к Актам историческим», т. 6. № 51.

<sup>289</sup> - «Акты Исторические», т. 5. № 156.

<sup>290</sup> - Место стоянки купцов – место «гостей» называлось «погостием», «погостом», а так как оно чаще совпадало с кладбищем, то, может быть, от этого и кладбища на Руси получили свое часто употребляемое название «погостов». Мало



того, даже села, т. е. селения с церковью, в отличие от других, не имевших церкви, назывались у нас долгое время погостами. В документах прежних времен вплоть до 18-го века – в писцовых книгах, в грамотах гражданских и митрополичьих – «погост» почти постоянно заменяет название «село». (Писцовые книги Ижорск. земли; Грамот. Новгородск. владык., – «Дополнения к Актам историческим», т. 1 № 28, 43, 32. «Акты Археографической Экспедиции», 4 т. № 176).

<sup>291</sup> - «Дополнения к Актам историческим», т. 3 № 119 стр. 462, 464, 468 и др.

<sup>292</sup> - «Полное Собрание Законов», т. 2 № 911.

<sup>293</sup> - «Полное Собрание Законов», т. 2 № 1074.

<sup>294</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 4 т. № 281  
сравн. «Полное Собрание Законов», 2 т. № 1189.

<sup>295</sup> - «Акты Исторические», т. 5. № 156.

<sup>296</sup> - Там-же 2-я часть № 156-го.

<sup>297</sup> - В фундаментальной библиотеке Московской Духовной Академии есть экземпляр такой книги, относящейся ко времени Алексея Михайловича. Смотр. также очерк славяно-русской библиографии В. М. Ундольского №№ 704, 3153, 3161. 3354, добав. Вычкова к Ундольскому, № 1002.

<sup>298</sup> - У меня был под руками таковой из фундаментальной библиотеки Московской Академии.

<sup>299</sup> - «Опыт российской библиографии, или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на словенском и российском языках от начала заведения типографий, до 1813 г.». ч. I СПб., 1813. №№ 1650, 1651 стр. 266–267.

<sup>300</sup> - Вот присяга на верноподданничество при возшествии на престол нового государя, т. е. из первого чина: «Се аз (имярек) обещаюся государю своему царю и великому князю (имя) всея Руси и его благоверной царице, и великой княгине (имя) и благоверному царевичу и великому князю (имя) и тем, которых детей им государем вперед Бог даст, прямити и добра хотети во всем без всякого лукавства и их государского здравия во всем оберегати, и никакого зла на их государей не мыслити и, опричь государя своего, на Владимирское и на Московское

государство и на все великие государства российского царствия и на все великие княжества, на Киевское, на Черниговское, на всю малую Русь иного царя и из иных государств польского и литовского и немецких реш королей и королевичей из разных земель царей и царевичей и из русских и иноземных родов никого не хотети». (Принимавший присягу клялся) «под государство не подыскивать – никакими мерами и никакою хитростью». Обещал, что если он где узнает (среди русских людей или иноземцев) «скоп, или заговор, или другой злой умысел против государя, донести об этом Самому царю, или его ближним людям, а при случае и самому биться за него, государя своего, не щадя головы своей до смерти». Наконец, давал обещание: «в Крым и в Калмыки, и в Литву, и в Немцы, и во иные государства не отъехать и из города и из полков, и из посылок без его государева указу и без отписки не съехать», городов неприятелю не сдавать и с недругами государственными и изменниками не дружить. Словом, государю своему «служити и прямити и добра хотети без всякого лукавства в правду». (1-й чин). В судебном деле, если спор был о деньгах, истец говорил: «якоже сие божественное и священное Евангелие учит и заповедует нам истинствовати сим, ей-ей взял у меня сей (имя) денег (сколько). Ответчик, если признавал обвинение за поклеп или за клевету, говорил: «Сей (имя) пред Божественным сим Евангелием клеветает на мя, яко взял у него денег (количество), аз же, якоже сие божественное и священное Евангелие учит и заповедует нам истинствовати сим, ни-ни, еже есть не взял». Подобное же и в других случаях тяжбы (2-й чин). В чине при вступлении на государево дело присягающий обещался: «Быти у его государева дела, у денежного или у какова сбору или у дела, а будучи мне у его Государева дела или у какого сбору сбирати мне в правду по его государеву указу, другу не дружити, недругу не мстити, купити и продавати как цена настоит и проч. По сему Божественному и Священному Евангелию ей-ей делати в правду». (3-й чин) Срав. формулу отдельного оттиска второю чина изд. 1807 г. и другие чины в «Древней Российской Вивлиофике» Н. И. Новикова т. 8. 16; «Дополнениях к Актам

историческим», т. 2 № 1 и «Полном Собрании Законов», 1 т. № № 44, 69, 86, 114; 2 т. №№ 919, 928; 6 т. №№ 3486, 3534, 3718 и др.

<sup>301</sup> - «Стоглав», стр. 155, 263 (Казанск. изд.); сравн. гл. 87 стр. 158 изд. Субботина Москва 1890 года.

<sup>302</sup> - «Дополнения к Актам историческим», т. 8. № 108, стр. 342.

<sup>303</sup> - «Полное Собрание Законов», 3 т. № 1572 стат. 8.

<sup>304</sup> - «Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis». Auctore Carolo Du Fresne, Dominus du Cange 1688 г. т. 1. под словом ὄρκος (клятва), т. II ὀρκωματικός стр. 1055 и 146 и Appendix A. glossarium mediae et. infimae latinitatis под словом juramentum (связь) стр. 123.; Jus Graeco-Romanum. Pars I. «Practica» ex actis Eustathii Romani ex codice Laurentiano» edidit C. E. Zachariae a Lingenthal, Lipsiae, T. O. Weigel. 1856 г., Τίτλος ξη' (68) стр. 292–294. сравн. ч. II synopsis minor, et epitome под буквой «ο» стр. 188–193.

<sup>305</sup> - «Собрание Государственных Грамот и Договоров», 2 т. № 85 стр. 191.

<sup>306</sup> - Там же № 198.

<sup>307</sup> - «Полное Собрание Законов», 2. т. № 859 (1681 г., Генв. 25).

<sup>308</sup> - Юрий Крижанич. «Русское Государство в половине 17 в.» в 2 т., изд. П. А. Бессоновым. ч. I стр. 291, 305, 329. Москва 1859 г.

<sup>309</sup> - «Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича...» 1-е изд. В. Н. Татищева. Москва 1768 г. стр. 89 и друг.

<sup>310</sup> - «Стоглав», гл. 68 стр. 293–294. Суботинское изд. 1890 г. Москва.

<sup>311</sup> - Юрий Крижанич в изд. Бессонова I ч. стр. 292.; Г. К. Котошихин. «О России в царствование Алексея Михайловича», стр. 97 изд. 1859 года.

<sup>312</sup> - «Полное Собрание Законов», т. 3. № 1672 ст. 8.

<sup>313</sup> - «Полное Собрание Законов», т. 5 стр. 402 гл. 5.

<sup>314</sup> - «Инструкция Старостам Поповским или Благочинным Смотрителям, от Святейшего Патриарха Московского Адриана»; «Древняя Российская Вивлиофика», 15 т. стр. 378–405 в 6-м пункте.

<sup>315</sup> - «Полное Собрание Законов», 6 т. № 8522.

<sup>316</sup> - «Сказания князя Курбского», стр. 27–28, цит. у Г. А. Воробьева 145 стр.

<sup>317</sup> - Коронации Феодора Алексеевича, Петра и Иоанна. «Полное Собрание Законов», 2 т. стр. 47–417.

<sup>318</sup> - «Полное Собрание Законов», т. 1. № 2.

<sup>319</sup> - Е. Е. Голубинский. «История русской церкви» 2 пол. 1-го т. стр. 354 прим. 3.

<sup>320</sup> - Этот торжественный ход (προέλευσις – происхождение) Животворящего Древа дал название русскому празднику 1-го августа: «Происхождение Древа Честного Животворящего Креста Господня».

<sup>321</sup> - О присылке шахом Аббасом в Москву Ризы Господней в нашей древнерусской письменности существует несколько сказаний. Одно из них принадлежит известному писателю 17 века князю Семену Шаховскому. В рукописном сборнике академика Н. С. Тихонравова оно озаглавляется: «Сказание о принесении святыя Боготелесные Ризы Господа нашего Иисуса Христа, яже принесена бысь от Перския страны в царствующий град Москву ко благочестивому и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея Руси самодержцу и, по плотскому рождению ко отцу его, и в духовном чину отцу и богомольцу великому Господину и Государю святейшему Кир Филарету патриарху от Аббас Шаха, Перския страны Царя». Другое сказание, чаще встречаемое в наших рукописях, напечатанное в 2-м томе «Дворцовых разрядов», имеет неодинаковое в различных списках общее заглавие, после которого следует один и тот же частный заголовок, – «выписано из кивылбашских отписок государевых посланников Василья Коробьина да дьяка Остафья Кувшинова и из распросу Иерусалимского келаря Оникея о Срачице Господа нашего Иисуса Христа» (С.-Петербург 1851 года стр. 761–822). Это последнее сказание,

отличающееся гораздо большими (в сравнении с первым фактическими сведениями, составлено на основании официальных данных и официального происхождения. В 5-м выпуске «Сборника Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел» издано сполна подлинное «Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Феодоровичу в 1625 году», оно же издано и отдельным оттиском. Москва 1891 г. Кроме того краткое известие о принесении Ризы Господней в Москву и об исцелении болящих находится в Летописи о многих мятежах, издание 2-е Москва 1788 г. стр. 833, 835 и в «Русской Летописи по Никонову списку» ч. 8 стр. 248–250, в четьи Миней под 10-м июля и в «Актах Археографической Экспедиции» 3 т., под № 168.

<sup>322</sup> - Известно, что при Филарете на Руси решено было перекрещивать католиков при переходе их в православие.

<sup>323</sup> - Все эти выдержки приведены по документу, напечатанному в приложении ко 2 тому «Дворцовых Разрядов».

<sup>324</sup> - «Дворцовые разряды», 2 т. прилож. стр. 767–822.

<sup>325</sup> - Столько чудес записано в списках, напечатанных в приложении ко 2 т. «Дворцовых Разрядов».

<sup>326</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 3 т. № 168.

<sup>327</sup> - Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, стр. 188, 162, 183, 210, 260, 201, 333, 381, 402, 422 443, 464, 498, 615, 554, 599, и Феодора Алексеевича, стр. 624, 641, 660, 671, 685. («Выходы государей...» П. М. Строева, М., 1844).

<sup>328</sup> - Там же стр. 12.

<sup>329</sup> - Там же стр. 48.

<sup>330</sup> - Там же стр. 76.

<sup>331</sup> - Там же стр. 112, 121.

<sup>332</sup> - «Акты Археографической Экспедиции», 3 т. № 168 ср. «Собрание Государственных Грамот и Договоров», 3 т. № 73.

<sup>333</sup> - Дополнения к 13 т. «Истории России» Соловьева, напечатанных при 14 т. стр. 24, документ озаглавлен: «Разряд без мест Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малые и Белые Росии самодержца... 190 году».

- 334 - священник П. А. Смирнов. «Иоаким, патриарх Московский», М., тип. Л. Ф. Снегирева, 1881.
- 335 - «Акты Исторические», т. 4. № 240.
- 336 - «Акты Исторические», т. 4. № 259.
- 337 - С. М. Соловьев «История России» т. 13 стр. 332.
- 338 - Там же стр. 191.
- 339 - Там же стр. 231.
- 340 - Предисловие к деяниям собора. «Акты Исторические», т. 5. № 75. 109 стр.
- 341 - Кроме впрочем постановления о нетрезвости вдового белого духовенства (ответ 3).
- 342 - «Акты Исторические», т. 5. № 75.
- 343 - 2-го Сентября, 27 Ноября 1881 г. и 6 Февраля 1682 года.
- 344 - Дело Стоглавого собора историками приписывается митрополиту Макарию, а не Грозному.
- 345 - С. М. Соловьев «История России» 13 т. стр. 230.
- 346 - 184 г. февраля в 14 день по указу В. Г. Ц. и В. К. Феодора Алексеевича... боярин князь Никита Иванович Одоевской в аптекарском приказе доктуров, и медицину, и аптекаря допрашивал. В. Г. Ц. и В. К. Феодор Алексеевич всеа... Руси скорбит ношками и их доктуров.... указал допросить; у всех ли у них меж себя совет и любовь и нет-ли меж их какова несогласия... И в 15 день Великий Государь... указал своим государевым доктором видеть своя государские очи... и того ж числа.. при великом господине св. Иоакиме, патр. Моск. и всеа Руси, и при комнатных его царского величества боярех доктуры, и медикус, и аптекари его государские очи видели и ево государственной болезни смотрели. А смотря доктор Яган Костериус сказал, что ево государственная болезнь не от внешнего случая и ни от какой порчи, но от ево царского величества природы, а имянно та болезнь цынга. А та де цынга была отца ево государева блаженные памяти.... в персоне и надобно де ему... внутрь давать лекарства против цынги легкие... а не проносные и не тяжкие... А ношки де ево государские надобно мазать мазью, которую ныне делают в

аптеке и сверх мази прикладывать пластырь и сверх де того надобно написать образец, по которому его царское величество изводил бы свое государское кушанье и питье употреблять. А воды (мочи) его государской смотря сказал, что вода тонка и противного знаку в себе не вмеет и знак со облочком значит хотящего быть ево государского к кутанью хотенья, а жару чрезвычайного не значить». В определении болезни с Яганом Костериусом были согласны доктора: Лаврентий Блюментрост, Степан, Михайло, «медицина» Симен Зомер и аптекарь Яган Гуттер Менсх, и хотя не считали эту болезнь неизлечимою, однако заявили, что «ту де ево государскую болезнь можно за Божиею помощью вылечить только исподоволь, а не скорым временем»... («Дела аптекарского приказа». Извлечены из документов, хранящихся в Архиве Министерства Внутр. Дел, в отделении медицинского департамента. Напечат. у Е. Е. Замысловского «Царствование Феодора Алексеевича» ч. 1, приложение 1 стр. I–IV).

<sup>347</sup> - В. Н. Берх «Царствование Феодора Алексеевича и история 1-го стрелецкого бунта», ч. 1 стр. 113; А. И. Вейдемейер. «О России под державою дома Романовых до единодержавия Петра Великого». СПб., 1868 г. стр. 94–95. Н. А. Полевой. «Обозрение русской истории до единодержавия Петра Великого», 1846 г., стр. 18; Н. Г. Устрялов. «Русская история». 1856 т. ч. 1 стр. 399; цитир. у Воробьева «О Московском соборе 1681–82 г.» прим. 3-е на 7-й стр.; Е. Е. Замысловский. «Царствование Феодора Алексеевича», стр. 14–15. С.-Петербург 1871 г.

<sup>348</sup> - Только в «Созерцании Кратком лет 7190, 7191 и 7192» можно прочитать с Феодоре несколько особенный отзыв, как о государе выдающемся: «Феодор Алексеевич», пишет автор этого сочинения, «бе зело в благочестии ревнитель и всякого добра и благочинства в государстве своем истинный желатель... Всячески же он, великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич о том промышляше, да слава Божия в людех, наипаче в его государстве, множилася бы, и того ради в подданстве живущих разных вер поганских людей посылал обращать в право славную веру, Мордву, и Черемису, и

Казанских татар крестити. Также всяких учений, дабы лучший свет в познании божественного писания отворялся, творяше zelное тщание, не токмо же оные созерцати хоте, но и художников всякого мастерства и рукоделия в палаты свои государевы мастерския собирая, сам прилежно смотряше, деланию их внемля, да никогда же ум его празден обрящется и поползнется в кое-либо дело незаконное. Но оные делати вся своим государским рассмотнительством богато жаловаше»... «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских». 1894 г. кн. 4 стр. 17.

<sup>349</sup> - С. М. Соловьев. «История России» т. 14 стр. 97–98.

<sup>350</sup> - Там же стр. 99.

<sup>351</sup> - Языкова называли «человеком великой остроты, глубоким Московских прежде площадных, потом же дворских обхождений проникателем»; Лихачева считали «человеком доброй совести, исполненным великого разума и самого благочестивого состояния». С. М. Соловьев. «История России» 13 т. 249 стр.

<sup>352</sup> - План переустройства церковного управления дает некоторое право приписывать, именно, Симеону Полоцкому. В. Н. Татищев, когда замечает: «царь Феодор по представлению учителя его Симеона Полоцкого.... умыслил учинить четырех патриархов, где прежде митрополиты, то архиепископов и епископов, в папы призвать сверженного Никона, Иоакима патриархом в Новгород». («История Российская» кн. 1, ч. 2, стр. 573). У князя Петра Долгорукова на стр. 25 его «Сказания о роде князей Долгоруковых» (С.-Петербург. Типография Е. Фишера. 1842 г.) замечено; «Наставник Феодора Симеон Полоцкий.... таил замыслы обширные; воспитанный иезуитами считал все средства позволенными для достижения цели и мечтал о расширении власти духовной...».

<sup>353</sup> - Перечень главнейших планов а начинаний этого царствования ниже в этой же главе.

<sup>354</sup> - Юрий Крижанич. «Русское Государство в половине 17 в.» в 2 т., изд. П. А. Бессоновым ч. 2 стр. 116–117. Москва. 1860 г.



<sup>355</sup> - П. М. Строев. «Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича...» 35 гл. 619 и друг. стр.

<sup>356</sup> - «О строении и деланиях церквей святых и полат подобно был другой то Соломон явился, толикое тщание име, украшаше же святые иконы зело» «Созерцание Краткое»... «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских». 1894 кн. 4 стр. 17.

<sup>357</sup> - С означенной стороны это время подробно и доказательно охарактеризовано Сергеем М. Соловьевым в 13 т. его «Истории России», куда мы и отсылаем читателя...

<sup>358</sup> - «Дополнения к Актам историческим», т. 7. № 10. Здесь мы не перечисляем очень много благодетельных указов, касавшихся наприим. заселения Сибири («Дополнения к Актам историческим», т. 7 №№ 8, 9. 19, 21. 24, 38, 64, 57, 61, 62, 68, 74, 75) о разных промыслах, напр. о рыбном, – о торговле с иностранцами и т. п.

<sup>359</sup> - «Полное Собрание Законов», № 772, 846.

<sup>360</sup> - Там же № 779.

<sup>361</sup> - «Акты Исторические», т. 5. № 55; «Полное Собрание Законов», № 845.

<sup>362</sup> - «Полное Собрание Законов», № 826..

<sup>363</sup> - В. О. Ключевский. «Боярская дума древней Руси». Издание 2-е. Москва. 1883 г. стр. 492.

<sup>364</sup> - С. М. Соловьев. «История России», 14 т. стр. 277.

<sup>365</sup> - «Акты Исторические», т. 5 № 77.

<sup>366</sup> - Там же № 83.

<sup>367</sup> - «Собрание Государственных Грамот и Договоров», т. 4 № 130.

<sup>368</sup> - Высшие должности, обозначенные в этой росписи, трех родов: военные, придворные и гражданские. Высших военных сановников 14: 1) «дворовый воевода», что-то вроде военного министра и вместе начальника походной царской квартиры; 2) «оружейничей», фельдцейгмейстер; 3–4) два инспектора пехоты и кавалерии(3) «болярин над пехотой» и 4) «болярин над

конной ратью» и десять «воевод местных розрядов», или военных округов: Северского розряду, Володимерского, Новгородского, Астараханского, Сибирского, Смоленского, Резанского, Белгородского полку, Танбовского розряду. Придворные сановники: «дворецкой», «кравчей», «Начальник над чашники» и «постельничей». Ряд гражданских сановников открывается «предстателем и рассматривателем над всеми судьями царствующего града Москвы», т. е. министром юстиции, с коллегией 12 заседателей, «боляр и думных людей». За министром юстиции следуют 60 наместников, носивших имена разных городов государства. Первое место между ними занимает «наместник Володимерской», второе «наместник Новгородской» 3-е место наместник Казанский. 4-е Астраханский, 5-е Псковский, -Смоленский, Тверской, Югорский, Великопермский, Болгарский, Нижегородский, Резанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский. Кондикский, Суздальский, Вологодский, Костромской, Коломенский, Дорогобужский, Свияжский, Брянский, Усьюжский, Тульский. Коширский, Курский, Терский, Великолуцкий, Торопецкий, Енисейский, Мангазейский, Томский, Новоторжский, Ржевский, Чебоксарский, Белский, Шацкий, Алаторский, Каргопольский, Муромский, Колужский, Звенигородский, Путивльский, Галицкий, Олонецкий, Тотемский, Тюменский, Кеврольский, Валуйский, Симбирский, Вяземский, Тамбовский, Можайский, Кадомский, Кашинский, Рославский и т. д. Ряд гражданских сановников оканчивается печатником и думным посольским дьяком. Все эти должности распределены на 34 степени, из которых одни, так сказать, единоличные, а к другим причислено по несколько сановников, так первую степень составляет «разсмотритель над судьями» со своими 12 товарищами, а к последней 34-й степени отнесены 20 наместников, печатник и думный дьяк посольский». Проект сполна напечатан в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России». Издание Н. В. Калачева, кн. I, отделение II, стр. 23–33. Москва 1850 г.

<sup>369</sup> - В. Н. Берх «Царствование Феодора Алексеевича и история 1-го стрелецкого бунта», стр. 86.

<sup>370</sup> - епископ Амвросий (Орнатский) «История российской иерархии» Москва, изд. 2. 1822 года. т. 1 стр. 515–543.

<sup>371</sup> - Так напр. в проекте о несменяемых наместниках можно видеть зачатки петровского разделения территории государства на губернии. В совещаниях Голицына с выборными от служилых, на которых предполагало с «прежде бывшее воинское устройство... переменить на лучшее», в заведении постоянных полков и уничтожении местничества можно усматривать предупреждение военных реформ Петра и возвышения при нем разночинцев и т. д.

<sup>372</sup> - «Сей государь», пишет митр. Платон, «скончался в цветущей юности, будучи 26 лет (?) к великой горести и печали всея России, обливавшейся слезами о лишении его. Да и подлинно, было о чем плакать и рыдать. Ибо от сего благоразумного государя все просвещение и поправление происходило не вдруг; но помалу и с соображением свойства народа, что все было бы еще тверже и надежнее, яко он основывал то на благочестия, и утверждал своим благочестивым примером. Но сего благополучия нас непостижимая судьба Божия не удостоила». «Краткая церковная Российская История» т. 2, стр. 266. Москва, в Синодальной Типографии. 1805 г.

<sup>373</sup> - При напечатании текста рукописных документов против буквы подлинника в настоящем случае допущено некоторое отступление лишь в том, что 1) буквы: «ѣ, і, и, ѥ» в окончаниях слов употреблены по правилам грамматики нашего (XIX в.) времени (наприм., вместо «въ уѣзде», «въ Галиче», «Великій», «Іоакимъ», «і вдовыхъ» напечатано: «въ уѣздѣ», «въ Галичѣ», «Великій», «Іоакимъ», «и вдовыхъ»); 2) предлоги: «въ», «съ», «изъ», «безъ», в подлиннике по большей части писанные без твердого знака напечатаны везде с твердым знаком.

<sup>374</sup> - Многоточие означает пропуск, в подлиннике в этих местах листы истлели или оторваны.

<sup>375</sup> - Эта роспись по листам скреплена стряпчим, но разобрать его имя и фамилию невозможно.

376 - Количество монастырей и дворов при них в рукописи замарано.

377 - В рукописи затерто.

378 - В подлиннике не ясна цифра, скорее можно читать 310.

379 - Числа написаны в этой тетради словами.

380 - В Свяжску и Синбирску написано в подлиннике по два раза.

381 - Сначала было написано «за Троецким».

382 - Прежде было написано «в Порхове».

383 - Прежде было написано: «в Еренску, который стоят на реке Выми, жилых только 4 кельи, да 7 дворов церковным, а крестьянских дворов за ними нет», но потом эти слова зачеркнуты.

384 - В подлиннике число дворов не обозначено.

385 - Вся тетрадь напечатана в «Полном Собрании Законов», т. 2. № 898 и «Собрании Государственных Грамот и Договоров», т. 4 № 128.

386 - «Пол..» означает, что следует полный титул.

387 - В «Полном Собрании Законов», № 898 напечатано 649 двор., в «Собрании Государственных Грамот и Договоров», IV т. № 128 – 539 двор.

388 - В подлиннике слова «ныне» и «по нынешней» везде написаны чрез «е».

389 - Все, что заключено в скобки, зачеркнуто в подлиннике.

390 - Это письмо с весьма небольшими изменениями напечатано в 4 т. «Собрания Государственных Грамот и Договоров», под № 131.

391 - Нужно бы сказать три определения, так как здесь имеется еще определение об епархии Тверской, вложенное в ату тетрадь, вероятно, уже после того, как сделана надпись архива.

392 - В этом перечислении не упомянет Звенигород, потому что в письмах царя к архиереям он был вычеркнут из ноябрьской росписи «по указу Лариона Ивановича» (Сравн. 7 приложение).